

АНТОЛОГИЯ
БЕЛОРУССКОЙ
ПОЭЗИИ

Литература

Литература

"Пусть стихи Ваши
мне удобнутся..."

Г. Ринский.

Людские мимолетные
на добрую память.

с друзьями Ринскими

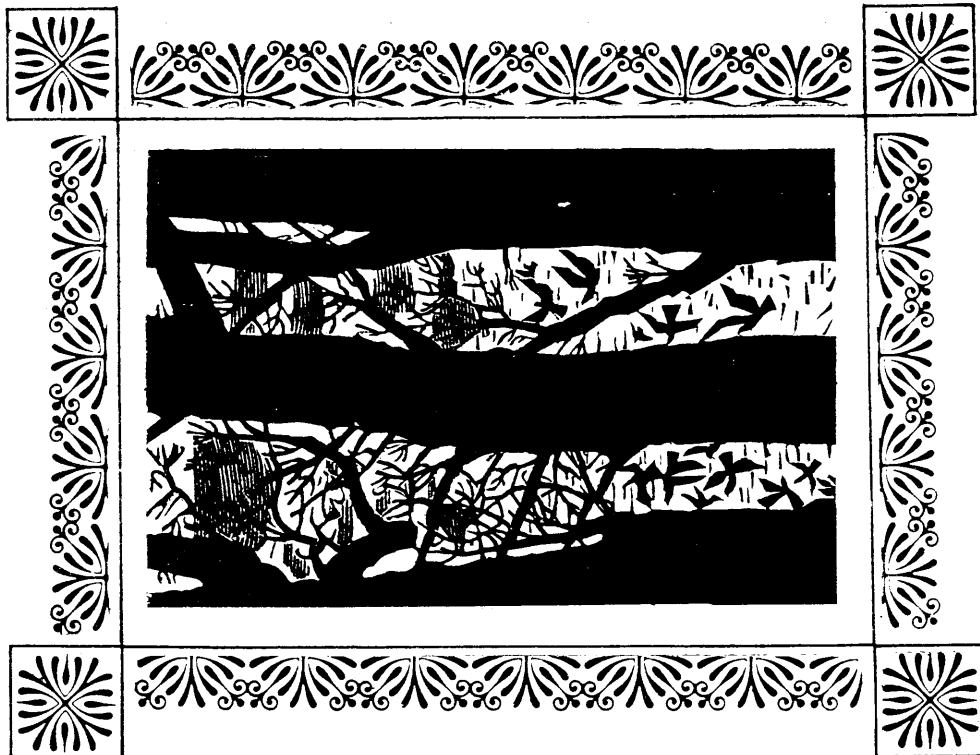
май 2002 г.

АНТОЛОГИЯ
БЕЛОРУССКОЙ
ПОЭЗИИ

Перевод Геннадия Римского

ТОМ
I

Москва
Русский Двор
2001

УДК 821.161.3-1
ББК 84(4Бел)-5
А72

Консультанты:

Н. В. ПЕРЕЯСЛОВ
секретарь правления Союза писателей России,
секретарь-адъюнкт Московского отделения
Петровской Академии наук и искусств,
О. Е. ВОРОНИНА
член Союза писателей России.

А72 Антология белорусской поэзии в 2-х томах. Перевод
Геннадия Римского. Т.1 — М.: Русский Двор, 2001. —
512 с.

ISBN 5-88752-039-6(Т.1)
ISBN 5-88752-038-8

Книга предлагает вашему вниманию пятитомковой свод
белорусской поэзии, представленный более чем 150 авторами.
Выход в свет двухтомника «Антология белорусской поэзии»
продолжает знакомство российского читателя с белорусской
культурой, начатое сборником «Белорусская лирика XIX-XX
веков» (М.: Русский Двор, 1998).

Новые переводы, вошедшие в антологию, значительно
расширяют временные рамки, охватывая произведения
прославленных классиков и современных поэтов, что,
безусловно, заинтересует всех любителей поэзии и послужит
укреплению дружбы между народами.

УДК 821.161.3-1
ББК 84(4Бел)-5

ISBN 5-88752-039-6 (Т.1)
ISBN 5-88752-038-8

© Авторы соответственно, 2001
© Г. В. Римский, перевод, 2001
© ОАО Русский Двор, подготовка к изданию,
оформление, 2001

РИФМОВАННАЯ АРИТМИЯ ВРЕМЕНИ

Как свидетельствует опыт мировой истории, от
поэдов и народов остаются в вечности только
те вещи, которые не поддаются времени. Цир-
кулярность, повторяемость, цикличность, цир-
кулярность — *архитектура*; полотна живописцев,
драматургов, скульпторов, бронзовые статуэтки, зо-
лотые нити, иконы, фигурки из слоновой кости и
серебра, украшения из золота, серебра и драго-
ценных камней, инкрустированное оружие (коро-
ты говоря — предметы *искусства*); различные от-
крытия, исследования и технические изобретения
или — *наука*; а также народные сказания, мифы,
легенды, песни, исторические былины, летопи-
си, средневековые поэтические баллады, посло-
вницы и поговорки, письма, загадки, художест-
венные произведения, мемуары, философские
трактаты и иное словесное наследие (то есть все
то, что мы сегодня относим к такому понятию,
как — *литература*). Все же остальное — имеет
шанс зацепиться в памяти грядущих поколений
только в том случае, если оно хоть каким-то бо-
дом имеет отношение к обозначенным выше кате-
гориям (хотя и тут, как показала история, оказа-
лось, важнее всего быть запечатленным в слове
летописца, мемуариста или поэта).

Пу кто бы, в самом-то деле, помнил сегодня о
существовании исчезнувшей еще за двенадцать ве-
ков до нашей эры небольшой (всего-то 200 метров
в поперечнике!) малоазиатской крепости Троя, если

бы осененный от старости поэт Гомер не сочинил про нее свою бессмертную «Илиаду»? Да и при словах о самой Древней Греции в первую очередь вспоминается именно Гомер и его поэмы, как при словах о Древней Руси — безымянное «Слово о полку Игореве».

Впрочем, «Слово...» — это памятник не только древне-русской, но одновременно и украинской, и белорусской литературы, ибо оно соединяет в себе диалектизмы, топонимы и историю сразу всех этих трех братских народов. Хотя, как мне кажется, в данном случае все же несколько противостоит — но употребляют это выражение — «три народа», уместнее, пожалуй, все-таки говорить о трех составных руслах *единого* в своем этногенетическом происхождении народа. Не случайно же и преждевременно ушедший из этой жизни замечательный белорусский поэт Александр Мельников, писавший свои собственные стихи на русском языке, говоря о работе над переводами произведений белорусских поэтов на русский, признавался:

...Гружусь, печалюсь радостью одной:
Как тяжело с *родного* — на *родной*.

Каково-то было бы ему увидеть, доживи он до сегодняшних дней, как даже эта — в чем-то, наверное, и правда, парадоксальная для народов с *одной* языковой основой — необходимость перевода стихов с одного *родного* языка на другой оказалась ныне «сброшенной с парохода современности», и каждая из братских литератур вынуждена теперь существовать единственно в шкале своих собственных национально-культурных координат, не пересекаясь, не взаимообогащаясь и не взаимодействуя со своими вчерашними партнерами.

Не знаю, может быть, здесь и не место для того, но не могу не высказать мысль о том, что во многом наша *собственная* вина, что мы почти оказались каждый будто бы на своем необходимом, *отделенном* друг от друга волнами *самостоятельной*, этнокультурного острова. Для чего, спрашивается, наши великие первоучители — соотечественники братья Кирилл и Мефодий — совершили свой христианский подвиг и создавали общеславянскую «кириллицу», если мы не сочли возможным преодолеть элементарные диалектные различия и (думаю, в силу только одной своей духовной лени) освободили себя от счастливейшей возможности владеть сразу всеми наречиями нашего великого праматеринского языка? Почему мы не учили столь близкие между собой украинский, русский и белорусский (хотя должны были мы знать также и польский, и польский, и болгарский), чтобы говорить друг с другом и читать *одно* друг друга во всех ее оттенках и переливах, не прибегая к помощи словарей и переводчиков? Не малую роль в углублении этой языковой дифференциации сыграла, конечно, и сама советская система с ее безупречно отлаженным механизмом разделения функций, обеспечивавшим при помощи института высокопрофессиональных переводчиков широкий доступ к произведениям практически любого из национальных писателей и сглаживавшим тем самым необходимость в самостоятельном изучении языков других республик. Поэтому, что стоило только этой системе развалиться, и каждая из братских литератур мгновенно стала представлять для соседей полнющую «терру инкогниту». Братясь в этой ситуации за изучением национальных языков было уже вроде как

поздно (к тому же это перестало подкрепляться какой бы то ни было материальной перспективой), а казавшиеся еще вчера такими созвучными и понятными белорусский и украинский языки, в отсутствие подстрочных переводов, оказались са- мой что ни на есть сущей китайской грамотой.

В этих условиях невозможно переоценить тот труд, который подняли на своих плечах перевод- чик Гонимий Римский и издательство «Русский Дом», сделавшие возможным выход к читателю «Антологии белорусской поэзии», начиная от Ки- риллы Туровского и Франциска Скорины вплоть до Рыгора Бородулина, Нила Гилевича и поэтов самого молодого поколения.

Понятно, что, будучи составленным на основе переводов, выполненных *одним* человеком, этот двухтомник не мог избежать определенного оттен- ка субъективности — в последние годы подготовка изданий подобного рода вообще перешла из ве- дения научных коллективов в руки индивидуаль- ных составителей, и это, как показывает практи- ка, не может не проявить себя в виде ярко выраженных вкусовых пристрастий, влияющих на отбор круга публикуемых авторов и их произведе- ний. Достаточно вспомнить тут составленную Ев- гением Евтушенко поэтическую антологию «Стро- фы века», которая получила массу упреков как раз в излишне субъективном подходе к формированию состава ее участников и корпуса отобранных для включения в нее стихов. За это же упрекали и со- ставителей другой антологии — Владимира Кост- рова и Юрия Полякова, а также супругов Юрия Конецкого и Любовь Ладейщикову, составивших ан- тологию русской поэзии Урала, и многих других. И уж тем более эта субъективность не могла не ска-

заться, когда формированием антологии занимал- ся сам переводчик, который одних авторов пере- водил всю жизнь и в большом количестве, а дру- гих — только от случая к случаю... Хотя панорама белорусской поэзии и приобретает от этого черты некоторой диспропорциональности, общих своих масштабов она тем не менее не теряет.

Читай пятиязыковой свод белорусской поэзии, на- писанный отчетливо видеть, что стихи — это не просто рифмованные выплески положительных или отрицательных эмоций отдельных авторов, но восторг — кардиограмма истории всего народа, воспроизводящая ритм его взлетов и падений, ус- пехов и трагедий, периодов радостного труда и охот голода и выживания. Хронологический прин- цип расположения материала в книге оказывает- ся «эффектнее» любого из возможных вариантов со- ставления, так как сам задает начальную точку отсчета к этических и эстетических координат, воз- вращая к стихотворению Франциска Скорины «Ве- рую в Бога единого», представляющему собой по- литическое переложение Господних заповедей:

...Не убий ни единого
И не сверши греха блудного.
Не кради, что чужое,
Не дай свидетелю лжесвидетельства.
Не желай жены ближнего,
Ни имени его или вещи его.

Задав таким образом при помощи отсылки к Бо- гим заповедям изначально высокий нравствен- ный ориентир, составители и издатели «Антоло- гии» получили прекрасную возможность для проработки всех последующих образов и поэтиче- ских сюжетов на этот характерный для древнерус-

ской летописной традиции эталон. И следующие далее «Метры на пришествие во град отчий Полоцк пресветлого, благочестивого и христолюбивого царя и великого князя Алексея Михайловича» Симеона Полоцкого эту традицию подкрепляют и усиливают. «Жий, монархо российский, жий долгие лета, / Пусть завидует недруг, пока церковь на свете», — пишет автор, как бы продляя размысленные Скориной заповеди с судьбы отдельного человека на участь всего государства. Наши предки, похоже, гораздо лучше нас понимали, что только защитой церковной молитвы удерживают мир и благоденствие в Отечестве, и соответственно — от сопутствующей этому благочестивости или греховности граждан зависит благополучие и всей державы. Ведь всё, что попускается нам свыше от Господа, — это только Его наказание или милость за наши же *собственные* дела, а то и проверка: не отречемся ли мы от Него при первом же испытании? И как это ни парадоксально, но из последовательного чтения «Антологии» становится хорошо видно, что ситуация, напоминающая произошедшее сегодня в странах СНГ, эта зарифмованная поэтами аритмия общественных катаклизмов повторяется в истории наших народов практически из века в век, словно Господь устраивает для каждого нового поколения экзамены на духовную зрелость.

Вот, к примеру, стихотворение Яна Чачота «О ты, край мой несчастливый!», написанное им еще в 1823 году, которое, словно в волшебном зеркале, передает ситуацию практически всего XX века — с его Первой мировой, а затем Гражданской войной, последовавшими за ними революцией, террором, военным коммунизмом, коллективизацией и репрессиями, нагнавшими в 1941-м Вто-

рой мировой войной, экспериментами Никиты Хрущева по порочению частнособственных инстинктов крестьян и завершившей все горбачевской «перестройкой», принесшей разрушение всего созданного поколениями наших отцов, поднявшей на поверхность жизни весь копившийся ранее на ее дне криминальный мусор и ввергнувшей народы бывшего СССР в очередную нищету, безработицу, межэтнические конфликты и бесправие.

О ты, край мой несчастливый!

Где ж сыны твои, Отчизна?

И дождутся ль твои нивы

Солнца, света, воли, жизни?..

...Память влоптана в болото

Наших предков, честь и совесть.

Кары, гора ждуг сироты,

Над гробами плачут вдовы.

В нас растут братоубийцы

И предатели богаты.

Бойся друга-кровопийцы,

Бойся, брат, родного брата...

То же самое отчаяние и безысходность опять и опять всплывают через определенные десятилетия в стихах Владислава Сырокомли, Янки Лучины, Кондрата Крапивы, Тетки, Максима Богдановича, Имена Пантенко и целого ряда других авторов, включая поэтов 1950—1960-х годов рождения, в чьи строки уже вошли горечь Чернобыля и Чечни, боль за ошибки отцов и тоска из-за непрекращающейся нынешней смуты. Увы, но попытки высказаться по поводу еще не остывших политических событий почти неизбежно грешат поспешностью суждений и особенно — *осуждений*, как это, в частности, видно по стихам Сергея Степана:

...Молитвы нами все забыты
И безжалостность у звонниц
Вновь шлет народ мой домоватын
Ид из отравленных криниц

И застает наша пина —
Татарник встал среди руин.
О, мой народ, ты несчастливый
Торемник твой — родной твой сын...

Думается, что от настоящей поэзии требуется все-таки гораздо большая сдержанность, не к лицу ей выносить торопливые обвинения, копируя собой пресловутые сталинские процессы против троцкистов. Хотя бы в этом она не должна брать пример с власти, столько раз на протяжении минувшего века пятнавшей себя такими вот поспешно-неправедными приговорами. И к счастью, словно выпавшая своими стихами несправедливую строку в общенациональном акте, буквально на соседней странице с процитированным выше стихотворением С. Степана его сверстник Змитрок Морозов находит более сердечные, более человеческие (и тем самым более конструктивные) слова для выражения своего отношения к действительности:

...Утонет ли Отчизна в море слез?
Зовет для покаяния Христос,
Лишь продаст Иуда, покупает...
Без веры человек, как та польнь,
«Не осуждай отца ошибок, сын!» —
Душа одну молитву повторяет.

Такое же отношение к жизни проповедует своим творчеством и Петрусь Мокаль, сумевший, перешагнув через обиды сегодняшнего времени, найти необходимые духоукрепляющие слова для своих

сочинителей: «По воле Божьей милости живи, / Пусть, даже на Земле бесчеловечно, / Учись у поэта, чьи созвездья вечно / Притягивают силою любви...»

Отражая все чередующиеся в истории народа периоды расцвета и упадка, выражая вечную веру человека в *светлое будущее* (куда уйти от этого образа?), и показывая его трагедийное восприятие настоящего, белорусская поэзия уместила в себе всю гамму порывов человеческой души и весь спектр философско-религиозных воззрений. Самым заметным шагом в сторону от христианских ориентиров Франциска Скорины явилась идеализация возможностей человеческого разума, показывающая, сколь много надежд возлагал человек на прогрессивную миссию науки в этом мире. Так например, предчувствуя грядущие в недалеком будущем социально-политические перемены, классик белорусской поэзии Янка Купала писал в 1906 году:

...Кривые тропки темного життя
Науки сонцём стоіць осветіць,
Чтоб мы — любой: і вэрэсней, і дзіця, —
Не заблудзіліся, век змогли дожыць.
Наукой, волей снімем боль беды,
Засеем долю — новь родной землі,
И заживем счастливо, без вражды,
Как прадеды не жили, не змогли.

Просто удивительно, до чего беспредельна вера человека в социальную, природную и Божественную справедливость, в то, что все в этом мире рано или поздно устроится ко всеобщему народному счастью! По-разному понимают это устройство представленные в «Антологии» поэты — одни, как это видно по стихам Янки Купалы, уповали

на торжество научной организации жизни, дру-
гие связывали надежды на обретение земного рая
с социальным переустройством общества, идеями
социализма-коммунизма. Увы, как показывает ис-
торический опыт (причем не только построения
социализма в СССР, но и социалистических экс-
периментов во многих других странах мира, на-
чиная, может быть, с «поселков общности и сотру-
дничества» Оуэна, попытки создания Парижской
коммуны в 1789 и 1871 годах и вплоть до создания
политического режима в Кампучии), социально-
политические идеи нередко оказываются ошибоч-
ными, ведущими не туда, куда хотелось при их
теоретической разработке, но это свидетельству-
ет о заблуждениях скорее *разума*, тогда как свой-
ство поэзии — выражать *душу* человека, и в этом
плане она в высшей степени искренна и правди-
ва, даже если и говорит о дискредитировавших
себя на практике вещах. Ведь объектом описания
поэзии является не столько *реальный*, сколько,
как сейчас принято говорить, — *виртуальный*
мир, населенный *виртуальными* же людьми,
живущими в *виртуальных* условиях, то есть —
некая картина, существующая только в вообра-
жении или в сердце поэта, как, например, в сти-
хах Алеси Бачила:

...На реках, на стройках и нивах,
И ночью, и днем, и в восход —
Работает всюду красиво
Великий советский народ.

Гляжу я — земля расцветает,
И песни творят волшебство:
Мне лучше родимого края
Нет в мире во всем ничего.

Мы дружбы великой желаем
И мирной сыновней любви.
Отчина моя дорогая!
Красуйся и в счастье живи!

Да, эта мечта народа о всеобщем счастье на-
зывается пока что так и остается неосуществленной,
но значит ли это, что она недостойна быть озву-
ченной в стихах, не может относиться к высокой
литературной *искусства*? Нет, конечно же, иначе нам
пришлось бы вычеркнуть из литературы такой ее,
может быть, самый прекрасный, самый поэтич-
ный, но и самый жизненно несуществимый жанр,
так сказка. А без сказки, как и без подлинной веры,
человеческая жизнь может превратиться только в
некую бухгалтерски-скупную, как в одноименном
стихотворении Пимена Панченко, «*стему жизни*»:
«Тяжко работаем. Грустно мечтаем. / Век догоня-
ем. Героями ходим. / Тучей чернеем. Солнцем сия-
ем. / Что-то теряем. Что-то находим... // ...Муча-
ем планы. И машем рукою. / Редко бушуем. Тихо
стогаем. / Жаждем покоя. Не видим покоя. / Мол-
ча болеем. И умираем».

Слава Богу, в последнее время большинство
поэтов нынешней постсоветской действительности
начали понимать иллюзорность упований на такие
средства, как человеческий разум да универсаль-
ность политических идей, и ощутили в душе глу-
бокую необходимость возвращения к тем единствен-
но верным (и вечным) ориентирам, о которых
говорили в своей поэзии еще Франциск Скорина и
Симеон Полоцкий. Благодаря этому в стихи сегод-
няшних авторов вошло имя Иисуса Христа и по-
пытка взглянуть на происходящее вокруг через
призму Его заповедей. И хотя стихи этого рода
еще очень трудно освобождаются от атеистичес-

кого настоя, сорок лет пропитывавшего нашу жизнь, как это видно по прекрасному в художественном плане, но полному непонимания сущности монашества стихотворению Максима Тинка — Ave Maria — или таким, обращенным к Богу строкам из стихотворения Сергея Граховского «Молитва», как: «Разве Ты не видишь, / Разве Ты не слышишь, / Что в крови и блуде / Праведные люди / Гибнут, как враги?» — которые сразу же разрушают стройность поэтической мысли тем, что не могут не зародить у подлинно православного читателя сомнений относительно *праведности* тех людей, которые пребывают в *крови и блуде*. Хотя, что касается поэзии Сергея Граховского в целом, то, думается, что он хотя и явно непропорционально в соотношении с другими авторами, но вполне заслуженно представлен в «Антологии» эдакой вполне самостоятельной и полной в плане объема (около 60 страниц!) «книгой в книге». Такие его стихи, как «Твои ладони пахнут первым снегом, / А первыми антоновками — снег», «На окнах лилии белеют, / Кристаллом вырезал мороз» или «Мосты в минувшее сгорели», и правда заслуживают того, чтобы считаться классикой белорусской поэзии. Да и вся «Антология» переполнена стихами такой высокой оранки, что это не может не доставить читателю чисто эстетического, прямо-таки гурманского наслаждения. Такими, например, поэтические образы в стихах Федора Кляшторного: «Месяц вновь из-за гор васильками / Цересыпал озерную синь. / Стынет все... Ледяными серпами / Осень косит рябину, по-лынь...». Таково стихотворение прекрасного, но очень рано скончавшегося поэта Игната Канчевского «Сентябрьское панно», как бы уже програм-

мирующее собой появление в отдаленном будущем отточенно-холодной манеры Иосифа Бродского. В Бернардинской обители плещутся желтые листья. / На тропинках блестят чуть примятно скорлупки каштанов, / И в каналах вода от зимы и снѣга, и чиста, / Говорит с валунами о лунных ледях беспрепятственно. / И выходит таинственно вечером в позднюю пору / Князь последний Литвы в волнах гаснущих зыбкого света, / С бородой кучерявой — капитанов на тропках узора, — / С страусиным пером, вознесенным над черным беретом... Таково же стихотворение Петруся Бровца — Пахнет чабрец: «...Легкой походкой по узкой тропинке / Девушка в белом летит, как снежинка / Губы — пылающей зорьки багрец, / Пахнет чабрец, / Пахнет чабрец...». А также строки Станислава Шушкевича о листопаде: «Осыпается желтый сад / Листопад идет, листопад / Перерезана тропка ручьем / У окна моего, как ножом...». Стихи Алексея Пысина о любви: «...И я почувствую, увижу, всемогущий, / Узрю ладонями твоими я / В полете ласточку, рябину в пуще, / Любовь моя». Или цикл «Псалмов» Рыгора Бородулина: «И солнце — образ Божьей доброты — / Старается щедрей дать мир народу. / Оно закат свой знает, ну а ты / Не знаешь ни заката, не восхода». И еще целый ряд не менее великолепных стихотворений других авторов, передающих окружающий мир в образах и жизнь в чувствах...

Конечно, это вовсе не означает, что и белорусская поэзия, и переводческая работа Геннадия Римского стопроцентно безупречны, — стопроцентно безупречной может быть только пустота (даже к Богу мы умудряемся обращаться с упреками!). Но такой ли уж на самом деле грех в том, что,

допустим, интонация стихотворения Констанции Буйло «Люблю» («Люблю ядушный запах лета / И бурю пыльную с дождем, / как гром гремит, а в черных тучах / Сверкают молнии огнем...») повторяет собой звучание известного всем стихотворения Михаила Лермонтова «Родина»: «Люблю домок спящей жницы, / В степи ночующий обоз / И на холме средь желтой нивы / Чету белеющих берез...» — ну и так далее?

Думается, вполне искренен был и Василий Зуев, когда выводил в одном из своих стихотворений чеканную, точно математическая формула, строку-манифест: «На торжищах революций — поэты не продаются». И его ли вина, что эпоха, провозглашавшая рыночные отношения превыше Бога и совести, красноречиво продемонстрировала всем нам обратное, показав, что сегодняшние поэты, увы, *продаются*, да *еще как продаются!*..

Но опять-таки — если это и грех, то скорее уж самой нашей эпохи, перечекивающей традиционную тысячелетнюю нравственность, но вовсе не автора, эту самую нравственность исповедующего.

Если уж все-таки говорить о недостатках «Антологии», то я бы обратил внимание на другое. Ну, к примеру, на то, что, читая собранные в ней стихи, довольно часто натыкаешься на залетевшие в тождес *русских* переводов *белорусские* слова — такие как «зорный» (в смысле «звездный»); «струны» (в значении «гробы») и тому подобные. Хотя, думаю, все это тоже говорит лишь о том, что белорусская поэзия и после выхода этой «Антологии» остается открытой для новых переводов и новых изданий. Потому что, как нельзя вычерпать чайной ложкой море, так невозможно устами од-

ного переводчика переложить на другой язык всю бездонную гамму поэзии такого поэтического и человеческого народа (о чем свидетельствует и бескрайняя глубина белорусского фольклора), как белорусы. А это значит, что продолженный Геннадием Римским первоупоток имеет все шансы разрастись до размеров широкого русско-белорусского литературного болота, и у нас есть твердые основания надеяться, что мы еще встретимся однажды с новыми изданиями белорусских авторов — как уже знакомых нам по данной «Антологии», так и молодых, пришедших в литературу уже в самые последние годы, — которые будут переведены на русский язык лучшими поэтами России.

Николай ПЕРЕЯСЛОВ,
секретарь правления Союза писателей России,
член Петровской Академии наук и искусств

Учитель Вертинский, Сергей Граховский, Нил Гусев, Василь Зуенко и другие. Не многие литераторы мира могут похвастаться такими созвездиями отрезанных талантов, работающих одновременно. Но именно эта «конкурентия» и являлась той благодатной почвой, которая взрастила шедевры национальнѣйшей литературы, рано или поздно, с помощью переводчиков, становившихся достоянием мировой поэзии.

В настоящей книге вниманию читателей предлагаются произведения всех поколений белорусских поэтов, причем значительное внимание уделяется, безусловно, самым последним произведениям, опубликованным в литературных газетах и журналах. Однако, широко представляя на и классику: ее утонченность, образность, необязательность, проникновенность поразительны и не могут не вызывать восхищения. От нее веет свежестью, совершенством, одуховлением. Хотелось бы надеяться, что в переводах мне удалось передать неповторимый почерк авторов, лексико-стилистический колорит и интонационный лап языка и что новые переводы белорусской классики напомнят о вечно юных, трепетных, гениальных стихотворениях, ярко и многогранно запечатлевших тончайшую, богатейшую гамму переживаний.

В данном издании я попытался представить как можно больше белорусских поэтов. Выбор произведений для перевода диктовался исключительно степенью их эмоционального воздействия в конкретное время в конкретной обстановке, а после обсуждения уже сделанного с профессионалами — их советами и пожеланиями. В этой связи я искренне благодарен выдающимся поэтам С. Граховскому, В. Зуенку, А. Вертинскому, пер-

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Белорусская поэзия — мощный пласт мировой литературы. Ее лучшие поэты имеют широкую известность, их произведения переведены на многие языки мира. И, конечно же, традиционно наибольшее внимание белорусской поэзии уделяла и уделяет великая русская литература. Белорусских поэтов переводили выдающиеся русские поэты и переводчики М. Исаковский, А. Твардовский, С. Маршак, Н. Заболоцкий, М. Светлов, А. Тарковский, О. Берггольц, М. Дудин, А. Прокофьев, М. Лозинский, В. Рождественский, М. Комиссарова, С. Городецкий, А. Островский и другие. Интерес к белорусской поэзии не случаен. Удивительным феноменом ее является то, что каждое поколение белорусских поэтов выдвигало целую плеяду гигантов, творения которых поражали глубиной чувств и мыслей, и величайшим поэтическим мастерством. Первое поколение поэтов с блеском представляли Франциск Скорина, Николай Гусовский, Симон Полоцкий, второе поколение — Павел Багрим, Ян Чачот, Винцент Дурин-Марцинкевич, Францишек Богусевич, Тетка (Алоиза Пашкевич), третье — Янка Купала, Якуб Колас, Максим Богданович, Змитрок Бядуля, четвертое — Кондрат Крапива, Петрусь Бровка, Петро Глебко, Максим Танк, Аркадь Кулешов. Наконец, крупнейшими представителями поколения современных, ныне здравствующих поэтов являются Рыгор Бородалин, Геннадий Буравкин,

выми осуществившим авторизацию своих стихов. Особую признательность выражаю Сергею Ивановичу Граховскому, выполнившему огромный труд по редактированию первого варианта книги, изданной в Москве*. Соесты и замечания большого художника существенно помогли мне при работе над переводами, а общение с мудрым, высокоинтеллектуальным, добрым человеком и прекрасным соседом стало для меня величайшим счастьем. В разное время с отдельными переводчиками знакомились члены Союза писателей Беларуси, в недавнем прошлом директор Института литературы им. Я. Купалы Национальной Академии наук Беларуси академик В. Коваленко, нынешний его директор член-корреспондент НАН Беларуси В. Гнеломедов, заместитель директора, заведующий сектором современной белорусской литературы д. ф. н. С. Лавшук, сотрудники института член-корреспондент, д. ф. н. М. Мушинский, д. ф. н. В. Журавлев, а также поэты Г. Буравкин, Р. Бородулин, Н. Гилевич, В. Аколова, Э. Акулин, И. Басецкий, Р. Боровикова, Т. Бондарь, В. Дашкевич, Л. Евменов, Г. Корженевская, О. Лойко, В. Маргелъ, В. Некляев, А. Пашкевич, Г. Пашков, А. Писарик, А. Письменков, В. Скоринкин, Ю. Свирка, Г. Творонович-Северук, К. Цейрка, А. Яскевич. В ноябре 1997 г. первый вариант книги обсуждался на заседании секции художественного перевода Союза писателей Беларуси. Содержательные выступления известных в республике и за ее пределами профессиональных поэтов, переводчиков и критиков, таких как В. Казберук, М. Кенько, Л. Козыра, В. Маргелъ, С. Панизник,

* Белорусская лирика XIX—XX веков в переводах Геннадия Римского. — М.: Русский Двор, 1998.

А. Яскевич, председателя секции И. Чарота, так же способствовали устранению неточностей и погрешностей переводов. Там же в начале 2000 г. рассмотревался и нынешний вариант «Антологии». Значительную роль в судьбе книги сыграли сын Якуба Коласа — д. т. н. профессор М. Мицкевич, член Союза писателей Беларуси Л. Савик и автор большого числа очерков об ученых Беларуси Н. Савик, первым обративший внимание на мои переводы. Их замечания и предложения также были для меня своевременны и полезны. Авторизовали свои стихи поэты Валентина Аколова, Иван Басецкий, Анатолий Вертинский, Илья Гилевич, Сергей Граховский, Вячеслав Дашкевич, Леонид Емелнов, Василь Зуенок, Евгений Коршуков, Василь Макаревич, Алесь Пашкевич, Геннадий Пашков, Алесь Писарик, Юрась Свирка, Масей Седнев, Кастусь Цейрка. Всем им искреннее спасибо за внимательное, доброжелательное отношение к книге и за помощь. Первый вариант книги — «Белорусская лирика XIX—XX веков» — был издан в Москве в 1998 г. в издательстве «Русский Двор» и получил положительную оценку как в России, так и в Беларуси. Настоящее издание значительно расширено. Я рискнула включить в «Антологию» также несколько переводов с польского — родоначальников белорусской поэзии, писавших на польском и белорусском языках Я. Барцевского, Я. Чачота, В. Дунина-Марцинкевича, а также переводы стихотворений великого польского поэта Адама Мицкевича, родившегося и выросшего в Беларуси и посвятившего ей множество произведений. В книге это отмечено звездочками в заголовках. Данные стихотворения легко читаются по-белорусски ввиду близости польского и белорусского языков, и как следствие без затруднений переводятся на

русский язык. Мне хотелось проследить, как зарождалась белорусская поэзия, каким стремительным был ее взлет, поскольку первые же белорусскоязычные поэты в совершенстве знали русскую и польскую поэзию, непосредственно общались со своими современниками, ставшими классиками мировой литературы: исполним, например, дружба А. Пушкина и А. Мицкевича, пушкинские переиздания стихотворений Мицкевича «Будрыс и его сыновья», «Воевода», отрывка из поэмы «Конрад Валленрод». Пушкину удалось сохранить особенности польского языка, стиля Мицкевича. Я надеюсь, что это заметят и читатели «Антологии». По-видимому, здесь есть повод для продолжения этой работы как литературам, так и ученым.

Небольшое замечание относительно датировки стихов. Как правило, я датировал стихи так, как указано авторами при их публикации. Г. Буравкин и В. Зуенок предоставили даты написания своих произведений, которые также сохранены. Многие стихотворения датировались временем их первой публикации. Наконец, там, где мне по тем или иным причинам не удалось отыскать даты написания или публикации произведений, они не датированы. Конечно, интересно проследить творческий рост поэтов, их связь с эпохой. В меру своих сил и возможностей я старался проделывать эту работу, которая требовала много времени и сил, дискуссионный и конкретный, и, безусловно, крайне важна.

Геннадий Римский,
член-корреспондент Национальной
Академии наук Беларуси,
член Союза белорусских писателей

КИРИЛ ТУРОВСКИЙ

Жил около 1130-1182 гг. Образование получил в Турове. Прославился как проповедник, мастер торжественного церковного красноречия. Один из самых популярных писателей в стародавние времена. Известны его притчи, правоучения, каноны (церковные песнопения), молитвы.

ПОХВАЛА ЕВФРОСИНИИ ПОЛОЦКОЙ

Каким языком нам должно воздать, братия, светозарную память преблаженной невесты

Христовой Евфросинии?!

Будучи помощницей обиженным,

утешением скорбящим,

нагим — одеяние, больным — посещение,

сердце, отланное всем, такова есть

Евфросиния,

ибо сердце ее наполнено Божьей

премудростью.

Евфросиния — неуязвющий свет

райского сада!

Евфросиния — небокрылый орел,

воспаривший от запада до востока,

как луна солнечная,

озарившая всю землю Полоцкую!

Как гордится, братия, Солун Дмитрий,
а Вышгород — святыми мучениками,
Так же мы возносим град блаженный

Полоцкий,
взраставший красоту беспримерную
пресладобную Евфросинию!

Блаженны люди, живущие в нем!

Блаженны родители твои!

Блаженна утроба, породившая

пресладобную Евфросинию!
Блажен возраст твой, Евфросиния

достохвальная!
Блажен труд твой и подвижнот к Богу!

Блаженны люди, живущие в монастыре

Святого Спаса и Святой Богородицы!

Блаженны люди, живущие в тебе,

преблаженная невеста Христа, Бога нашего!

Молись Богу о стаде своем,

кое приобщила ты ко Господу,

Как тому подобает и слава, и честь,

и поклонение Отцу, и Сыну, и Святому

Духу и ныне, и присно!

ФРАНЦИСК СКОРИНА

Белорусский и восточнославянский перво-
печатник, ученый, просветитель-гуманист.
Родился в Полоцке около 1490 г. в семье куп-
ца. В 1504-1506 гг. учился в Краковском уни-
верситете, где получил ученую степень ба-
калавра. В 1512 г. защитил при Падуанском
университете ученую степень доктора ле-
карственных наук. В 1517-1519 гг. издал в
Праге 23 библейские книги, написал к ним
предисловия и послесловия. Около 1520 г. вер-
нулся в Вильню, основал типографию, издал
«Малую надарожную кнїжыцу» (около 1522)
и «Апостал» (1525). В 1534 или 1535 г. уехал
в Прагу. Умер около 1552 г.

Деятельность Франциска Скорины способ-
ствовала формированию белорусского лите-
ратурного языка.

ВЕРУЙ В БОГА ЕДИНОГО

Веруй в Бога единого,

А не бери надармо имени Его.

Помни дни святые святити,

Отца и матерь чтити.

Не убий ни едина

И не сверши греха блудна.

Не кради, что чужое,
Не дай свидетельства лживого.
Не желай жены ближнего,
Ни имения его или вещи его.

БОГА В ТРОИЦУ ПОЧИТАЙ КО СЛАВЕ

Бога в Троицу единого почитай ко славе,
Матерь Его пречистую Марию —

к похвале,

Все небесные силы и святых Его —

к веселию,

Людей мирных — к доброму научению.

ПОНЕЖЕ ОТ РОЖДЕНИЯ ЗВЕРИ, ХОДЯЩИЕ В ПУСТЫНЕ...

Понеже от рождения звери, ходящие
в пустыне,

знают ямы свои;

Птицы, летающие в небесах,

ведает гнезда свои;

Рыбы, плавающие в морях и реках,

чуют виры свои;

Пчелы и им подобные

запищают ульи свои;

Так же и люди,

и где родились,

и где вскормлены милостью Божией,

к тому месту любовь вечно имеют.

НЕ КОПАЙ ПОД ДРУГОМ СВОИМ ЯМУ

Не копай под другом своим яму,
сам свалишься в нее.

Не ставь Мордохею, как Алана, виселицу,
сам повиснешь на ней.

СИМЕОН ПОЛОЦКИЙ

Общественный деятель, поэт, драматург Симеон Полоцкий (в миру Самуил Гаврилович Петровский-Ситникович) родился в семье чина в декабре 1629 г., по-видимому, в Полоцке в зажиточной купеческой семье. Окончил Киево-Могилянскую академию. 8 июня 1656 г. был принят в Полоцкий Богоявленский монастырь под именем Симеона. В 1664 г. перебирается в Москову, организует в Заиконоспасском монастыре латинскую школу для служителей Приказа тайных дел. Один из основателей Эллингено-греческой академии. В 1667 г. был назначен воспитателем и учителем детей царя Алексея Михайловича. Скоропостижно умер 25 августа 1680 г.

Автор стихотворных сборников («Вертоград многоцветный», «Рифмологикон»), драматических произведений, проповедей.

МЕТРЫ НА ПРИИШЕСТВИЕ
ВО ГРАД ОУТЧИЙ, ПОЛОЦК ПРЕСВЕТОГО,
БЛАГОЧЕСТИВОГО И ХРИСТОЛЮБИВОГО
ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ
АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА

Рифмы первые

Отрок 1

Веселися, о царю пресветлый с востока,
Освященный Россией от Божьего ока.

Отрок 2

Светися днесь, светися, церква восточная,
Ей отрада от неба дана медоточная.

Отрок 3

Ликуй, Россия, ибо царь благочестивый
Придет — церкви краса,
царь христолюбивый.

Отрок 4

Радуйтесь, граждане, сынове востока.
Бог воздал вам царя в вере без порока.

Отрок 5

Жий, монархо российский, жий долгие лета,
Пусть завидует недруг, пока
церковь на свете.

Отрок 6

Жий, земля белорусская, равно Сиону,
Утешенной дарованная

от всевышнего трона.

Отрок 7

Жий в утеху и радость своему народу,
В гонении данная российскому роду.

Отрок 8

Жий, други Константине, второй Владимиру,
Расширь православную во всех краях веру.

Отрок 9

Церковь ныне тебя, царь восточный, лобзает,
От пришествий врагов тебя освобождает.

Отрок 10

Отчий Полоцк лобзает тебе нареченный
Град твой, благочестием ясно освященный.

Отрок 11

Лобзает вся Россия Белая с Малою,
Верит, просветившая светом над тобою.

Отрок 12

Боже в Троице единый, над врагом победы
Царю нашему даруй, не ввергай нас в беды.
Не предай супостатам. С нами будь до конца.
Да пусть светит свет и величие Творца.

ПЕРЕМЕННЫ ВСЕХ ДЕЛ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ*

И днем, и ночью по кругу время ходит,
Своим резном богатству, славе шкодит.

Богатство — мать гордыни, слава — крови.

Кто не владеет ими, умом ли здрав, панове?

Псвежество в сменении с гордыней

Вред окружающим неправедно наносит,
От зависти сердца теряют счастья грозди.

Гнев, споры, войны — все рождаются

от злости.

От войн — огонь, грабеж, убийства, голод,
Нужда и нищенство, убожество и холод.

Убогость — мать покорности смиренной,
Основа кротости, в веках благословенной.

Покорность, кротость людям мир дарует,
Отводит зависть. Разум торжествует.

Науки здравствуют. Покой царит в стране.

Достаток, святость, счастье дарит мне.

ДУША*

(Отрывок)

Птица некая в мире видимой бывает,
Люди райской птицею ее прозывают.
Красоты ради, данной ей от Бога,
Весьма дивная, в цветах различных, многих.
Кажется, цветы все имеет в себе,
Словно созданная не в мире, а в небе.
Голос ее столь сладкий, умиленный
Даже слышен бывает в радость

возбужденный.

Когда ловцами она уловится,
И как плененная во клеть посадится,
Плач печальный дотоле испускает,
Пока, сжалившись, ее не выпускают.
Птица эта — души образ человека верного,
В нем есть благодати красота безмерная
И образа Божия, этим украшается
И дарами многими благо отмечается...

1678

РАДОСТЬ ПЕЧАЛЬЮ ВЕРШИТСЯ*

Радости мира кратко пребывают,
А в конце печаль им овладевает.
От многопищевых пиров и пьянства
Главные болезни обычно в гражданстве.
От сладости блудней — телесное тленье,
Крупные совести вечно грызенья.
Гордости нужной след грядет ненависть,
Обилю вешей — людей скудных зависть.
Честь великая покоя лишает,
Высота духа низость порождает...

1678

ЯН БАРИЦЕВСКИЙ

Белорусский и польский поэт Ян Барцевский родился в д. Мураги теперешнего Рогонского района 23 января 1794 г. (по другим источникам — в 1790 г. или 1796 г.) в семье мелкого шляхтича. Учился в Полоцкой иезуитской коллегии. В 1820-е гг. переселился в Петербург, где познакомился с А. Мицкевичем и Т. Шевченко. Умер 28 февраля (12 марта) 1851 г. в Чуднове на Волыни. В историю белорусской литературы Ян Барцевский вошел как автор поучительных стихов на белорусском языке, сборников, основанных на белорусских народных сказках и легендах (1844-1846).

СОНЕТ*

Где в ночи шумят ветра, небо скрыто, хмуро,
Где далекая звезда мрачного востока
То исчезнет в облаках, то блеснет пред оком,
Бродит грустная душа скучно и понуро.

И в кругу том, где давно от несчастий хмуро,
Мысли сдвинуты в сетях мрака и порока,
Ты живешь, душа моя, то блеснешь

пред оком,
То исчезнешь, как звезда в тучах
грозной бури.

Если волею судьбы — не предназначенный
На краю земли далеком окажусь, гонимый,
Доброта твоя согреет память поколений.

Все былое обниму мыслями своими,
Вспомню, как страдал, любил, верил
Знал я искренность души, доброту
и нежность.

ДЕВУШКА

Ах, чем же твоя, девушка, занята?
Иль не надоела тебе чужая хата?

Ты кому же доверяешь,
Свое сердце преклоняешь?
Не будет тут пути.

Заманила ты молодых людей,
как птичек в сети.
Днем и ночью они рады к тебе прилететь.

И ты к ним летаешь,
Челядь панскую смущаешь
На великий грех.

Заманила бы ты ловчего, он же и стрелец,
Музыкантом был когда-то, русский певец,
А стрелец, молодой парень —
Не большой хозяин,
Будешь без хлеба.

Полубила садовника, да и то не в путь.
Он слуга господский, осторожней будь:
Женою тебе не быть,
Детей тебе не учить,
Ведь ты не умеешь.

ЯН ЧАЧОТ

Белорусский и польский поэт, фольклорист Ян Тадеушев Чачот родился 7 июля 1796 г. в д. Малюшичи теперешнего Карелицкого района в обедневшей шляхетской семье. Учился в Новогрудской доминиканской школе, где подружился с А. Мицкевичем, и в Виленском университете. Один из инициаторов, организаторов и руководителей тайных студенческих товариществ филоматов и филаретов, писал для их сборов белорусские стихи, песни и драматические сценки. После разоблачения товарищества (1823) сослан на Урал, затем переведен в Уфу (1825) и Тверь (1831). Вернулся на родину, занялся собираньем и изданием белорусского фольклора. В 1837-1846 гг. в Вильно вышли шесть сборников, куда включены также оригинальные стихи Я. Чачота. Умер 23 августа 1847 г.

О ТЫ, КРАЙ МОЙ НЕСЧАСТЛИВЫЙ!

О ты, край мой несчастливый!
Где ж сыны твои, Отчизна?
И дождутся ль твои нивы
Солнца, света, воли, жизни?

Грабит враг тебя открыто.
Жутко, страшно поневоле.
Жертв не счесть. И, гладкий, сытый,
Лишь смеется нашей доле.

Память втоптана в болото
Наших предков, честь и совесть.
Кары, горя ждут сироты,
Над гробами плачут вдовы.

В нас растут братоубийцы
И предатели богато:
Бойся друга-кровоопийцы,
Бойся, брат, родного брата.

О ты, край мой несчастливый!
Где ж сыны твои, Отчизна?
И дождутся ль твои нивы
Солнца, света, воли, жизни?

Как же матери в награду
Могут долю выбрать детям?
Как же нашенским девчатам
Женихов найти на свете?

1823

ИЗ ЦИКЛА

«СОБСТВЕННЫЕ КРЕСТЬЯНСКИЕ ПЕСНИ»

Ах же ты, цветочек мой,
Ах, моя ты пташечка,
Ах, моя ты зоренька,
Ах, моя ты девочка,
Что ж мне, бедному, свершить,
Чтоб с тобою век прожить?

Если будешь горевать,
Отца, мамку почитать,
В перковь праведно ходить,
По корчомкам не блудить,
Меня искренне любить,
Век свой будем вместе жить.

1844

Поле, поле широкое,
Небо, небо глубокое!
Боже! Молимся тебе неустанно,
Прими добрые наши пожеланья.

Солнцем вся земля сияет,
С небом ясным обсуждает,
Что все это — твоим даром,
Вседержитель ты недаром.

С ясным небом и землею
Бьем челом перед тобою!
С чистым сердцем и душою
Бьем челом перед тобою!

Благословенны будут дети,
Труд наш здесь на белом свете,
Благословенны будут люди,
Хорошо пусть всем нам будет!

1844

АДАМ МИЦКЕВИЧ

Великий польский поэт Адам Мицкевич родился 24 декабря 1798 г. на хуторе Заосье близ Новогрудка. Вскоре семья переехала в Новогрудок, где прошло детство поэта. В 1815 г. поступил в Виленский университет, который окончил в 1819 г. Свои первые поэтические произведения он опубликовал в 1822 г. В 1824 г. поэт был выслан царскими властями из Литвы, жил в России, где сблизился с декабристами, с А. С. Пушкиным. Летом 1832 г. Мицкевич переехал в Париж. В 1840-44 гг. читал лекции о славянской литературе в Париже, в дальнейшем в Лозанне. В 1849 г. редактировал демократическую газету «Трибуна народов», выступал со статьями революционно-демократического характера. Умер 26 ноября 1855 г. в Константинополе от холеры.

НЕМАНУ*

Родимый Неман мой! Где ж ныне твои воды,
Что черпал в отрочестве я в свои ладони,
И где я плавал, страстью пробужденный,
Искал прохлады сердцу безнадежно голды?

Лаура дивная на лоне тут природы
Любила косы заплетать завороченно.
В серебряной волне плыл облик ее томный,
И слезы юности душили отчего-то.

Родимый Неман мой! Где ж время дорогое,
А с ним и счастье, вера, детское веселье?
Какой мечты развезялю метелью?

Где ж ураганы, бури века непокая?
Лаура где? Друзья? В какой забились келье?
Минуло все. Лишь память беретит живое.

1822

БЕСЕДА*

Любовь ты моя! К чему разговоры?
Тебе целый мир я хочу пожелать
И душу готов свою просто отдать.
Зачем громоздить словесные горы?
Сердца, ума они не достигнут
И лишь на устах нелепо застынут.

Любовь ты моя! Не злись, будь веселой.
Тебя так хочу я ласкать, целовать,
Насколько сил хватит, пока еще молод, —
Всегда и везде без конца воспевать,
Пока я на это буду способен,
И ты от меня не уйдешь до гроба.

Устали уста в пустых словопренях,
Теперь слить хочу с твоими устами,
Вести разговор только сердцебиеньем,
Дыханьем одним, одними глазами.
И так говорить часы, дни и лета.
До света конна и за концом света.

НЕУВЕРЕННОСТЬ*

Когда не встречаю тебя, я не плачу.
Спокоен, коль встречу. Молюсь за удачу.
Но если надолго ты вдруг пропадаешь,
Тебя не хватает — тотчас ощущаешь.

Печальный, вопрос себе ставлю ненужный:
Любовь это есть или все-таки дружба?

Когда отойдешь ты, в сомнениях тешусь
Припомнить твой образ и трачу надежду.
Однако я чувствую все же порою,
Что образ всегда твой прекрасный со мною.

И снова вопрос себе ставлю ненужный:
Любовь это есть или все-таки дружба?

Хоть ведал я горе, но лишь своей болью
Делиться с тобой не хотел поневоле.
Нередко без цели тревожа дорогу,
Всегда приходил к твоему я порогу.

И, в лом заходя, разбирался ненужно:
Любовь ли меня привела или дружба?

Всю жизнь за тебя отдать я хотел бы,
Продался бы аду и не пожалел бы.
Твое бы иметь мне желанье такое,
Чтоб был я здоровьем твоим и покоем.
И снова вопрос себе ставлю ненужный:
Любовь это есть или все-таки дружба?

Когда ты положишь мне руку в ладони,
То сердце восторг берedit восхищенно.
Сном легким навеки засну: куда деться?
Но будит меня беспокойное сердце

И ставит вопрос предо мною ненужный:
Любовь это есть или все-таки дружба?

Когда для тебя эту песню слагал бы,
Сказать еще многое я пожелал бы.
Но я не заметил, как ткалась основа
И мыслей высоких, и рифмы, и слова.

Закончив, вопрос снова ставлю ненужный:
Любовь это есть или все-таки дружба?

СОН*

Когда придется мне сказать «прощай»,
А в сердце вспомнятся слова признаний, —
Оставь без слов, но все ж не добивай
Меня суровым словом — «расставанье!»

Когда поют на зорьке соловьи,
Ты по росе прижмись ко мне с услалой,
Последним поцелуем напои
Ты на прощанье, кашей горькой яда.

Расстанемся, — и станет мир бледней;
Бессильный, утону в твоих ладонях
И зацелую синь родных очей,
Завороженный глубиной бездонной.

Там до скончанья века я просплю,
А в Сулный день, когда востру́бят трубы,
Сойди на землю, вымолви «люблю»,
Чтоб разбудить, кто оставался любым.

И мне покажется, что не прошли века;
Совсем недавно я тебя покинул, —
Завороженный синью глаз, слегка
Я задремал и все с себя низринул.

ВИНЦЕНТ ДУНИН-МАРЦИНКЕВИЧ

Классик белорусской литературы XIX в. Винцент Якуб Дуни-Марцинкевич родился 23 января (4 февраля) 1808 г. (по некоторым данным, 1807 г.) в поместье Бобруйска в семье обедневшего шляхтича. В 1819 г. был отдан под опеку митрополита римско-католической церкви С. Богущ-Сестранцевича, проживавшего в Санкт-Петербурге, затем в Вильно. Два года учился на медицинском факультете Петербургского университета. С 1827 г. работал в различных учреждениях Минска, переводил с польского на русский. В 1840 г. переехал в поместье Люцинка Минской губернии, где прожил до конца дней своих. Поддержал участников восстания 1863 — 1864 гг. под руководством Кастуся Калиновского, был арестован, провел более трех лет в тюрьме. Умер 17 (29) декабря 1884 г.

Писал поэмы, пьесы, перевел на русский поэму А. Мицкевича «Пан Тадеуш» (1858).

ЧТО МНЕ ДИВНЫЙ ПАРИЖ*?..

(Отрывок из повести в стихах
«Благословенная семья»)

Что мне дивный Париж, Рим
прекрасный и чтимый,
Что швейцарские горы и чудо-Афины,
Что мне Вена, Мадрид, что мне

Лондон туманный?
Больше всех отчий дом мне
милей и желанней!

Тут свежо и привольно на лоне природы!
И тут птицы поют о просторе, свободе!
Тут приветливо солнце на небе сияет!
И любовь здесь в сердцах расцветает!
И весны не бывает в природе чудесней!
Звучит соловей свои звонкие песни,
Ветер ласковый с поля внезапно повеет,
Молодой пляшет с радости, дед молодеет!
Тут невесты — нигде нет прекрасней!
Дарят жены вам прочное, верное счастье.
Тут есть правда и воля, тут люди с душою!
Тут отцов моих прах под сырою землею!

• ГАПОН

(Отрывок из поэмы)

Песня I

Коль душа огнем объята,
Что ж стойте, как телята?
Ну-ка, хлопцы, молодцы,
В пляс «метелицей», как птицей!
Из комедии-оперы «Идилия»

Гомон, крики, шум в корчме,
Пляшет сельская дружина.
Пьет горелку в полутьме,
Развеваются чуприны.

Гости громко за столом
Разговор смешной ведут,
А корчмарка с корчмарем
Мед и пиво раздают.

Хлопцы, девки, молодцы
У порога гомонят,
Перезрелые девицы
У печи рядком сидят.

Посреди скрипач играет
То «лявониуху», «бычка»,
Поддает Гапон, гуляя:
— Ну-ка, врежь нам «казачка»!

Закрутилась Катеринка —
Так подсунул кулаком:
«Выходи, моя малинка!» —
И затонал каблучком.

«Веселей, скрипач бывалый!» —
Восклищает наш Гапон,
И пошел в пляс разудалый,
Закружилась бесом он.

То вприсядку запроляет,
Только стонет бедный пол,
То чечетку отбивает,
Аж на лбу дрожит хохол.

«Ах, ух! Поддай жару,
Давай кренче! Давай пару!»
Во всю мочь Гапон гуляет
И под скрипку подпевает.

«Эх, ух, Катеринка!
Черевички красны:
Кому светят, кого любят
Твои очи ясны?
Эх, ух, Катеринка!
Твои кудри вьются,
Скачет, пляшет моя милка,
Щечки лишь трясутся».

Трижды взвился, загремел,
Трижды выгнулся выюном,
Замер, прыгнул, пролетел
И проишелся холоном.

Катя ручками всплеснула,
Из-под челочки взглянула.
Фьють! Платочек распустила,
Трижды пяткою подбила,

Ножки чудные мелькают,
Черевички в лад скрипят,
Очи весело сверкают,
Будто искорки летят.

Косы русые взлетают,
Ленты, словно жар, горят;
А как скрипочка взмывает,
Начинает припевать:

«Милый Хартон, милый Савка
Да милейший мой Гапон,
Сокол ясный, пояс красный,
А поёшь — как перезвон!
Не хочу Савки, Хартона, —
С ними жизни не быть,
Нет милее мне Гапона,
С ним не буду я тужить».

Пляшет, машет, подпевает,
Щечки стали пламенеть,
То как лебедь подплывает, —
Любо-дорого глядеть.

А скрипач — известный ухарь! —
Вроде некуда манить,
Режет, тянет из-за уха,
Скрипка стонет и звенит.

И «метелицу» играет
Емко, громко, чуть не час!
Без конца смычок взлетает,
Струны плачут, гудит бас.
Локоть выставив на брюхо,
Нос скрипач аж в скрипку вжал,
Чуть замолк и из-за уха
На «лявониху» поднял.
Схватил Гапон Катерину,
Смело к сердцу притянул,
Обхватил рукой за спину
И в «лявониху» рванул!

А за ним вслед молодилы,
Девки, хлопцы, кто как мог,
Лихо начали кружиться —
Суматоха — не дай Бог!
Всё от пыли потемнело,

Хохот, визг, и шум, и крик,
Как в кастрюле закипело,
Как на скот нанал вдруг бзик.
Тот-вприсядку, этот — с лёту;
Не поспеет чуб взлететь,
Эта боком, эта скоком
И давай к тому же петь:

«Ах, когда у отца, матери была,
Как вишенка в садочке цвела,
Я попалась злему духу, муженьку!
Он как липку вытряс, выгнул как соху.
Понаехало татар со всех сторон,
Взяли мужа моего в полон;
Не жаль же мне, что его взяли,
Жаль только, что не крепко связали;
Он, поганец, убежит-убежит,
Бед немало натворит-натворит.
И придется мне куда-то убежать,
С воробьями под стрехою ночевать».

Дальше крикнула Татьяна,
Ухватившись за Ивана:
«Пошел Янка по грибы,
Татьяна — за опятами,
Встретились, обнялись,
Как дети, заигрались...»

А за нею Халимон

Вторит, что церковный звон:

«Ой, Боже, мой Боже!

Зачем я родился,

Состарился, как собака,

До сих пор не женился».

Перестал. Ганка в пляс вспорхнула

И тоненько затянула:

«На улице куций пес брешет,

А ко мне миленок чешет,

И то чешет, то не чешет,

Да недаром куций брешет!»

Вот так пляшут, припевают,

Хохот, крики, шум стоит.

Пыль столбом, не оседает, —

И смычок всюю визжит.

И тут — скрип! И настезь дверь!

Лезет староста... Тревога!

Управляющий, как зверь,

Следом, — словно из берлоги.

И настрой у всех пропал,

Страх танцующих объяд.

И скрипач не устоял,

Повалился на народ,

Но всем струнам зашипал

И закончил хоровод.

И Галону не до танцев,
Как увидел тех поганцев:
Сразу понял и привстал,
Во всё горло закричал:

«Ой, будет нам теленько, братцы!

Бегите, хлопцы, без оглядки.

Недаром же стали шептать,

Что в рекруты будут набирать.

Побрал бы лихой их бес!

Кто может, бегите в лес!»

Суета, шум, беготня,

Все бегут как от огня.

Кто-то в двери упирает,

Кто-то прячется под стол,

Кто в окно стремглав сигает,

А Галон приладил кол

И, спиной став у печи,

Как метлой, давай мести.

Вот когда охотников туча

Толпой медведя обложит,

Тот от злости вскипает круче

И ждет поладить, кого сможет,

Да так, что всяк забрешет.

Так Галон наш колом чешет.

Он вертелся, словно вьюн,
Сюда-туда кидался,
Не жалея, бил, кто попадался,
Но староста был не болтун!
Глядь! Полотенца и перины,
Кожухи и мешковины
На Гапона стал кидать.
Как же было не поймать:

Его, бедного, связали
Да в колодки заковали:
Будет водить хоровод!
Катеринка побледнела,
Закричала, обомлела:
Настал для них черный год.

1855

ВЛАДИСЛАВ СЫРОКОМЛЯ

Псевдоним Владислав Сырокомля принадлежит популярному польскому и белорускому поэту-демократу Людвигу Кондратовичу. Родился 29 сентября 1823 г. в усадьбе Смольово на Любавщине. Учился в Несвиже и Новогрудке. Жил на Столбцовщине, а потом в Вильно. Сырокомля принадлежит популярное стихотворение «Ямщик», переведенное на русский язык и ставшее народной песней. Им написаны стихотворные и драматические произведения, основанные на белорусском фольклоре, белорусской действительности. Занимался он также краеведением. Дружил с В. Дуниньым-Марцинкевичем, поддерживал его творчество в польской печати. Умер 15 сентября 1862 г. в Вильно.

ЯМЩИК*

«Все шьют и гуляют. В разгаре забавы.
Один ты, как ворог в неволе.
На чарку! — Закурим, садись-ка на лаву.
Причину поведай недоли.

Ни кони, ни сани, ни даже девчата
Тебя не волнуют нисколько.
Два года мы видим уже неподвзято,
Что ты не такой, как бывало». —

«Ой, горько и тяжко! Печаль все сильнее,
Не мило на свете, не мило;
Дай выпить! При чарке бываешь смелее.
Послушай, со мною что было.

Служил ямщиком я, силен был и молод,
Гулять до утра был охочий.
На почте работа — день целый приколот,
Ни праздников нет и ни ночи.

Пакеты возил всякий раз спозаранку
Исправно, усердно и рьяно.
Хорошие вести — тогда и гулянка:
Веселый, и сытый, и пьяный!

Имел я девчат и приятелей много,
Был с писарем равным — и квитым!..
А кони ж — как свистну, летят над дорогой,
Сверкают одни лишь копыта!

Хороший был хлопец, пример на гулянье,
С любовью танцевать мог дивчиной.
А пан с тобой едет, подхватишь где панну, —
И два золотых тебе кинут.

Да только сам крепко любил я девчонку:
Жила тут в деревне у поля.
Ее миновать, если ехал стороной,
Ни разу себе не позволил.

Зовет как-то писарь еще до рассвета. —
Оделся, иду чертыхаясь,
Метель — Боже, правый! — ни лучика света.
Зима во всю ночь разгулялась.

«Вези эстафету!» — «А чтоб уж сгорела!» —
Я буркнул под нос и собрался,
Коня оседлал и решительно, смело
Верхом по сугробам помчался.

Такой за всю жизнь не знал я метели:
Унять не могу некой дрожи.
Версты две мы с сивкою вмиг пролетели,
Столб третий минуем... О, Боже!

Как будто о помощи кто-то взывает,
И слышится голос сквозь слезы.
Подумал: подьеду! Видать, пропадает
В снегу и на лютном морозе.

Коня повернул, а в ушах шепот тонкий:
«Куда? Ну а писарь незваный?
Следи! Час урвешь и поедем к девчонке
Своей как-никак и желанной!»

И страх сердце стиснул, и дыбом встал волос,
Забегали жутко мурашки...
По тракту поехал, хоть шепчет мне голос,
Что грех это страшный и тяжкий...

Отвез. Возвращаюсь. Версты три до дома.
Страх сызнова мучает скрытый.
Так трудно мне стало, и сердце, как в коме,
Бубенчиком бьется разбитым.

Вдруг конь испугался. И издыбилась грива.
Храпит. Напружинились ноги.
Гляжу я: лежит кто-то явно застывший
В сугробе у самой дороги.

Слезаю. Иду. И полою полегче
С лица снег сметаю постылый...
О, Боже! Она!.. Дайте чарку покрепче...
Рассказывать больше не в силах».

ДОБРЫЕ ВЕСТИ (Отрывок)

Заходит солнце погожего лета,
И веет ветер с прозрачных небес.
Приветствую, ветер! Из дальнего света
Добрые вести принес в наш лес!

Здоровы ж бульте, добрые вести!
На Западе там проливают кровь.
Бьются для славы, свободы и чести,
Свободными делают мужиков!

Гудят без устали песни и танцы —
Обильно жнивье на счастливый год.
Хватит вам, хватит, цари-поганцы,
Топтать в болоте крещеный народ!

Хватит, чиновники, в ясной карете
Хватит являться помпезно во двор!
Хватит вам, хватит, мужицкие дети,
С нищих остатки брать на побор!

Вот уж и птицы запели повсюду,
Вот уж и вербы зацвели,
«Скоро весна!» — улыбнутся люди.
Но все же когда? И в какой дали?

Что принесет весна нам, Боже?
Мы уж отвыкли от теплой весны...
Ели, и сосны, и мох роскошный
В нашем краю и так зелены...

ФРАНЦИШЕК БОГУШЕВИЧ

Классик белорусской литературы Франциск Богусевич родился 9 (21) марта 1840 г. в поместье Свираны Ошмянского уезда Виленской губернии в семье обедневшего шляхтича. В 1861 г. окончил Виленскую гимназию и поступил на математическое отделение Петербургского университета, но вскоре был исключен за участие в студенческих демонстрациях, вернулся на родину, работал учителем в частной школе. Участвовал в восстании 1863-1864 гг. под руководством Кастуся Калиновского, был ранен. Спасаясь от преследований, переехал на Украину, в г. Нежин, где поступил в юридический лицей. Работал судебным следователем и адвокатом на Украине, в России, затем переехал в Вильно, где прожил до середины 1890-х гг., работая в судебных организациях. С 1898 г. жил в Кушлянах, где умер 15 (28) апреля 1900 г.

Первый сборник стихотворений Ф. Богусевича «Дудка беларуская» был опубликован в Кракове под псевдонимом Матей Бурчак в 1891 г., вторая книга — в Познани под псевдонимом Симон Ревка из-под Борисова в 1894 г.

БОГ НЕ РАВНО ДЕЛИТ

Бог сирот любит,
Но судьбу не дает.

Пословица

Кем свершается по свету,
Что не равно делит Бог?
Один ходит по паркету,
В позолоте с плеч до ног,

А другому, чтоб прикрыться
Хоть тряпицей — алский труд:
Решетом худым светится,
Сплюньшь заплаты, нищ и худ!
Один хат имеет много,
Да огромных, как костел;
Завести туда бы Бога,
Тот из них бы не ушел.

У другого — дом понурый,
Ветер воет, дым да снег;
Тут корова, свиньи, куры...
Тут неволя, тут и грех!
Этот катится в вагоне, —
Мяко, тихо, только жить!
Поезд мчит, как ветер гонит,
Он себе лишь спит и спит!

Тот в метель, мороз, убогий, —
Перехватывает дух,

С клунком трусит по дорогам
С головы до пят в снегу!
Этот хлеба и не знает,
Только мясо да пирог;
Псам заботливо бросает,
Одолеть что сам не смог.

А другой жует мякину,
Хлещет квас, ест лебеду,
И живет он со скотиной,
Воду пьет с ней на беду!
Одному в карманы служки
Набивают сотни сог;
Руки — пухлые подушки,
Как кисель, дрожит живот!

А другой с утра до ночи
Проливает тяжело пот,
Высох, словно хвост сорочий,
От неволи, от забот.

ЖЕРТВА

Помолись, моя матушка, Богу,
Никогда чтоб я паном не был:
Никогда не желал бы чужого,
Свое дело как нужно творил.
Чтоб перед меньшим нос не задирали,
Перед старшим не гнул бы спины,
Чтоб свой грех пред собою я знал,
Не искал бы другого вины:
Жен чужих не вводил бы во грех
И, как должно, свою бы любил,
Чтобы детский мне слышался смех,
Чтоб отцом для них век бы дожил.
Чтоб людей я за братьев считал,
И богатство свое дал за них,
Чтоб за Родину жизнь бы отдал
И не жаждал отчизны других.
Чтобы Бога никак не гневил,
Не продал бы за гробищи наш люд,
Своего чтоб добра не пропил
И чужой не имел даром труд.
Чтобы дважды мне деньги не брать
За продажу земли никогда,
Чтобы землю свою мне пахать
И на ней умереть без стыда.
Так проси ж ты у Бога, моли,
Чтобы паном я не был, вели...

1894

ЯНКА ЛУЧИНА

Псевдоним Янка Лучина принадлежит Ивану Люциановичу Неслаужковскому, одному из зачинателей белорусской поэзии. Родился 6 июля 1851 г. в Минске в обедневшей дворянской семье. Учился в Минской классической гимназии, в 1871 г. поступил в Петербургский университет, затем перешел в Петербургский технологический институт, который окончил в 1877 г. Работал в Тифлисе, примерно с 1879 г. — в Минске на железнодорожных службах, одновременно писал стихи на польском, белорусском, русском языках, переводил стихи (в основном В. Сырокомли) с польского на русский. Умер 16 июля 1897 г.

Автор двух книг, опубликованных в 1898 г. («Поэзия», на польском языке) и в 1903 г.

РОДНОЙ СТОРОНЕ

Ты пораскинула лесом, болотами,
Дюной песчаной, неурожайною,
Мать ты земляца, и умолотами
Хлеба даешь нам меру случайную.

Сын твой прикрылся бедной сермягою,
Льком плетеные лапти обувши,
Едет разбитою вдрызг колымагою,
Конь еле тянет, словно заснувший.
Все в тебе бедно. Часто заплачет
Нахарь твой из-за неправедной доли,
Тяжко работа. Он же, батрача,
С тобой не простится по собственной воле.

И неприглядную хату с пожитками,
Поле скудное, выгон пропавший
Мы, хоть задвлены вечно убытками,
Любим и ценим — все они наши.

Даст Бог, кровавым потом заклятую
Как-то улобрить земельку вдруг справится,
Быть добросытому, хоть небогатому,
Ну, а на праздник и чарка поставится.

Солнце науки сквозь тучи темные
Ясно над нашей засветится нивою,
Жить будут дети, не обделенные
Доброю волею — долей счастливою.

ВЕСНА

Скажут люди: «Весна!» — пишет так
календарь.
Кто ж узнает ее, если сыплется снег.
И соху зря готовит крестьянин, как встарь,
Лист к нам прилетел, словно курам на смех.
Но летят журавли с криком звонким —
ключом,
Юг покинул кулик, чайка где-то кричит,
А все ветер как дул, так и дует притом,
Гул по лесу идет: «Еще лету не быть!»
Ой, ты, доля моя — как вот эта весна.
Ты ко мне не идешь — хоть давно бы пора!
С горькой чарки как пил, так и пью я до дна,
И не светит еще мне в потемках заря.
Отзовись! Где же ты? — за тобою пойду
На край света искать! — я не вижу межи...
Отзовись, соловейкой залейся в саду!
Ясной звездочкой глянь!
— Где ты, доля? Скажи!..

СИВЕРКО

Эй ты, сиверко-ветер! Не нужен ты нам:
От полудня тепла нет, одна полутьма!
Хоть бы раз без тебя зеленеть бы полям,
Хоть бы раз без капризов ушла бы зима!
Человеческий дух встрепенется в груди,
И забудется море печалей и слез.
Стихни, сиверко, спи. Хоть в лесу не гуди.
За селой океан убегай, злой мороз!..

АДАМ ГУРИНОВИЧ

Поэт-революционер Адам Гиллярый Калик-стович Гуринович прожил короткую, но яркую жизнь. Родился 13 (25) января 1869 г. в имении Кавальки на Мядельщине в семье родовитой, но обедневшей шляхты. Окончил Виленское реальное училище. В 1887-1893 гг. учился в Петербургском технологическом институте, где присоединился к революционному движению. В 1893 г. возглавил нелегальную группу польско-литовско-белорусской и украинской молодежи. Занимался для нее из-за границы марксистскую литературу, вел пропагандистскую работу среди петербургского и виленского пролетариата, был арестован. И только тяжёлая болезнь — черная оспа — заставила власти отпустить поэта в имение его матери Кристинополь (на Сморгонщине) под наблюдение полиции. Там он и умер 23 января (4 февраля) 1894 г., не увидев в печати своих стихов. Писал А. Гуринович на белорусском, русском и польском языках, много переводил.

Сколько вы сладки, ушедшего звуки!
Рад вас слышать и ночью, и ранью!
Снова слезы печали и муки,
Снова слышу любимой дыханье.

Сердце чуть успокоится праздно,
И опять неотступны сомненья,
Снова образ мелькает прекрасный,
Мысли теснят сновиденья.

На мгновенье покоем наступает,
Дальше — только видения зримо,
Только рвется душа и страдает,
И вновь вижу я облик любимой.

Жизнь великолепно! Фатальное слово
И самое трудное людям заданье.
Кто только не бился с ним снова и снова,
Кто сил не жалел, не искал оправданья!

Так! Жить мы хотим, и хоть тяжко бывает,
Хоть смерти, как счастья, мы ищем часами,
Но время проходит, беда отступает.
А что будет дальше — не ведаем сами.

Жизнь, словно будильник, идет неуклонно.
И ноша, что тянем, нас ниже сгибает.
Свободно, размеренно, жестко, мудро
Своим чередом все в веках исчезает.

ВЕСНА

Ты к нам опять вернулась,
Бледной осени сестрица!
Юной феей обернулась,
Ты румяна, светлолица!
Ты откуда же здесь, милая?
Где жила—была далёко?
Мы не ждали, дорогая, —
Хоть одним бы видеть оком.
Знали мы, что ты вернешься,
Край не бросишь несчастливый,
Золотым лучом прольешься
На луга, поля и нивы.
Под лучом твоим чудесным
Оживают небо, лица,
Расцвели цветы прелестно
И зацвели в роще птицы.
Гнёзда ласточки беспечно
Под стрехой начнут свивать,
Полетит журавлик к речке
Тварь болотную искать.
Скоро в поле с песней звонкой
Выйдут пахари пахать
И под песню жаворонка
К Богородице взывать:

Чтоб налитым было жито,
Чтоб косилось при погоде,
Уродилось чтоб досьга
И в полях, и в огороде.
А как вывезем всё с поля,
В гумнах скирдами уложим,
Так помолимся в костеле
И тебя восславим, Боже...

ТЕКА

Тетка (Алоиза Степановна Пашкевич) родилась 3 (15) июля 1876 г. в имении Пецин Лидского района Виленской губернии в семье зажиточного крестьянина. Окончила Виленское частное семиклассное училище В. Прозоровой в 1901 г. В 1902-1904 гг. училась на курсах А. Ф. Лесгафта в Петербурге. Стала одной из основателей партии Белорусского социалистического общества, членом ее ЦК. В 1904 г. экстерном сдала экзамен за полный курс Александровской женской гимназии в Петербурге, вернулась в Вильно. Из-за революционной деятельности вынуждена была эмигрировать в Галицию. Во Львове поступила на философский факультет университета. В 1906 г. напечатала сборники революционных стихов. Нелегально приезжала на родину, участвовала в издании газеты «Наша доля» (1906). Заболела туберкулезом, выехала в Закопане. В 1908-1909 гг. жила в Кракове, поступила на философский факультет Ягеллонского университета. В 1911 г. вышла замуж за инженера С. Кайриса и вернулась на родину. С театром И. Буйницкого ездила по Белоруссии как актриса. В 1914 г. в Минске была редактором молодежного журнала. В годы Первой мировой войны работала сестрой милосердия в Вильно. Умерла от тифа 5 (18) февраля 1916 г.

Писать начала в 1902 г. Вышли сборники поэзии Тетки, избранные произведения — в 1952, 1967 гг.

В ДОРОГУ

Через моря, океаны
Полечу я в далекий край,
Потому что люблю ураганы,
В бурях я ощущаю рай;
Ибо в дикой, страшной буре
Легче думам моим плыть;
И на гребне волн могучих
Песню я могу сложить;
Ибо только на просторах
В звонкой лире зреет слух;
Ибо в дикой страшной буре
Крепнет мой свободный дух.

1906

МОИ ДУМЫ

Хотела б быть зерном пшеницы,
Упасть на нивы Божьи.
Зазолотиться, без метлицы
Дать вкусный хлеб немножко.
Хотела б быть я речкой быстрой,
Умчаться в край родной.
Где напоить, где искупать,
А где умерить зной.
То зашуметь, то зашептать,
Мечтать в прекрасном сне,
То вновь сорваться и гулять,
Водой кипеть в огне.
Так разгореться, так слепиться,
Чтоб ввысь волной взмывать,
Похитить солнце, вновь спуститься —
Свет человеку дать.
Страстно двигаться к свободе,
Кашлю счастья, доли влить,
Думать о своем народе,
Край родной всегда любить.
То рассыпаться росой
По травинкам вдоль дорог,
То обняться так с землею,
Чтоб никто разнять не мог!

Либо ветром обернусь я
Да над миром пролечу,
Черным вихрем закручусь я
И на месяц заскочу,
Со всей силы и размаху
Огнем по звездам дам.
Искры вышет от страха,
Загрохит и месяц сам.
«Кто, откуда, чего хочешь,
Чего воешь и шумишь?
То сквозь слезы нам хохочешь,
То горишь весь и дрожишь?»
«Я — посланец, ветер буйный,
Прилетел на суд вас звать!
У нас ночь, и край наш хмурый,
Люди спят — не оторвать.
Я там бился, я там вился,
Я им хаты поломал,
Но так все же не добился,
Чтобы глас народ подал!..»
1905-1906

БУРЯ ИДЕТ

Вновь нависли злые тучи,
Вновь закрыли небосвод.
Вновь простор мечтам летучим.
Вновь настанет черный год.
Вновь нас буря сотрясает,
Вновь грома грохочут рядом,
Вновь природа поражает,
Вновь нас бьет дождем и градом.

1906

ЯНКА КУПАЛА

Янка Купала (Иван Доминикович Луцевич) родился 25 июня (7 июля) 1882 г. в имении Вязаника Минской губ. в семье безземельного арендатора. В 1898 г. окончил Белорусское народное училище. Учился на общеобразовательных курсах А. С. Черняева в Петербурге (1909-1913), в университете А. Л. Шанявского в Москве (1915). В 1908-1909 гг. — сотрудник газеты «Наша нива» (бел.) в Вильно и одновременно сотрудник библиотеки Б. Л. Даниловича, с октября 1913 г. — секретарь Белорусского издательского товарищества, в 1914-1915 гг. — редактор «Нашей нивы». Во время Первой мировой войны, с 1916 г. служил в армии. В 1919 г. переехал в Минск. Участвовал в литературно-общественной и культурно-художественной жизни республики, в образовании Белорусского государственного университета, Академии наук БССР, национального театра, в развитии издательского дела. С 1925 г. народный поэт Беларуси, академик АН БССР (1928) и АН УССР (1929), с 1940 г. — депутат Верховного Совета БССР.

Писать начал на польском языке в 1902 г. Первое стихотворение на белорусском напечатал в 1905 г. Автор многочисленных сборников стихов. Лауреат Сталинской премии (1941). Переводил на белорусский

язык стихи Т. Шевченко, Н. Некрасова,
А. Кольцова, И. Крылова, А. Мицкевича и др.
Трагически погиб в Москве 28 июня 1942 г.

МОЯ ВЕРА

Не верю идолам поганым,
Хоть украшают их дары.
Божкам не верю, истуканам,
Которых красят маляры.
Не верю купленным пророкам,
Что за копейки людям лгут,
Следа ревниво жадным оком,
Когда червонцы поднесут.
Не верю фокусников чуду
Любых народов и веков,
Пуускают что туман повсюду
В глаза доверчивых слепцов.
Не верю каменным часовням,
Распявшим дух живой в крови,
Загнавшим в рабские загоны
Всё — от свободы до любви.
Ни за какую плату, меру
Не дам сломить себя в борьбе...
В народ и край свой только верю
И верю собственной судьбе.

1905-1916

МОЯ МОЛИТВА

Я буду молиться и сердцем, и думами,
Распятою буду молиться душой,
Чтоб черные тучи метелиц безумными
Ветрами не выли над отчей землей.
Я буду молиться до солнышка ясного,
Несчастных зимой согреть сиротин,
По нашим бродя и по нажитым ласковым,
С людьми оставаясь как любящий сын.
Я буду молиться пред небом и гробами,
Чтоб дико над нами гуляют подчас
И нищих дорогами гонят бездомными,
Чтоб молний и града не слали на нас.
Я буду молиться ночами и плакаться,
Ведь звезды безжалостно гасят они,
И если звезда хоть одна с неба скатится,
Кто-либо срывается в вечные сны.
Я буду молиться полям всею силою,
Чтоб щедро и вечно платили за труд,
И сельскую хату подняли бы хилую,
Надежды свершенными видел наш люд.
Я буду молиться и сердцем, и думами,
Распятою буду молиться душой,
Чтоб тучи метелиц ветрами безумными
Не выли над отчей землей, надо мной.

1906

Оставьте попусту рок грозный проклинать,
Плач зарывать сквозь слезы в глубь земли, —
Нам нужно жить и судьбы поправлять,
Чтобы потомки после не кляли.

Кривые тропки темного житья
Пауки солнцем стоит осветить,
Чтоб мы — любви: и взрослый, и дитя, —
Не заблудившись, век смогли дожить.

Свободы знамя соберет нас вмиг
И пусть ведет на битву с тьмой и злом,
А грозный рев мучителей глухих
Заглушим вольной песней Перуном.

Наукой, волей снимем боль беды,
Засеем долю — новь родной земли,
И заживем счастливо, без вражды,
Как прадеды не жили, не смогли.

1906

Вы скажете: что-то пою я невесело,
Веселья не вижу совсем у людей...
Не смейтесь, прошу. Правда вас не утешила,
Пенправды в душе я не знаю своей.

Как нел до сих пор, так и петь не стесняюсь,
В слезах омыкаю я песню свою;
От тягот народной судьбы убиваюсь
И только об этом для вас пропою.

Пусть мир отзовется на песню бездольного,
Пусть враг содрогнется от правды людской,
Свободой проникнутся мысли невольника,
И быть человеку захочет брат мой.

1906

РОДНОЕ СЛОВО

Могучее слово, родное ты слово!

Со мной наыву и во сне;

Ты душу пронзаешь мелодией новой,

Звенишь, словно песня, во мне.

Бессмертное слово, родное ты слово!

В гонениях выжить смогло,

Хоть глуди тебя, заточали в оковы,

Да зря! Ты звучишь как назло!

Свободное слово, родное ты слово!

Звучи же смелей, веселей!

Пусть галы беснуются, кружатся совы,

Живешь ты для славы людей.

Гонимое слово, родное ты слово!

Набатов взорвись над землей:

Отчизны язык, даже бедный, суровый,

Милей знатной речи чужой!

1908

90

ТОПОЛЬ И КАЛИНА

Песней весны лебединою,

Скинув все зимние чары,

Шепчутся тополь с калиною

В грустной долине над яром.

Листики зеленую хвалятся,

Небу ясны их напевы:

Ранней росой умываются,

Нежатся солнцем полдневным.

Тайнам закатов покорные,

Солнце с землей провожают.

В ночьеньку скрытую, черную

Звезды и месяц встречают.

Слушают песни русалочки,

Птиц крыльев шорох басистый,

Вскрики гортанные галочки,

Плеск родника серебристый.

Слышится музыка дивная

В сонных болотах коварных...

Тешится тополь с калиною,

Скинув все зимние чары.

1910

91

ЗВЕЗДЫ

Ночью, когда выходил я из хаты,
На небе звездочки видел четыре.
Их заворачивал облик крылатый,
Хоть возносился молитвой я мирно.

Первой — отца ярко звездочка грела,
Матери — слала вторая свет горько,
Третья — моя замерцала, зардела,
Родиной зрела четвертая зорко.

Первая рано погасла, простилась,
Медленно блеск свой теряет другая,
Третья печальною мглойю закрылась,
Только четвертая ярче мигает.

1911

ВЕЧЕРНЯЯ МОЛИТВА

Как летнее солнце свои спрячет косы
И розы небесные вспыхнут несмело,
Ночь сеет тогда серебристые росы,
Над логом туманом спускается белым.

От бледного месяца бледные тени
Ложатся на пашни от роц отрешенно,
И тени ушедших давно поколений
Встают и столбами стоят полусонно.

Над сном непонятные мысли всплывают,
Неслышно кружатся и просятся в сердце,
Где лаской зовут, где фантазией тают
И пламенем адским горят по соседству.

Молитва вечерняя в тот час родится
И жертвенно падает в сонные дали,
Невидимой нитью к созвездьям стремится,
Плывет и меняется, словно в кристалле.

О, будь вечно славным, заката затишье
Спылающим заревом, месяцем бледным!
Пусть песня покоя мне душу колышет
И вынесет чистой над шумом победным!

1911

МОЯ МОЛИТВА

И в поле раздольном, и в хатке с окошечком,
В минуты раздумий, окрест созерцая,
Молюсь я и этому на небе солнцу,
И звездам, что ночью мерцают.

Молюсь я свободному ветру в лазури,
Что птицей летает от края до края,
Утром пасет в высях мрачные бури,
В печных трубах песни играет.

Молюсь и огню я, что сеет пожары,
Порою лихой на немереном свете.
От их беспощадной безжалостной кары
Трепещут и старцы, и дети.

Молюсь животворной воде в половожье,
Днем — доброй, не знающей ночью пощады,
Что нивы полощет и лодки уводит,
Сметая подворья и хаты.

Молюсь я земным и небесным просторам,
Всесильному истово Богу молюсь я
В любых испытаниях, во всякую пору
За землю моей Беларуси.

1912

94

ПЕСНЕЙ ТОЛЬКО

Песней только на свете живу я,
Только с нею сбиваю росу;
Постигаю, как есть, дорогу
Бесконечную быта красу.

Осветленный безмерно, по свету,
Словно свет сам, блуждает мой дух;
Озираю миры, как во сне том,
И всю жизнь обнимаю вокруг.

Надо всеми, что счастья давно есть,
Потеряли от вечных невзгод,
Я творил бы великую повесть
Вечных радостей, вечных свобод.

Громы-молнии с неба хватал бы,
В облаках, что бушуют огнем,
И стрелами народный дух слабый
Поднимал, сотрясал бы, как гром.

Млечный Путь, что небесный детинец
Застилает, на землю бы снял,
Замостил им дорогу — гостинец
Нашим нивам, где ветер устал.

95

Солнце взял бы огнистое в руки,
От которого край наш расцвел,
Я тем Млечным Путем бы без муки
Человечество к счастью повел.

Только песней мой дух молодится,
И на свете живу только с ней,
Хоть пишу кровью эти страницы,
Кровью сердца Отчизны моей.

1913

ОТЧИЗНА

С землей и небом связывает меня нить,
Не рвущаяся вечно паутина,
Земля меня как верного лелеет сына,
А солнце душу нежит, продолжая беречь.

Я с колыбели научился сны хранить
Об этих близких, тесных мне

местах родимых,
Что я полей частица наших лебединых,
Что в сердце искорку от звезд не погасить.

Отчизну получил в наследство я без злости,
Здесь рос, чужие в ней не оскверняя кости.
К ней грудью льну, как будто к матери своей.

И если кто-то унижает меня просто,
Он издевается над Родиной моей,
Когда ж над ней — он мне тем делает
больней.

1915

ЯКУБ КОЛАС

Якуб Колас (Константин Михайлович Мицкевич) родился 22 октября (3.11) 1882 г. на хуторе Акинчицы (теперь в границах г. Столбцы Минской области) в семье лесника. Окончил Несвижскую учительскую семинарию (1902). Учительствовал в 1902-1906 гг. За участие в нелегальном учительском съезде был уволен (1906). В 1907 г. работал в газете «Наша нива» (бел.) в Вильно, в 1908 г. — в частной школе в деревне Сани Толочинского района. За нелегальную работу был осужден на три года, отбывал наказание в минской тюрьме. В 1912-1914 гг. работал учителем в Пинске. В годы Первой мировой войны вместе с семьей эвакуировался в Дмитровский уезд Московский губернии, где также работал учителем. Был призван в армию, служил в запасном полку в Перми. Летом 1917 г. направлен на румынский фронт, но тяжело заболел и был эвакуирован. Работал учителем, школьным инструктором. По вызову правительства БССР в мае 1921 г. переехал в Минск. Преподавал в Минском педагогическом техникуме, в Белорусском государственном университете, занимался научной деятельностью в Институте белорусской культуры. Со дня образования АН БССР (1 января 1929 г.) был ее неизменным вице-президентом. В 1941-

1942 г. эвакуирован в Ташкент. В декабре 1944 г. вернулся в Минск. Академик АН БССР. Член СП СССР с 1934 г. Награжден пятью орденами Ленина, орденом Красного Знамени, Трудового Красного Знамени и медалями. Народный поэт БССР (1926). Заслуженный деятель науки Белорусской ССР с 1944 г. Дважды лауреат Сталинской премии. Умер 13 августа 1956 г.

Автор многочисленных книг поэзии и прозы. Перевел на белорусский язык ряд произведений А. Пушкина, Т. Шевченко, П. Тычины, А. Мицкевича, Р. Тагора и других поэтов.

НЕ ГРУСТИ

Не грусти, что солнце низко,
Что проходит трудный день,
Не грусти, что осень близко,
На поля ложится тень.

Не грусти, что снег холодный
Скроет землю от очей.
Не погибнет дух народных
В этой темени ночей!

Час наступит — снег растает,
Снова к нам придет весна,
Солнце с неба ясно глянет,
И пробудится страна.

Не грусти, что трудно стало
Жить в проклятой темноте,
Что нас доля вечно гнала,
Прозябали в нищете.

Не грусти, что правят твари,
Что нам солнца не видать.
Не грусти, что в ночь пожары
Стали небо заливать.

Дымом вынесет лихое,
Все, что душит и гнетет.
Верь, брат, время золотое
Мать-Отчизну нашу жлет.

1907

МОЕЙ ЛЮБИМОЙ

Я пойду на свиданье с любимой, родной,
Чтоб побывать с ней хоть пару минут,
Пусть же думы мои побегут чередой,
Так, как тучи на небе плывут.

И я волю им дам, где им любо лететь,
Как летали всегда только к ней.
Полечу с ними сам, буду песни там петь,
Ощутить чтобы счастье полней.

Не скажу только я, что мне любя она
И как радостно с нею мне быть.
Ведь родная моя, моя радость — сосна,
Что в лесу, словно панна, стоит.

ЗВЕЗДА

Светит звезда мне из темных глубин,
Вечное небо волшебнo пригоже.
Тайны сокрыты в нем, некая стынъ,
Только найти им название сложно.

Ласково звездочка шепчет: остынь!
Ах, спутник мой, успокойся, небоже!
Носишь ты в сердце печали седин,
Атомы грусти в суме подорожной.

Светлая звездочка! Как ты горяишь!
Думы мои унеси в свою тишь,
Мне ж подари ты радость покоя.

Нет: далеко ты, твой холоден жар,
Вечер мой никнет под пологом чар,
Арфа разбита — и чьею рукою?

М.Д.М.

Ты без меня, а я далёко.
Над степью синь небес и стынъ,
И снег степной туманит око,
И грустно мне, ведь я один.

За время наше я немало
В разлуке был — хвала судьбе! —
Рука моя не исписала
Всего, что думал о тебе.

Я знаю — ведала ты горе,
И горечь дум пила до дна.
Я много выслушал укоров,
Хоть ты в душе моей одна.

— Прости меня! — скажу я только, —
Ты предо мною наяву,
Забудь печали, горе, боли —
Тобою жил, тобой живу.

И близко ты, и ты далёко.
Над степью синь небес и стынъ.
Чужая степь не тешит око,
И грустно мне, ведь я один.

МОЯ ПРОСЬБА

Пришел мой час податься в дали,
А в сердце грусть и непокой:
Я разлучаюсь с той печалью,
Что согревала теплотой,

Живила добрые порывы
И украшала мои дни.
Я ей скажу, как друг наивный:
«Плыви в объятьях глубины!»

Мне тяжело-тяжко, горько-горько,
Когда полумаю, что я
Тебя не встречу, моя зорька,
Весна последняя моя.

И что сказать мне на прощанье
Пред тем, как двинуться в свой край?
Скажу — согрей при расставаньи
И о себе мне весть подай.

Где б ни был я и что б ни думал, —
Ты всегда со мною
И во тьме сверкаешь этой
Ясною зарею;

А в часы беды-недоли
Горе разгоняешь,
Грусть-печаль и боль лихую
В сердце унимаешь.

Только встали между нами
Берега крутые,
Все дороги завалили
Камни гробовые...

Вместе в поле вдоль дороги
Две тропинки вьются,
Никогда лишь меж собою
Они не сольются.

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ
«СИМОН-МУЗЫКАНТ»

Часть III

1

О, родной край, край пригожий!
Милый край моих делов!
Что милей на свете Божьим
Этих светлых берегов,
Серебром где льются речки,
Где леса-боры растут,
Пахнет медом, сеном, гречкой,
Разговор поля ведут;
Этой шири безграничной
И болот твоих, озер,
Где под звуки волн криничных
Думы думает простор,
Где, поникнув, плачут лозы,
Навея боль и жуть,
Где печальные березы
Провожают в дальний путь?

Эй, старинные курганы,
Стражи вечности седой!
Кто насыпал вас чеканно?

106

Чьею волею-рукой
Вы разбросаны на поле,
Очевидцы дел лихих?
Вы не скажете нам боле,
Как сражались здесь полки!..
•Вы путию неровной
В вечность гоните волну
Вдоль Вилии полноводной
И под светлую Двину.

Край родной мой! Где на свете
Мне другой такой найти,
Где бы рядом с грозной смертью
Жизнь старалась распестить?
Где бы под руку беспечно
Нищета с богатством шли,
Где б над долей человеческой
Насмехались короли?..
Города, поселки, села
Перепутались гуртом,
Церкви, гордые костелы
С колокольнями притом.
Звоны в церкви неподвзято
И в костелы всех зовут,
Чтоб пред Богом, перед братом
Всем грехи простили тут.

107

Край родной! За Божье имя
В честь костелов и церквей
Меж летями давно твоими
Много выросло камней,
Много было чертовщины,
Меч, огонь губили край,
С двух сторон «отпы» дубиной
Загоняли всех нас в «рай»!
Разливалась кровь морями,
Грязь предательства росла,
Что полами и ксендзами
В души брошена была.
И теперь меж нами, братья,
До сих пор царит раздор —
И половское проклятье,
И ксендзовский наговор.
Братья! Братя-белорусы!
В книге судеб и начал
Искушения искусно
Людям дьявол посылал.
Здесь в краю сходились орды
Споры силою решать,
Чтобы край наш вольный, гордый
Навсегда завоевать,

В сердце нас смертельно ранить,
Души вытряхнуть навек,
Наши земли опоганить,
Обесславить, как калек,
Чтобы в омуте разрухи
Уничтожить все следы,
Не узнали чтобы внуки,
Кто же были их деды.
Кровь рекой лилась невинных,
Швед добро у нас палил,
Царь российский самочинно
Тут бесчестия творил,
Создавал острог народу,
Императорским пером
Мерил долю и свободу,
А культуру нес дубьем.
И копытами бездушно
Конь казачий здесь ступал,
Наши земли, наши души
Он безжалостно топтал.

Край родной! Ты разобренный,
И на западе от нас
Польский пан самовлюбленный
Вожжи взял в который раз,
Чтоб в Варшаве непременно
Шить нам-саваны подряд.

Да ни ксеніз, ни пан надменный
Время не вернут назад!
Эх, чего не довелось же,
Братя, вместе пережить!
На полях сражений, Боже,
Сколько гениев лежит:
Неизвестных и бездольных,
Не оплаканных, святых,
И отпетых в чистом поле
Ветра поспевшим пустым!
Разве ж мы не заслужили
Путь свой в мире выбирать
И лишь собственным край милый,
Край родной свой называть?..

1911-1925

110

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ «ХАТА РЫБАКА»

Раздел XVI

1

Я признаюсь, друзья, открыто —
Мне надокучили паны:
От их нутра, уклала, быта
Мне веет затхлостью труны*.
Хотел бы панский сор я вместе
С панами вымести заодно
И в ткань вплести поэмы с честью
Веселых красок волокло.
Ее ж героев я покину
И каждый день наискосок
Окину взглядом хоть разок
Своих Данилу и Марину.

2

На берег Свислочи, под Устье,
Сойду на некоторый час,
В укромный угол, в захолустье,
Что описал уже не раз,
Но все ж ни разу, как налэжит,
Я те места не помянул.
Мои ж следы еще там свежи
Я вижу тут свою вину.

* Здесь и далее *пируна* — могила, гроб, тлен (Прим. ред.).

111

Мне Березанка — дело вкуса,
Своей поэзией глуши
Напоминает Петруши,
Кула, надеюсь, возвращусь я.

3

А нынче выйду на дорогу,
Что вдоль поселка след ведет.
Такого места вы, ей-богу,
И не найдете без хлопот.
Дорога ровная, сухая,
Ей не хватает ширины.
На ней и пыли не бывает,
И грязи тоже нет ни-ни.
Вдоль всей дороги — рожь в мой рост —
Одна живая ткань травы.
Окиньте оком сосны вы —
Тут, что ни есть — краса и гордость.

4

Прошу — взойдите без опаски
Ну хоть на этот бугорок.
Есть тут семь сосен — просто сказка.
Под каждой — чудный холодок.
Стоят они, ну как графини:
Я был сражен в один момент, —
И каждой, словно бы дивчине,
Готов сказать я комплимент.
Они стройны все, свежи, схожи.
Прекрасна каждая из них,
А лучшей все ж из семерых,
Наверно, выбрать невозможно.

112

5

Но если глянуть вдоль долины,
Где Свислочь нежится в кустах,
То юной зелени картины
Возникнут прямо на глазах:
Густых кустов сплошная лава,
Живые рощи вдоль Парни,
Устринский хвойник кучерявый,
Что видит девственные сны,
И тот бугор осиротелый,
Где вышка все еще стоит
И словно беспробудно спит,
Хоть Устье тоже онемело.

6

А луг уставлен весь дубами —
Свидетель темной старины...
Давно веду я дружбу с вами —
Ее истоки чуть видны.
Еще в Наднеманье ребенком
Я полюбил вас, и с тех дней
Меня голубите вы тонко,
Как сказка-быль, как сон очей.
Вы разбудили впечатленья
Моей младенческой поры —
Мои друзья моей зари, —
От вас я вечно в изумленье.

113

7

Найду я слов немало вечных
И красок красочных для вас,
За отступления отвечу —
Простите мне на этот раз.
От сосен тех как на ладони
Видны и хаты, и дворы,
И огороды все, и склоны,
И берег Свислочи, и рвы.
Простору тьма среди полянки.
Усадьба каждая и двор
Имеет вид свой, свой узор,
И в том загадка Березянки.

8

Дворы разбиты как попало:
И планы были не нужны,
Здесь нет ни улиц, ни кварталов, —
Никто не думал тут о них.
Земли песчаной — сколько хочешь,
И стройся, где тебе видней,
Куда пригизивает очи,
Ты только справиться сумей.
Глядишь — один двор на болоте,
Другой на горке под борком,
А там в кустарнике бочком
Стоят строения, как пехота.

114

9

Посмотрим вдоль дороги вправо.
Там появился новый двор.
Строения сделаны на славу,
Никто не бросит им укор.
Свинарик добрый, ну как солнце,
Смолой своих сверкает стен.
А посмотрите на гумёнце —
Пред ним былые гумна — тлен.
Светло, просторно в нем, уютно.
Взгляни — кавказская гора.
А сколько сделано добра!
То общий труд, тяжелый, нудный.

10

С гумном стоят рядком, как всежи,
Стога соломы и кормов,
И все в порядке, как налёжит,
Нет мелких хитростей и слов.
Себя здесь чувствуешь прекрасно:
Видны и хлопоты, и план.
И будешь ты искать напрасно
Малейший где-нибудь изъян.
А рядом озимь зеленеет,
По пояс сочная трава,
С которой справишься едва —
Сама себя она тут сеет.

115

И этот двор — свидетель редкий.
 Снимает всяческий вопрос,
 Что березянцы в зиму, летом
 Труд не жалеют на колхоз.
 Они, чуть выйдет солнце рано,
 Сюда приходят, как на пир,
 И лозунг выкинут чеканный:
 «Давай работу, бригадир!»
 Я помню: было тут болото.
 И что ж, повел плечом народ,
 И на болоте — огород,
 Трудиться снова где охота.

Привет прекрасной Березянке!
 Привет колхозному двору!
 Привет, колхозницы-смуглянки!
 Привет вам, люди на миру!
 Среди моих знакомых новых
 Один особенный есть тут.
 Ему с охотою готовы
 Отдать мы несколько минут.
 Немолодой он — мой ровесник,
 Однако быстрый, как юнец,
 Рыбак, охотник — молодец! —
 Стреляет, ловит, любит песни.

Он знает множество профессий:
 Он и механик, и столяр,
 Грибник отменный и первейший,
 И пчеловод, печник, маляр.
 Идет-живет своим манером,
 Не ошибается в пути.
 А раз был даже акушером —
 Чрез все приходится пройти.
 Его не мучат, как иного,
 Застышей мудрости гужи,
 Он пред любовью не дрожит,
 Не отстает от молодого.

Он любит жить умом, без бума,
 И сам на выдумки досуж.
 Построил запросто, без шума,
 Себе, удобства ради, душ.
 И этот душ — замысловатый,
 Таких не знают города.
 Соорудил балкон у хаты
 И вышку с бочкой, где вода.
 Не просто бочку, а в два донца.
 На дне одном с полсотни дыр,
 Второе взято на шарнир,
 А воду щедро греет солнце.

15

Есть у него еще таланты:
Из меда варит добрый квас
И дар имеет музыканта,
Творит на скрипке перепляс.
Мы проводили час от часу
И на селе, и за селом
С ним много времени, и квасу
Дань воздавал я за столом.
Не только квас — была и столка, —
Не обходили стороной, —
И пили с чувством и с душой
Я и товарищ мой Поскрёбка.

16

Раз у его мы жили зятя.
Пошел он как-то раньше нас
И никого — вот случай! — в хате
Не оказалось в этот час.
Остановился он. Неловко.
Решил отправиться назад
И видит: пельма-поллитровка!
Он подмигнул себе — стой, брат!
И к ней бочком — сплошное горе, —
Берет бутылку в рот и — хлоп! —
И тут же морщит губы, лоб
И пулей мчится на подворье.

118

17

А у колодца тут корыто,
И в нем вода для поросят.
Полощет рог он деловито.
Какая дрянь! Денатурат!!
— Тьфу, понимаешь, ведай дело!
И трет он кончик языка,
А внучка Шурка подглядела,
Какого дед дал зевака.
Друг! Вспомни случай знаменитый
Из стародавнего письма:
Нет тайн на свете для ума,
Чтобы остались не раскрыты.

18

В тот год сухое было лето.
Дождя не видели с весны,
И синей дымкой даль олета,
И ветер с южной стороны.
Да ветер жаркий, суховейный,
Мой недруг, вражина лихой.
Я каждый день встречал бесменно
Восход, закат весь золотой.
Следил за небом я немало —
Мы подружились тесно с ним, —
Глядел, не клонится ли дым? —
Дождя ничто не обещало.

119

19

Пригорки всюду порыжели,
Листва покрылась желтизной,
И ежедневно голубели
Шелка небес над голоюй.
Несу я в мир свой опыт старый,
Мечты и думы, чем богат.
Разносит ветер запахи гари
Издалека, где лес и сад.
А лес, мне кажется, горюет,
Поля в печали и луга.
Укрыло небо берега
И нас как будто бы не чувствует.

20

Разочарованный, туманный,
Иду назад, брожу в леске.
Уменьшит, может быть, боль раны
Качанье в утлом гамаке?
Он тут развешан между сосен,
А рядом дачный стол — мой друг.
Глядит сквозь ветви неба просинь,
И все колыхнется вокруг
Со мною вместе: небо, тучи,
Земля и лес, что за рекой.
И разливается покой,
Глаза смежает сон летучий.

120

21

Я слышу гул. Над лесом бреет,
Рокошет, кружит самолет.
Да высоко так. Не узреешь,
Где с ним справляется пилот,
И только в небе, бездне странной,
Я вижу дивный след-дымок,
И он то серп, то ленту тянет,
То пишет быстро завиток.
Растет, полнеет шум мотора
И расплывается сильней,
Рычит, как будто некий змей,
Из высей синего простора.

22

Я тут и где-то там, далёко.
Весь мир на много-много миль
Одним окидываю оком,
На крыльях дум читаю быль.
Уже давно под Халхин-Голом
Идут жестокие бои,
Где руку подали монголам
Родные, близкие мои.
С Востока не доходят вести,
И Главный штаб на слово скуп.
Да наш народ — могучий дуб, —
В беде с народом-братом вместе.

121

23

На Запад, дальше, за кордоны
Лечу я в думах седины,
Земли родимой слышу стоны,
Где изгаляются паны.
Отсюда ветер горький веет
И шире, шире муть ползет,
День наступающий не греет,
И в смуте стражающий народ.
Одно мне ясно: заварухи
Не обойти, не отклонить,
И сердце ноет и болит
От неминуемой разрухи.

24

Вот так в тени гадаю вишен
Среди глухого уголка,
И словно кто-то в сердце пишет
Мне продолжение стиха
Или рассказ о людях, быте,
О милой старине веков,
И я держусь за эти нити,
Чтоб не терять своих следов.
Я знаю: как из Ниагары,
Победно грянет мощный гром,
Пошире выстроится дом,
И новый дождь зальет пожары.

122

25

Когда же бури час настанет,
Ее ты встретить будь готов —
Живой родник бьет непрестанно
Из-под слежавшихся пластов.
А там за тихою дорогой
Шумит березник молодой,
Везде дорожек много-много,
Туда рвусь с чистою душой.
Привет я шлю природе, людям
И грому бурь, величию гор,
Улыбкам светлым ранних зорь...
И пусть же ясным путь наш будет.

123

ВАЦІСЛАВ ЛАСТОВСКИЙ

Вацлав Юстинович Ластовский родился 20 октября (1.11) 1883 г. на хуторе Колесники Миерского района Витебской области в семье безземельного шляхтича. Окончил Полесьскую начальную школу. Работал в г. Вильно, канцеляристом в Шяуляе (Литва), библиотекарем в Петербурге, где посещал лекции в университете. Вступил в Польскую социалистическую партию в Литве. Работал контрощиком на товарищеской станции в Риге. Присоединился к белорусскому национальному общественому движению. В 1906-1908 гг. вступил в Белорусское социалистическое общество. С 1909 г. — секретарь редакции «Нашей нивы» (бел.), в 1916-1918 гг. был редактором ряда газет. В конце 1918 г. возглавил Белорусское представительство правительства БНР при Литовской буржуазной республике, был белорусским агентом при литовском посольстве в Берлине. С 1919 г. — в партии белорусских эсеров, с января возглавлял Раду министров БНР. Был арестован польскими буржуазными властями. В апреле 1923 г. вышел из правительства БНР и отошел от активной политической жизни, занялся издательской деятельностью (1923-1927). В 1927 г. правительство БССР разрешило ему вернуться в Минск. Работал директором Белорусского

государственного музея, в Институте белорусской культуры АН БССР, был избран академиком АН БССР. В 1930 г. был лишен звания академика и выслан на 5 лет в Саратов, где работал заведующим отделом редкой книги в университетской библиотеке. В 1937 г. снова был репрессирован и расстрелян 23 января 1938 г. Реабилитирован посмертно 10 июня 1988 г.

Выступал в печати как поэт, прозаик, критик и литературовед.

Благословен сын,
готовый стать бесстрашно
за честь матери:
свободы день для всех
своею кровью купить отважно.
Благословен муж, который мстит
за прав поправление людских
и слезы вдов.
Благословен будь тот,
кто кровью расплатится за кровь,
врага заставит
имя Беларуси чтить свято...
Пусть он придет, как Бог,
В броне из мести правой
Под громов звуки, молний блеск,
Под звонкую песнь славы!

1922

Вперед и вперед лишь к победе!
Свободою путь озарим!
Вскипаем мы праведным гневом
И мстью до гроба горим!

Предательской ложью не слержишь
В оковах свободы простор:
Из дум горьких, душ закаленный
Мы выкуем мести топор.

Разделы, пригнет, униженья,
Неправды, расправы и пот,
Берестье и Ригу в день судный,
В день мести припомнит народ!

Властитель-предатель-грабитель,
Слюкойный нарушим твой сон,
И черною кровью твоею
Родной будет край напоен!

1922

126

ДУМЫ НА ПОЛОЦКОМ ЗАМЧИЦЕ

Тьму черную веков
в сем капище старинном
хвалами прославляли Деву.
В честь Девы звался город,
и Дева — дивная река шумела,
И крыша капища
на солнце отливала,
и небо в ней синело.
Пред капищем
водили девы хоровод.
Хор праздничный старославянской речью
слух улаждал,
вожлям честь воздавая.
Сбирались старцы тут,
совет и суд.
И был небесный ход
людским законам,
казалось, вечностью скрепленным...
Весь эи от мир
разрушил крест,
все полонив окрест.

127

Пусть так, и все ж — на пелле
старинных идилов,
под сенью светлой их —
в честь греческих святых
София поднялась,
собой языческую
заменив Палладу.

1923

128

В АЛЬПАХ

Вокруг •
гладь вечная снегов,
не топтанных людской ногой...
Вверху синеют льды
дамасской сталью,
и поражает небо далью.
Как сказочно лазурь прекрасна
с высот снегов и вьюг!
А глянешь вниз с горы, —
увидишь тут миры
домов, святынь
в низинах изумрудных
и горного орла
среди скал,
с достоинством смотрящего
на тропы заячьи.
За ними серый клуб
небес полных и
простор,
где царствует зима,
где белым саваном снегов
застелена земля.

5 — 4591

129

Тут, на рубеже миров
и двух культур,
с высот величественных
глядя на римских замков камни —
минувшей славы память,
которая уже не вдохновляет, —
я не завидую тебе,
Итальянская земля!
Куда как лучше наша колыбель,
пусть бедная, но жизнью полная,
не то что ваш тухлявый гроб,
откуда смотрит смерть.

1923

130

КЕЛЬНСКИЙ СОВОР

Преодолев кошмар уродства,
рванулся ввысь победный дух!
Такой порыв познали готы
в своей душе, разрушив Рим.
Оковы прочь вокруг!!!
И Богу в честь лохматый варвар
скалой воздал хвалебный гимн,
воздвигнув к звездам,
ад коварный
презрев и счастья миг
познав единый...
Дремучих грез кошмар могучий
вмурован в стены — дикость, дурь.
Среди обыденности жгучей
еще теперь слышны созвучья
победных бурь!

1923

5*

ТИШКА ГАРТНЫЙ

Тишка Гартный (Змицер Федорович Жилунович) родился 23 октября (4 ноября) 1887 г. в местечке Копыль в семье безземельного крестьянина. В 1905 г. окончил Копыльское двухклассное училище и поступил в коженную мастеровую. Участник революции 1905-1907 гг. С 1913 г. — на Петербургском литейном заводе «Вулкан», с 1914 г. — на заводе «Айваз». С 1918 г. — секретарь Белорусского национального комитета при правительстве РСФСР, редактор первой белорусской советской газеты. С 1 января по 3 февраля 1919 г. был председателем Временного рабоче-крестьянского советского правительства Беларуси, в дальнейшем — политработником 14-й армии и штаба Западного фронта, редактором газет и журналов, директором Государственного издательства и государственного архива БССР, заместителем министра просвещения. В 1928 г. был избран академиком АН БССР, работал в Институте истории АН БССР. Первое стихотворение опубликовал в 1909 г. В дальнейшем вышли сборники стихов, драм и повестей. Выступал с литературно-критическими статьями, занимался переводом. В 1936 г. был несправедливо репрессирован. Умер в 1937 г. в Могилеве.

БЕЗДОЛЫНЬИ

• Посвящая Янке Купале

Тяжко жить без доли,
Делать что — не знаю;
В мир, наверно, выйду,
Долю попытаю.

Выйду под лесочек,
Крикну на все поле:
«Где же ты пропала,
Ты без сердца, доля!»

Может ты, зеленый,
Роденький лесочек,
Спрятал мою долю
В темный уголочек?

Эй, скажи, мой милый,
Пошади детину,
Помоги ты горю,
Вспомни сиротину!»

Зря я всех пытаю:
Лес шумит немило...
И не слышит доля,
Хоть услышь, могила!...

1909

НЕМАНУ

Эх ты, Неман-река,
Ты ли думал, мечтал,
Слезы как мужика
У себя собирал?

Как стоял над тобой
Сын недоли-беды
И под темной водой
Песни пел нищеты,

Что настанет пора —
Боль и немощь пройдет,
Возрожденья зря
Пред народом блеснет?

Что из хилой груди
Беларуси детей
Над тобой загудит
Песня вольных людей?

1909

РОДНОЙ СТРАНЕ

Я люблю этот образ отчизны,
Где простор необъятный кругом
И курганы, леса и равнины,
И болота, заросшие мхом.

Я люблю этот образ отчизны,
Где Двина, чистый Неман текут
Меж лесов, между гор, чрез ложбины,
В море светлые воды несут.

Где раскинулись хаты неброско,
И в них песни родные слышны,
Песни — доли людской отголоски,
Песни — жалобы бедной души.

Я люблю этот край бесконечно,
Те деревни, болота, поля.
Я родился здесь. Буду здесь вечно.
И меня не забудет земля!

1910

ЛЮБОВЬ

Цветущую розой, как чудо чудес,
Явилась нежданно ко мне
Из края волшебного, выси небес,
В мечтах и чарующем сне;

Рукою нежнейшею сердца она
Коснулась тихонько, как дух,
И дымом кадильным и вкусом вина
Его окурила вокруг...

С пылающим жаром забилося оно,
Волнуя горячую кровь.
И в недра души распахнуло окно
В мир яркий, как солнце, любовь.

1911

КОНСТАНЦИЯ БУЙЛО

Констанция Буйло (Констанция Антоновна Калечиц) родилась 2 января 1893 г. в Вильно в семье лесного обходчика, окончила учительские курсы. Работала учительницей в Лиде, заведовала книжным магазином в Полоцке. С 1923 г. жила в Москве, работала на заводе «Агроном» (1929-1934), в других учреждениях. Заслуженный деятель культуры БССР (1968).

Первое стихотворение опубликовала в 1909 г. В дальнейшем вышли поэтические сборники, книги для детей. Умерла 1 июля 1986 г.

ЛЮБЛЮ

Люблю наш край — сторонку эту,
Где родилась я и росла,
Где первый раз познала счастье,
Слезу недоли пролила.

Люблю народ наш белорусский
И хаты в зелени садов,
Пшеницы золотого на нивах,
Шум наших рощ, боров, лесов.

И реку, что извечно воды
Мчит в неизведанную даль,
И склоны берегов песчаных,
И неба синь, и волн хрусталь.

Люблю весну, цветы и землю,
Их удивительнейший хмель,
И в гнездах клекот журавлиный,
Над полем жаворонков трель.

Люблю я душный запах лета
И бурю пыльную с дождем,
Как гром гремит, а в черных тучах
Сверкают молнии огнем.

И страду летнюю люблю я,
И первый звон серпов и кос,
Как на поля выходят жнеи,
А косари на сенокос.

Люблю морозную я зиму,
На стеклах вышитый узор,
И белый снег, укрывший землю,
Как мягкий ласковый ковер.

Люблю в погожую я ночь
Хоть до рассвета просидеть,
Следить за синих звезд мерцаньем,
На месяц золотой глядеть.

И песни отчие люблю я,
Что девки в поле запоеют,
Когда их голоса над нивой
Переливаются-плывут.

Все в этом крае сердцу мило,
И я люблю свой край родной,
Где с первым счастьем повстречалась,
И с первой горькою слезой.

ЗМИТРОК БЯДУЛЯ

Змитрок Бядуля (Самуил Ефимович Плавинск) родился 23 апреля 1886 г. в д. Посадец Логойского района Минской области в семье арендатора. Учился в начальной еврейской школе, в школе раввинов. В 1912 г. был пригласен в Вильню на работу в белорусские культурные организации. Вместе с Янкой Купалой работал в газете «Наша нива» (бел.). В 1915 г. переехал в Минск. После Октябрьской революции работал в газетах и журналах. В начале Великой Отечественной войны эвакуировался из Беларуси. Член СП СССР с 1934 г. Награжден орденами Трудового Красного Знамени. Умер 3 ноября 1941 г. возле Уральска.

Первое стихотворение опубликовал в 1910 г. В 1911–1912 гг. печатал стихи на русском языке в журналах «На берегах Невы» (Петербург) и «Молодые порывы» (Вильно). В советское время вышли книги поэзии, сборники рассказов, двухтомный роман (1929–1932), избранные произведения (1934), книги переводов.

Сорвала осень листьев злато,
Их ветер крутит, как волна.
Так рок крутил людей когда-то
В былые жестко времена.

А вот не грустно мне сегодня:
Там, где оторваны листья,
Побеги в рост сук голый гонит,
И он не мертвый, как костыль.

Все, что живое, будет живо,
А ветер мертвое сметет...
Весною с новым сил приливом
Наш сад, как прежде, зацветет.

Так и душа... Не слайся боли
И думы обуздай в хвале —
И не погибнет, верь, на воле,
Что сотворишь ты на земле.

ПОЗВОЛЬ

Позволь тебя любить, как колокольчик
в поле,
Как тополь молодой, что за рекой стоит,
Как золотую птицу, что живет на воле,
Позволь тебя любить.

Позволь тебя любить за песню огневую,
За звонкий чистый смех, что серебром
звонит,

За очи ясные, за душу молодую
Позволь тебя любить.

Позволь тебя любить за истинное счастье,
Которое даешь мне в жизни пережить,
За радость и печаль, что даришь в одиночасье,
Позволь тебя любить.

1911

142

ПЕСНЯ

О, солнышко ты ясное...
Так весело поется...
А что ж тебе, девчоночка,
Невесело живется?

Ты будь, как эта яблонька,
Что расцвела на воле.
Ты будь, как эта реченька,
Блестит что в чистом поле.

Смотри, как ветер ласковый
Заколыхал березы.
Зачем же, моя девочка,
Горючие лешь слезы?

Она, что зорька ясная,
Потупившись, молчала.
Голубушка несчастная
Сильней загоревала.

Поваленное деревце,
Ой, не зазеленеет.
Сердечко оскорбленное,
Ой, не повеселеет.

1914

143

СНЕЖИНКИ

Снежиночки-пушиночки
Летели мотыльками,
Над избами чуть сизыми
Развеялись дымками.

Расцветились, разнежились,
Плеля свои узоры.
Блестящие, горящие,
Как звездочки, как зори.

Кружатся, веселятся
Над тихими полями.
Долиночки снежиночки
Закружи кружевами.

Над елками с иголками
Поют, мелькая споро:
«Мы хаточки-палаточки
В лесу построим скоро».

Спешите-поспешите,
Как в колыбель дитятко,
Летите вы, скачите вы
В украшенные хатки.

Ушастые, пушистые,
Усатые вельможи,
Вы, зайчики-молодчики,
К нам забегайте тоже.

Снежиночки-пушиночки
Поют под небесами:
«Мы хаточки-палаточки
Построим скоро сами».

МАКСИМ БОГДАНОВИЧ

Максим Богданович родился 27 ноября (9.12) 1891 г. в Минске в семье служащего, белорусского фольклориста, этнографа. В 1916 г. окончил Демидовский юридический лицей в Ярославле, осенью переехал в Минск. Работал секретарем губернской продовольственной комиссии. В феврале 1917 г. тяжело заболел, умер в Ялте 25 мая 1917 г.

Первое произведение — аллегорическую повесть «Музыка» — опубликовал в 1907 г. Активно выступал с литературно-критическими и публицистическими статьями. Перевел на белорусский язык произведения античных поэтов, а также русских и европейских; песни разных народов.

ИЗ ПЕСЕН БЕЛОРУССКОГО МУЖИКА

II

Я хлеб у богатых просил и молил, —
Они лишь каменья швыряли,
И эти каменья меж ими и мной
Стеною великою встали.

Все выше и выше растет та стена
И многих еще ожидает.
Что ж будет, коль дрогнет, коль рухнет она,
Кого же тогда покарает?

1909

146

ЗИМОЙ

Привет, морозный звонкий вечер!
Привет, скрипучий мягкий снег!
Метель не веет, замер ветер,
И волен легких санок бег.

Мечтая, белые березы
В голубизне ночной стоят,
А в небе звезды от мороза
Похолодевшие дрожат.

Оттуда месяц прямо в поле
Прозрачный светлый столб ступил
И ризой шелковой раздолье
Снегов синеющих накрыл.

Взорвите ж их санями, кони!
Залейся бубенцами, медь!
Вокруг леса летят в погоне,
В груди кровь начала кипеть.

1910

147

СОНЕТ

Посвящая А. Погодину

Un sonnet sans défaut
vaut seul un long poème.

*Voileau**

Среди песков Египетской земли,
Над волнами желтеющего Нила
Уж сколько тысяч лет стоит могила:
В горшке шепотку зерен там нашли.
Хоть пересохли зернышки в пыли,
И все-таки их жизненная сила
Проснулась и опять заколосила,
И хлебом вновь посева зашвели.

Вот символ твой, забытый край свободный!
Нарушенный бездумно дух народный,
Я верую, бесплодно не уснет,
И возродится снова, как криница,
Которая ключом могучим бьет
И рвется на простор пробиться.

1911

* Один безупречный сонет стоит целой поэмы.

Буало (фр.)

Доброй ночи, заря-заряница!
Мгла уже над землею ложится,
Черной ризою все покрывает,
Пылью звезд небосвод засевает.
Тишина мою тронула душу.
Ветерок придорожную грушу
Шевелит еле-еле, колыхнет,
Соловьи зазвенели в затишье,
Серебром тихо льется криница.
Доброй ночи, заря-заряница!

1911

Лишь вчера вдруг счастье
 глянуло несмело, —
И развеялась раздумий мрачных жуть.
Сердце чуткое и млено, и болело,
И теснила молодую грудь.

И вся жизнь теперь совсем иная,
Книгу развернул — а не могу читать.
Как же выпало, что полюбил тебя я, —
Разве знаю я? Да и зачем мне знать?

1912

150

ТРИОЛЕТ

Минута расставанья с Вами
Черней мне Ваших черных кос.
Зачем недобрый час принес
Минуту расставанья с Вами?

Я побледнел до горьких слез
И начал триолет словами:
Минута расставанья с Вами
Черней мне Ваших черных кос...

1913

151

ТЕРЦИНЫ

Есть волшебство в забытом, стародавнем;
Приятно нам столетий пыль стяхнуть
И жить минувшим — сверхмудреным,
славным, —

Мы любим время удалое помянуть.
Порой мы к старым тянемся поэтам,
чтоб хоть тою душою в прошлом утонуть.

Вот почему вернулся я к сонетам,
И ярко вспыхнул стих печальный мой:
Так месяц светит отраженным светом, —

Стихи так блещут давней красотой!

1913

РОМАНС

Quand luira cette étoile, un jour,
La plus belle et la plus lointaine,
Dites-lui qu'elle eut mon amour,
O derniers de la race humaine.

*Sully Prudhomme**

В небе Венера вошла над землею,
Воспоминанья опять привела...
Помнишь, когда повстречался с тобою,
В небе Венера вошла?
С этой поры и я стал восторгаться
Небом ночным и Венере искал.
Тихой любовью к тебе разгораться
С этой поры и я стал.
Но расставаться нам час наступает;
Видимо, доля такая у нас.
Страстно любил я тебя, дорогая,
Но расставаться нам час.

* Когда однажды заблещет эта звездочка,
Самая прекрасная, самая далекая,
Скажите ей, что ей принадлежит моя любовь,
О, последние из рода человеческого.

Сюлли Прюдом (фр.)

Буду в далеком краю я томиться,
В сердце любовь с грустью спрятав свою;
Каждою ночью Венерой дивиться
Буду в далеком краю.
Ты посмотри на нее — при прощанье
Там свои взгляды мы вместе сольем...
Чтобы воскресли любовь и признания,
Ты посмотри на нее...

1913

154

Увидел вновь места родные,
Где годы первые прошли:
Там стены мхом уж поросли,
На стеклах — радуги чудные.
И все в пыли. Так стало мне
Печально, грустно в тишине.
Я вышел в сад... Все глухо, дико,
И все травкою заросло.
Что было раньше, то прошло,
И только росчерк «Вероника»
На липе, врезанный в коре,
Мне говорил о той поре.
Расти же, наливайся, древо,
Как монумент живой вставай
И к небу надпись поднимай.
Извечна истина напева:
Чем дальше даль уходит дней,
Тем имя милое родней.

1913

155

ПОГОНЯ

Только в сердце тревожно почую
За страну свою милую страх, —
Вспомню Острую Брамму святую
И бойцов на могучих конях.

В белой пене проносятся кони, —
Рвутся, бьются и тяжело храпят...
Стародавней Литовской Погони
Не разбить, не унять, не сдержать.

В бесконечную даль вы летите,
А за вами, пред вами — года.
Вы за кем же в погоню спешите?
Где пути пролегли и куда?

Иль они, Беларусь, мчатся рысью
За твоими детьми, — страшный гон! —
Что забыли тебя, отреклись
И продали-отдали в полон?

Бейте в сердце их — бейте мечами,
Не давайте изгоями быть!
Пусть узнают, как сердце ночами
Лишь о Родине может молить.

Мать родная! Святая Отчизна!
Невозможно терпеть эту боль...
Ты прости. Ты прими с миром сына,
За тебя умереть мне позволюсь..

Всё летят и летят эти кони,
Серебром сбури звонко гремят...
Стародавней Литовской Погони
Не разбить, не унять, не сдержать.

АЛЕСЬ ГАРУН

Алесь Гарун (Александр Владимирович Пришвинский) родился 27 февраля (11 марта) 1887 г. в Минске в семье чернорабочего. Учился в приходском училище, затем поступил в ремесленное училище, которое окончил в 1902 г. Работал в мастерских, на мебельной фабрике столяром. В 1904 г. стал членом организации эсеров-максималистов. Арестован 4 марта 1907 г., осужден на поселение в Сибирь, ссылку отбывал в Иркутской губернии. Во время Февральской революции был избран депутатом совета Ленского золотопромышленного округа. В сентябре 1917 г., заболев туберкулезом, вернулся в Минск. Редактировал газету (1918). С осени 1919 г. был членом Белорусской военной комиссии. Умер 28 июля 1920 г. в Кракове.

Первые юмористические стихи А. Гарун написал на русском языке. Писать на белорусском начал в 1905 г., печататься — в 1907 г. Автор сборников поэзии, пьес, книг.

Родина милая, жизнь моя, грезы!
Сильно тебя я и нежно люблю,
Бедные нивы твои, сенокосы
И несчастливую долю твою.

158

Горем, Отчизна, теперь ты измучена,
Стоном повита, в сети из оков,
Руки и ноги, как к кольям прикручены,
Тихо обиды ты сносишь без слов.

Только утешься, родная, желанная!
Начали кольца твои подгнивать.
Скоро свобода придет долгожданная,
Скоро мы цепи начнем разрывать.

1907-1914

159

ПЕСНЯ

На чужой сторонущке
Истрадал душой,
Потерял здоровьишко,
Потерял покой.
Не глядели б оченки
На нелюбый свет,
На нелюбости буйной
Молодости след.
Пропадает след.
На чужой сторонущке
Не цветут сады,
Не поет соловушка,
Нету той еды.
И чужое лето мне —
Снежная зима,
От чужого солнышка
Кровь опалена.
На чужой сторонущке
Не шумят леса,
И цветов поблекла
На полях краса.
Остывает сердце
На чужой земле,
А домой вернуться
Воли нет моей.

160

Где ж вы, нивы милые
И дубовый шум?
Зашумите сызнова,
Чтоб узнал, взгрустнул.
Всколыхните песнею
Вековечных снов,
Всколыхните душеньку,
Разогрейте кровь.

1907-1914

6 — 4591

161

ОСЕНЬ

Осень холодная, черная, хмурая...
Глянется тихо болезненный день,
Ветви деревья склонили понурые,
Солнце запрягалось в черную тень.

Сжатые поля, сеновалы заложены, —
Голые пашни печально лежат,
Небо дождливою тучей обложено,
Травы на пажитях не веселят.
Маки не светят головками ясными;
Голые кусты безнадежно стоят;
С этими осени днями бесстрастными
Тяжкие думы на сердце лежат.

Липы, рябины, осины с березами
Горестно желтой листвою шумят:
«Скоро нахлынут метели с морозами,
Ветры со снегом опять налетят».

Только высокие ели иглистые
Вечнозеленый хранят свой убор,
Зимними днями темно-смолистые
Будут чернеть, снежный вздыбив простор.
Зиму почуяв, медведь беспокоится,
Ходит по чащам и ищет берлог,
Хмурый и злобный, пока успокоится —
Горе сойтись на развилке дорог.

Гуси и утки на юг собираются,
Скоро уже далеко улетят,
Стая за стаей на речке сменяется,
И плещутся утром, лопочут, кричат.

Так и часами порой забывенными
Осень меняет весь облик земли...
Этими днями, ночами осенними
Думы печальные в сердце пришли.
Что-то прошедшее мне вспоминается,
Только неясно, сквозь сизый туман,
Грусть непонятно в душе поднимается,
Тянет и мучает мыслей дурман.

Сердце болит от желаний, протигивится,
Что за желания — не разобрать;
Может быть, мне улететь

вслед за птицами?..
Может, уснуть, чтоб совсем не мечтать?..

ДЕВУШКЕ

Тебя я встретил. Сам не знаю,
От сердца искренне скажу,
Какими мыслями терзаюсь,
Какую песнь теперь сложу.

Ты что-то, видно, всколыхнула
В душе моей, как звездоняд,
Былого струны встрепенулись, —
Чуть слышно издали звенят.

Придется ль снова повстречаться
Когда и где, хотя бы раз?
И струны сердца воплотятся
В мотивы песенные фраз?

Никто не скажет! Только знаю
И ни за что не утаюсь:

Тебя пускай не повстречаю —

Оставишь след ты, нежность, грусть.
И в час, когда во тьме беззвучной

Среди безлюдья, пустоты

Печаль повеет черной тучей,
Лучистым солнцем будешь ты!

1907-1914

ОСЕННИЙ МОТИВ

Выйдем, любимая, вместе.
Стынут пруды.

Тихо. Сменил лес свои очертанья,
Мокнет, желтеет, в нем травушка вянет,
И почернели кусты.

Сядем, голубка, под дубом,
Грусть не тая.
Листьев увидим с тобой опаданье,
Шелест печальный услышим, шептанье,
Звоны ручья.

Будто одни мы на свете.
Мысли грустны.
И мы должны в этот час увяданья
Бедному лесу сказать на прощанье:
— До новой весны.

1907-1914

МИХАСЬ ЧАРОТ

Михась Чарот (Михаил Семенович Куделько) родился 7 ноября 1896 г. в городском поселке Руденск Минской области в крестьянской семье. После окончания Молодечненской учительской семинарии в 1917 г. был призван в армию. В 1918 г. вернулся в Белоруссию, участвовал в партизанском движении в годы оккупации Белоруссии буржуазной Польшей. С 1920 г. — сотрудник, с 1925 г. — редактор газеты «Советская Белоруссия». Инициатор образования и руководитель первой в республике литературной организации «Молодняк» (с 1923). Был членом ЦИК БССР (1924-1931). В 1937 г. репрессирован и расстрелян 20 октября 1937 г. Реабилитирован посмертно в 1956 г. Член СП СССР с 1934 г.

Печататься начал в 1919 г. Автор книжек поэзии, издал сборник рассказов, пьес. Создал с Ю. Таричем сценарий первого белорусского художественного фильма «Лесная быль» (поставлен в 1926 г.).

Сенокосы и поля заснежены,
Реки выстланы гладким помостом,
Волк из чаши дорогой наезженной
К хатам трусит неуропенным гостем.

166

Роша в свадебном платье, а хмурится,
Не утешится утренней ранью,
И в деревне заснежены улицы,
И в сугробах купаются сани.

Сиволапый гуляет под окнами,
Смотрит хаткам в открытые очи,
Только в полдень порою смолкает он,
А как вечер — по стеклам грохочет.

Дети пальцами стёкла с узорами
Размалевывают, сгорбив плечи,
Наскребают снежинки пригоршнями
И бегут полизать их в запечье.

Ночью печь дымоходом застонет им,
Но сон сладкий в постели приснится,
Что в саду они с криком и гомоном
На траве ловят вместе синицу.

1922

167

МОЛОДНЯК

Тут намедни буря выла нам,
Ветер лязгал, как голодный волк,
Старый бор с корнями выломан, —
Грустный шум его навеки смолк.

Солнце выглянуло — мир огню!
Бурелом сожгло, промчалось долами...
Тучи вычерпало пригоршней —
Все просторы стали голыми.

И сегодня слышны отклики:
— Нам расти! Так мало дня!..
Только здесь подняться мог таки
Богатырь лес-молодняк.

Стройный лес, он гордо выйдет,
Словно рать, что рвется в бой.
Шум его — как голос: «Выедем
Постоять за правду головой!»

Молодняк своими листьями
Шепчет тихо сказку-вольницу...
Помним, как своими жизнями
Черных дней сдержали конницу.

Мы свободны! — Время зрелости!
Дни пришли — совсем не верится...
Кто ж найдет отваги, смелости
Силой с молодостью меряться?

1923

О ТЫ, КРАЙ МОЙ НЕСЧАСТЛИВЫЙ!

О ты, край мой несчастливый!
Где ж сыны твои, Отчизна?
И дождутся ль твои нивы
Солнца, света, воли, жизни?
Грабит враг тебя открыто.
Жутко, страшно поневоле.
Жертв не счесть. И, гладкий, сытый,
Лишь смеется с нашей доли.

Память втоптана в болото
Наших предков, честь и совесть.
Кары, горя ждут сироты,
Над гробами плачут вдовы.

В нас растут братоубийцы
И предатели богато:
Бойся друга-кровопийцы,
Бойся, брат, родного брата.

О ты, край мой несчастливый!
Где ж сыны твои, Отчизна?
И дождутся ль твои нивы
Солнца, света, воли, жизни?

Как же матери в награду
Могут долю выбрать детям?
Как же нашим девчатам
Женихов найти на свете?

КОНДРАТ КРАПИВА

Кондрат Крапива (Кондрат Кондратович Атрахович) родился 5 марта 1896 г. в д. Никитинское Узденского района Минской области в крестьянской семье. Учился в церковноприходской школе в деревне Низок, Узденском народном училище, 4-классном городском училище в Столбцах, с которого перевелся в такое же училище в Койданово (теперь Дзержинск). После его окончания (1913) сдал экстерном экзамен на звание народного учителя. В марте 1916 г. окончил школу прапорщиков. Участвовал в боях на Румяньском фронте. В феврале 1918 г. демобилизован. Учительствовал в деревне Каменка на Узденичине. В 1920-1923 гг. — командир в Красной Армии. В 1925 г. переехал в Минск. Окончил литературно-лингвистическое отделение педфака БГУ (1930). Работал инструктором Центральное бюро краеведения при Инбелкульте (1925-1926), заведующим отделом в журнале (1932-1936). Участвовал в освобождении Западной Белоруссии (1939), в советско-финляндской войне 1939-1940 гг. В годы Великой Отечественной войны работал во фронтовых газетах. В послевоенные годы — редактор сатирического журнала, заведующий сектором языкознания Института языка и литературы АН БССР (1956). Академик АН БССР (1950). Народный писатель БССР (1956). В 1956-1982 гг. вице-пре-

зидент АН БССР. Герой Социалистического Труда (1975), заслуженный деятель науки БССР (1978). Умер 7 января 1991 г.

Писать начал в 1922 г. Автор многочисленных книг басен, пьес, литературоведческих и критических статей, лингвистических работ. На белорусский язык перевел отдельные произведения Фонвизина, Крылова, Пушкина, Гоголя, Островского, Чехова, Маяковского, Твардовского, Шевченко и др.

К. Крапива трижды лауреат Государственных премий СССР, а также Государственной премии БССР им. Я. Купалы в 1974 г.

ДАЙ И ДАЙ

Чтоб ты только провалился!

Вот порядки завелися:

Где ни сунься, так и знай —

Всюду в лапу дай и дай...

Скоро вот уж месяц будет,

Как мне землю суд все судит,

И чтоб ею управлять,

Мне пришлось на лапу дать.

Как-то в поезде я ехал,

Но откроюсь вам без смеха,

Что по шпалам бы шагнул,

Если б в лапу я не дал.

Этим летом продналога
Взять с меня хотели много.
Чтоб потом не голодать,
Так пришлось на лапу дать.

Незаметно мы дожились,
Что и «тройки» объявились,
И хотят они, видать,
«Дерунам» по лапам дать.

Но не верится мне стойко,
Что помогут эти «тройки».
Навести чтоб здесь порядки,
Нам давно нужны «десятки».

1922

МАНДАТ

Ослу раз выдали мандат, —
Случайно, право слово.
(Ошибки свойственны и людям — это факт,
И речь о них вести не ново.)

От счастья тут же у Осла
Кругами голова пошла,
И ум совсем зашел за разум.
Хоть был не пьян,

от гонору стал пьяным сразу:
Такого задал всем разумник тону,
Такого шума учинил, такого звону,
Что спорить с ним казалось просто лишне,
И посчитали все Осла за шишку.

— Ну, разум! Вот так голова! —
Без похвалы не вымолвят ни слова.
Другой так чуть не целовал
Копытики Ослы.

А голова с мандатом на полметра
Жует овес, гуляет по траве,
Ни мысли путной в голове,
Вертит хвостом и щурится от ветра.
При этом все, как на приколе:
Чихнуть бояться поневоле.

Один лишь только Лыска,
Когда Ослы увидят близко,
Так протестует: «Гав-гав-гуу!
Терпеть крестина не могу!»
Да Лыска на пети, и ни гугу...

Бывает раз иной и с нашим братом,
Что заменяют голову мандатом.
Но провозжаем мы таких ослов
Без лишних слов.

1925

ДЕД И БАБА

Дед раз ехал на базар,
На возу с ним баба.
С виду конь как конь, не стар,
Да тянул он слабо:

Был не больше двух годков
И не сыщешь краше.
Баба — точно семь пудов —
Бог вполне уважил.

На пригорок или в грязь —
Брюхом конь елозит.
Стала баба помогать,
Не слезая с воза.

Что ж, коню второй годок,
Так она за било,
Да ногами в передок
Бьет со всею силой.

— Брось, дурная! Прогоню! —
Бабе черт не страшен.
— Ты поможешь так коню,
Как хворобе кашель!

— Ах ты, елупень* стары! —
Баба леда лает. —
Стой же тут, хоть ты сгори!
Мне беда малая.

Тут же прыг она с колес,
Села у дороги.
А коня как черт понес, —
Где взялись тут ноги.

В учрежденьях тоже есть
Вот такие «бабы»:
Что там делают? — Бог весть.
Результаты слабы.

И такая не уйдет!
Так попросим прежде:
— Может, ваш настал черед?
Попытайтесь слезть же!
1925

* Елупень — бестолковый, тупой человек, олух
(Прим. переводчика).

УСЕРДНЫЙ ПОП

Однажды на первопрестольный,
Как раз угоднику Николе,
Служил молебен поп один
И ревностно кадил.
Святой угольник Николай
Считался «шефом» этого села,
И день девятого справляли мая
(Жаль, суеверие кой-где не отмирает).
И уважая добрую погоду,
Немало в церкви собралось народу:
Один явился истово молиться,
Той надо замуж, этому жениться, —
И как бы ни было, а на поново счастье
И негде яблоку упасть — такие вот напасти.
Поп начал с радостью молебен править,
Чтоб Николая здесь восславить,
И как пошел ходить,
И как пошел кадить!
И в фанатичном том задоре
В дыму угодника упрятал вскоре,
Дьячка, и клирос, и алтарь,
И сам гулит, как пономарь.

А в церкви — смрад невяпоровот,
Чихает, кашляет народ;
Того уж дергает и рвет,
Там — у обсах полон рот.
Терпели долго люди так, потом же — холу,
И нон с уютодником остался без народа.

Случаются на свете люди:
Есть пара критиков, известных нам,
Что вечно курыт фимиами, —
От них тошнит повсюду.

1926

ПРО ЦЫГАНА И КОБЫЛУ

О том немало нам трубили,
Что каждый из цыган свою кобылу хвалит,
А на чужую горы валит...

Цыган не мыслит ездить на захваленной
кобыле:

Ему бы сбыть и получить.

О беспардонности его не будем мы трубить:

Цыгане нам ясны без слов,

Не понимаем только тех панов,

Кто без причин лукавит

И просто так, для вящей славы

Своею хвалится кобылой

(Особенно их много средь писак).

Другая кляча

На трех ногах, бывает, скачет,

А он кричит: «Глядите — вот рысак!

Какая красота! Какая резвость! Сила!»

Захлебываясь, не видит он,

Что туча крутится ворон,

Что карканьем кобылу славят гости,

Что кляча вся в коросте,

Безногая, и с шишкой на боку.
Так языком до тех пор чешет,
Пока ее пешочком не утешат,
«Над робное отвеши «рысаку»».

Чем похвалами где попало бредить,
Взглянуть не повредит, на чем же
каждый едет.

1926

ФИЛОСОФ И РЕКА

Прошел философ полземли.
Чего плутал?
Иль правды он искал
И тропок тех, что к ней вели,
Иль сложность изучал идей,
Что вызывают у людей
То гордость, то тревоги.
Но только сбился он с дороги,
Пошел к деревне напрямик
И оказался перед речкой вмиг.
Деревня вся как на ладони,
Дымятся печи, казаны
И запах вкусный в речке тонет:
Не иначе пекут блины,
А может, даже пироги
(Философ, стоя у реки,
Не взял и крошки для забавы),
Да вот беда —
Пред ним вода
И никакой не видно переправы.
«Не будем горю предаваться, —
Сказал философ наш и начал раздеваться, —
Мне только нужно снять штаны,
И я успею на блины».

Но лишь разделся — тут же сомневаться:
Или в штанах, или без штанов —
Философ есть философ:
Порассуждать всегда готов
О всем громкоголосо.

«Какая же судьба меня там ожидает?
Хоть разум мой глубины постигает,
Но ведь вода тут черная такая...
И потому глубины здесь и зыбь
Не для философов — для рыб».
Вдруг в миг сей не рутинный
Сомнений, грез и дум
Раздался гулкий рев ослиный:
Лакая воду на ходу,
Осел промчался, на беду,
Ужасный поднимая шум.
Напившись, стал среди реки,
Хвостом махая от тоски.
(Ослу тут было по колено.)
Философ снова весь в сомнениях:
«И почему у речки дна не видно?
Хотя, пожалуй, очевидно:
Мы потому в воде не видим дна,
Что в водоеме муть одна».

Так мы роман иной с изъязном
Считаем чуть не океаном.

1963

ИГНАТ КАНЧЕВСКИЙ

Игнат Канчевский родился в мае 1896 г. в Вильно. Окончил реальное училище, учился в Петербургском технологическом институте, перевелся на филологический факультет Московского университета. В 1916 г. был мобилизован в армию. Преподричком воевал на Румынском фронте. В 1917 г. приезжает в Москву, где учится на высших кооперативных курсах при университете Шеняевского. В 1919 г. переехал в Вильно, работал инструктором Совнархоза Литовско-Белорусской ССР. После оккупации поляками Вильно принимал активное участие в белорусском культурном движении. Писал политические статьи, литературные рецензии и стихи.

Умер 21 апреля 1923 года в Вильно.

СЕНТЯБРЬСКОЕ ПАННО

В Бернардинской обители шепчутся
желтые листья,
На тропинках блестят чуть приметно
скорлупки каштанов,
И в каналах вода от зимы и синее, и чище,
Говорит с валунами о лучших годах
беспрестанно.

...И выходит таинственно вечером
 в позднюю пору
 Князь последний Литвы в волнах гаснувших
 зыбкого света,
 С бородой кучерявой — каштанов
 на тропках узора, —
 С страусиным пером, вознесенным над
 черным беретом.
 Не спеша, не прибавив ничутьочки шагу,
 Он восходит на гору и к башне подходит
 громадной,
 И, рукой опершись под плащом
 на злаченую шпагу,
 До утра смотрит в дали притихшей
 страны необъятной.
 Ждет... пока не рассеется тьма над рекою,
 Над воллой побелевшей развевается
 сонные чары,
 И во мгле поплывут гордо лебеди вновь
 чередой,
 А над искрами рос заблестят очи
 нежной Барбары.

1923(?)

ВЛАДИМИР ЖИЛКА

Владимир Адамович Жилка родился 27 мая 1900 г. в д. Макаши Несвижского района Минской области в крестьянской семье. В 1914 г., после окончания городского училища, вместе с родителями переехал в Минск. Учился в Богородицком агрономическом училище Тульской губернии (1915-1917), работала агрономом в государственном поместье под Минском (1918-1919). Учился в белорусской гимназии в Двинске, а с февраля 1923 г. учился на историко-филологическом факультете Пражского Карлова университета. В 1926 г. вернулся на родину. В начале 1930 г. арестован и сослан на 5 лет в г. Уржум Кировской области. Умер в ссылке 1 марта 1933 г. Реабилитирован посмертно в 1960 г. Печатались начал в 1920 г. В Минске издавал сборники, переводы, критические статьи.

Мы любим древние преданья,
 Былины старых гусяров
 И их нехитрые сказанья
 О всех деяниях веков.

Приятно истины изведать,
Истории истлевших книг;
Из летописей знать о дедах
То, что монах иной постиг.

Приятно прамедов надежды,
Их тайны, думы узнавать,
Дела, вершившиеся прежде,
Где, как сражалась наша рать.

Мы старших знаем поименно:
Пример, наука нам они; —
И помним мы и веча звоны,
И вольность отчей стороны;

Не позабыли мы холопства,
Страницы скорби мировой
Нас учат видеть вероломство
И мести булят гнев святой.

Но все же будут нам милее
Часы, когда из тьмы болот
С надеждой, верою прозреет,
Восстанет праведный народ.

Еще не видно в перетрусье,
Куда его проляжет шлах,
Но дух свободы в Беларуси
Живет и побеждает страх.

И, может, только побойтся
Лишь тог дней наших и имен,
В ком жизни не забьет криница,
Кто спит, стяхнуть не в силах сон.

1921

ЛЮБОВЬ

Явилась ты, и новых сил криница
Забилась, думы вырвались в полет, —
То жизни боль, то легкость смерти снится,
И сердце незнакомое поет.

Она же красотой волнует, чаровница:
Как змеи, виснут косы с плеч ее,
А очи — из-под туч зарница,
И тайна страсти на груди зовет.

Отравлен ядом чувственных страданий,
На зов таинственный иду без колебаний
Увидеть светлооую Лауру.

А с губ уже срыгается сонет,
Как вихрь звенящий, своевольный в бурю,
И радостный, как любящий поэт.

1921

190

Душа моя, как лилия,
Горюет средь болот.
Рождаются идилия
В трясине сонных вод.

Ей снится небо синее
И солнце, и весна,
И песней соловьиною
Отравлена она.

Ей тайны полусонно
Родная шепчет тишь,
И в ночи темно-темные
Чаруют звезды лишь.

Вокруг же тина нудная
И плесень на буграх,
И вздохи чьи-то трудные,
Печаль и некий страх.

И что-то неумелое
Тростник шумит-поет,
Что лилия несмелая
Не слышит средь болот.

1921

191

Моя судьба — палач безмолвный.
Безжалостней рука кого?
Но воин может хладнокровно,
Без трусости принять его.

Умеет воин дерзновенно
Встать насмерть перед силой злой
И, все теряя неизменно,
Долг до конца исполнить свой.

Терять же более нет смысла,
Терпеть нельзя — позор сполна:
Народ, Свобода и Отчизна, —
На все лишь очередь одна.

Все дорогое и святое,
Все, чем жила моя душа,
Чужою стиснуто рукою,
Ударом сбито палаша.

Но подо лбом суровым этим
И в голове среди забот
Стремленье цель достичь на свете
Неодолимое живет.

Непобедимой волей паладой,
Превозмогая рок и мозг,
Звенит душа былым заглазом,
Звенит без робости и слез.

Пока пылает сердце гневом,
И гнев воинственной бича,
Я бой приветствую нашенском
И звоном острого меча.

Когда же я от страшной раны
Свалюсь в крови, едва живой,
И враг, моею кровью пьяный,
Надменно встанет надо мной,

Я и тогда не сдамся катам,
Сдержу часов последних боль,
Моя же ненависть набатом
Означит жизни всей юдоль.

1925

Р.М.

Любовь ничего не требует,
Любовь ничего не просит, —
Так радуется синее небо,
Так теплит ромашка в колосьях.
Любовь, словно песня о звездах,
Возносит в просторы незримо.
И счастьем, и верою в грезы
Глаза расцветают любовью.
И даже в сказанной грусти
От чувств твоих неразделенных
Печаль горевать не допустит
Надежду, что плещет влюбленно.
Любимая, милая, цветень!
В плену изумительной доли
Есть песней кого заприиметить,
И сердцу уж будет довольно.
Доверчиво сердце в молитве
Склоняется к образу милой,
Но было б еще счастливей,
Когда бы кого-то любило.

1928

194

СТРОКИ ПРОЩАНИЯ

Феликсу Кушцевичу, сердцу,
раздираемому болью о Родине,
посвящаю*

О, мой край, — перелутья с крестами,
Стаи птиц на полях межесых!..
Сердце боль пронизала ножами,
И мне песен не слышать твоих.

О, мой край! Очарован я новью
Твоих далей безмерных, поверь.
Был ты первою детской любовью
И останься последней теперь.

Думал я, что не будет колдобин,
Не придется изведать вражды,
Что былые обиды затопим
Половодьем весенней воды.

Но, увы! Хмуры лица у люда.
Говорят о недобром опять.
И меня, как злодея-приблуду,
Поведут без тебя горевать.

* Кушцевич Феликс (1900 — 1930) — критик, прозаик, поэт, переводчик, друг В. Жилки.

7*

195

Не спрошу, почему безызвестно
Отрывают от отчих могил —
Своей юностью, радостью честно
За любовь я свою заплатил.

Что я сделаю с этаким сердцем,
Раздираемом болью людей?
Может, чтобы не был иноверцем,
Может, чтобы любил я сильнее?

Может, чтобы навек нерушимо
Слился с краем навечно мой дух?
Мое верное сердце! Незримо
В кандалы ты заковано мук!

О, мой край, злого ветра дыханьем
Не залить твою счастья зарю!
Эти грустные строчки прощанья
Вспоминай, когда я догорю.

До свиланья, любимый, желанный,
Расцветай и красуйся в веках!
Ну, а я, словно лист первозданный,
По тебе на чужбине зачех.

1937

ВЛАДИМИР ДУБОВКА

Владимир Николаевич Дубовка родился 15 июля 1900 г. в д. Огородники Постявского района Витебской области в крестьянской семье. Окончил Ново-Валейскую учительскую семинарию (1918). Учительствовал в Тульской области (1918-1920), служил в Красной Армии (1920-1921). После демобилизации работал методистом и инспектором белорусских школ Наркомата образования РСФСР и занимался на творческом отделении Высшего литературно-художественного института им. В. Брюсова, который окончил в 1924 г. В 1930 г. репрессирован. Заключение, ссылку отбывал в Кировской области в Чувашии, на Дальнем Востоке, в Грузии, Красноярском крае. После реабилитации (1957) жил в Москве. Член СП СССР с 1958 г. Умер 20 марта 1976 г.

Начал печататься в 1921 г., опубликовал сборники стихов, книжки стихотворных сказок для детей. Вышли «Избранные произведения» в 2-х томах (1959, 1965). Известен и как переводчик произведений Шекспира, Байрона, Брюсова и др. Лауреат Литературной премии им. Янки Купалы (1962).

...Они за косы погибали Клеопатры,
За очи те, что и не снятся, право.
К ногам несли, — и приносили шедро, —
Жизнь, и судьбу, и славу.

...И погибали в волнах раскаленной лавы,
Что выплеснул безжалостный Везувий.
В последний раз на золоченых лавках
Ловили эхо губ и тень надежды.
Затем с Помпеей сказкою заснули.

...И погибали ежедневно, ежегодно,
За ласки нежные, минутные, за ласки...
Жаль, что с блудницею негодной,
Жаль, что не с первой, что неоднократно.
И так от Рима до Аляски.

1925

198

Знаешь прекрасно: ты дивно пригожая,
Губы желанны твоей непослушнине.
Они случайно мне жизнь расстреляжили,
Силью лынной закужили радушною.

Слышал — не верил: и встреча,
и брошенность.
Что ж! Будет песня печально-минорная.
Наша любовь и простая, и сложная,
Хоть необычно грустью обёрнута.

Дал тебе Бог красоту неприметную,
Даст, безусловно, и счастье великое.
Очень хочу, чтоб не стала кометою,
Память к тебе не была чтоб безликою...

Волнами в волнах, покуда не стинули,
Сердце твое чтобы жалость не сглазила...
Может, и мы на просторах дельфиновых,
Словно юнца Рафаэля фантазии...

1925

ФЕДОР КЛИШТОРНЫЙ

Федор Федорович Клишторный родился 11 марта 1903 г. в д. Поречье Лепельского района Витебской области в крестьянской семье. Окончил литературно-лингвистическое отделение педагогического факультета Белорусского государственного университета (1931). Работал на радио, в прессе. Печатался с 1925 г. Издал сборники стихов, книжку-рисунков для детей (1935). Репресирован; расстрелян 30 октября 1937 г.

НАЧАЛО ЗИМЫ

Месяц вновь из-за гор васильками
Пересыпал озерную синь.
Стынет все...
Ледяными серпами
Осень косит рябину, полынью.

Толпы звезд снеговым переливом
Разметали в полях провода.
Словно кони с намыленной гривой,
В темноте спит деревьев орда.

Кто-то там на широком приволье,
Где размежья горят серебром,
Вдруг запел о бескрайнем раздолье,
Засвищет ледяным соловьем.

Эх, как рвется душа на просторы.
Что-то хочется вечно любить,
По-ребячьи и звезды, и зори
В ледяных перезвонах бузить.

Месяц вновь из-за гор васильками
Пересыпал озерную синь.

Стынет все...
Ледяными серпами
Осень косит рябину, полынью.

Вплетается дым в золотую гладь
И над просторами березовая просинь,
День розовый спустился подремать
В густой тени смолистых сосен.

Дурманит запах меда наяву...
Задумались, замолкнув, дали.
Ромашки белые заснежили траву
И в тишине туманной задремали.

О край родной, соломенные хаты...
Люблю свободы сказочный приют.
Иду один, а тыщи птиц крылатых
Мне о любви несбыточной поют.

И тут болеть душа не перестанет,
Тут не остынет в жилах кровь...
Тут каждый крест — борьба и истязанье,
Тут каждый угол — вечная любовь.

О, тут есть все...
Хочу так жить и верить, —
Отдать всю душу красоте лесов.
Готов бежать веселым пионером
Под золотые трели соловьев.

Вновь над просторами березовая просинь,
Дым в золотистую уходит гладь,
И за верхушками смолистых сосен
День розовый спустился подремать.

1927

КЛЕНОВЫЕ МЕТЕЛИ

Как грустно, милая, укоры
Из чап твоих мне доливаться,
Когда так светят,
Светят зори,
И звезд дрожит лихая рать.

Пойти бы в ночь,
Пойти долиной,
Пойти Бог ведает куда...
Не все увидены картины,
Не все открыты города.

Пойти, где ветры на озерах
Извечно навевают грусть...
Люблю я ширь,
Люблю я поле,
Люблю родную Беларусь.

Тут каждый куст пост блаженно,
Тут речка сказкою журчит,
И повесть долгую сражений
Твердит тут каждый крест и вил.

Дорогой дальнею пойду я,
Пойду порою без дорог
И каждый кустик расцелую,
На каждый поднимусь порог.

И если над простором жарко
Засвищет молот горолов,
Я разобью пустую чарку
На поле вышитых годов.

Не буду, милая, укоры
Из чап твоих я доливать,
Когда над нами будут зори
И звезды станут отливаться.

НАТАЛИЯ АРСЕНЬЕВА

Наталья Алексеевна Арсеньева родилась 20 сентября 1903 г. в Баку (Азербайджан) в семье служащего. После окончания 1-й Виленской белорусской гимназии (1921) поступила на гуманитарный факультет Виленского университета. В связи с переводом мужа в Хельню (Польша) в 1922 г. была вынуждена бросить учебу. В 1939 г. оказалась в БССР, работала в виленской областной газете. Как жена польского офицера с двумя сыновьями в начале 1940 г. была сослана в Казахстан, где работала в колхозе. Благодаря ходатайству СП БССР в мае 1941 г. вернулась в Беларусь. В годы Великой Отечественной войны находилась в оккупации, работала у немцев в газете, в 1944 г. руководила отделом литературы Белорусского культурного объединения. В связи с наступлением Советской Армии (1944) выехала с мужем в Германию, где находилась некоторое время в лагере для перемещенных лиц. С 1950 г. жила в США. Скончалась в 1998 г.

Первое ее стихотворение в белорусской печати было опубликовано в 1920 г. (газета «Наша думка»). Автор сборников поэзии. Перевела на белорусский язык ряд либретто опер, оперетт, отдельные стихи Мицкевича, Гете и др.

ЛЮБЛЮ Я СОЛНЦЕ ЗОЛОТОЕ

Люблю я солнце золотое,
Люблю пригужею весной.
Когда все новое, святое
Смеется радостно со мной.

Люблю небес весенних ласки
И поцелуи ясных кос,
Где льнут деревья без опаски,
И листья нежатся берез.

И ожил сад. И к солнцу ветки
Деревья тянут в полусне.
Я птицу выпущу из клетки —
Лети на волю, пой весне!

Цветет черемуха, черешня,
В наряде яблонька стоит,
Играет ветер с ней, и песня
Святой весне в ушах звенит!

Весна, весна, пора цветенья,
Неси везде свое тепло.
Люби в восторге возрождения,
Пусть будет на земле светло!

Люби, ласкай, согрей дыханьем
Жизнь на земле и жизнь людей!
Тебе ответит сад признаньем,
И сердцу будет веселей.

Целуй меня, прошествуй властно
В поля, леса погожим днем.
Люби, любви отчизну страстно,
Любовью грей, ее огнем!

1921

ЖЕЛАНИЯ

Как колючая страдной нивы,
Сердце бьется на ветру.
Ничего мне здесь не диво,
Ничего не соберу.

Зимней вымученной ночью
Снится августовский стог,
А весною сердце хочет
Видеть осени венок.

Темнотой, бездорожьем
Лишь одно пойду искать,
Что иметь нам невозможно
И никто не может дать.

1933

ОКРЕСТИЛ МЕНЯ КТО-ТО В ЗЕЛЕННОЙ ДУБРОВЕ

Не церковной молитвой, святою водой —
Окрестил меня кто-то в зеленой дуброве.
Как язычник,

Я пуще пою золотой,
Понимаю полей васильковое слово.
И ко мне

Не туманом, не мутью из льдин
И не снегом приходит весна почерневшим, —
Мне смеется она пухом вербы седым,
Звонкой трелью над полем едва зеленеющим.
Мне не зноем в лицо дышит летний пожар,
Не под ветром цветы опадают черешни, —
Колосистая нива — извечный гусляр, —
Золотые, горячие дарит мне песни.
Осень, вновь — не росой, не холодным

дождем,
Не тоскою тягучею сердце мне ранит, —
Сребро паутины плетет над межой,
Тихим сном на седые ложится поляны.
И зима — не морозами рвется ко мне,
Не слепой застилает метелицей очи, —
Над снегами на синем небес полотно
Рассыпает она серебристые ночи...

Постоянно

Языческой жутью простой
Мое сердце сжимается ночью багровой.

Не церковной молитвой, святою водой —
Окрестил меня кто-то в зеленой дуброве.
1936

МОЛИТВА

Великий Боже! Властитель света,
Земли и Солнца, сердец любимых,
Ты Беларуси, тихой и светлой,
Благословенья дай и любви.
Дай милость к жизни, будничной, серой,
На хлеб насущный, любимый край.
Дай уваженье и стойкость веры
Ты в нашу правду и силу — дай!
Дай плодородие нашим нивам,
Пусть будет щедрым и умолог.
Сделай свободной, сделай счастливой
Нашу Отчизну и наш народ!

1942

ПИЛИП ПЕСТРАК

Пилип Семенович Пестрак родился 27 ноября 1903 в д. Саковцы Ивацевичского района Брестской области. Учился в Куйбышевском университете (1920-21). В 1921 г. вернулся на родину. С 1927 г. секретарь Косовского подпольного райкома партии. 11 лет сидел в тюрьмах Польши. Освобожден в сентябре 1939 г. Красной Армией из городской тюрьмы. В Отечественную войну участник партизанского движения в Белоруси. Работал начальником Управления по делам искусства при СНК БССР (1943-45), в Институте языка, литературы и искусства АН БССР (1946-48), литературным консультантом СП БССР (1948-51). Умер 22 августа 1978 г.

Печататься начал с 1926 г. Член СП СССР с 1939 г. Автор сборников стихов, романов. Переводил на белорусский язык.

ПУШКИНСКАЯ ОСЕНЬ

На поле тишь. Давно все сжаты нивы,
И даль осеннею раззолотилась мглой,
Напевы дальние, как трели-переливы,
Плывут с долин над тихой землей.

Невольно хочется заслушаться в просторы,
Припомнить юность, летские мечты,
Где каждый поворот дороги вторит
О пройденном, растаявшем как дым.

Не распрошачься мне с волшебным
шумом сосен,
Не позабыть курганной седины,
Где лирою звенит мне пушкинская осень
И будит песенные сердца думы-сны.

И чувство теплое, как тучка в небе чистом,
Вилывает в сердце с пушкинских картин, —
Напевы детства в вечер серебристый
Плещут «Бурею» и «Вновь я посетил...»

И снова слышу шум знакомый сосен,
Развеивая дней текущих стынь,
Любовь таинственно уходит в неба синь,
И лирою звенит мне пушкинская осень...

1949

ДРУГУ НЕИЗВЕСТНОМУ

Недаром, зная, сплетал венки Петрарка,
Клад на алтарь любви священный дар,
И на смех никому он не отдал
Своих восторгов сердца ярких.

От мук души до счастья путь не гладкий,
Оно куется сердцем каждый день
И жестко за собой ведет, как тень,
То огоньком волшебным, то укралкой.

Вот так и я, непризнанный и трудный,
Вдруг вслушался в осенний шум листвы,
В простор небес, задумчивый и мудрый,

И за листком слежу я золотым —
И наконец, с напевом ветра грустным
Шлю другу неизвестному мечты...

1959

ПАВЛЮК ТРУС

Павлюк (Павел Адамович) Трус родился 6 мая 1904 г. в д. Низок Узденского района Минской области. Окончил Минский белорусский педагогический техникум (1927). Работал в редакции гомельской газеты (1927-28). Учился на литературно-лингвистическом отделении педагогического факультета Белорусского государственного университета (1928-29). Умер 30 августа 1929 г. Печатался с 1923 г. Автор сборников стихов, книжки избранных произведений (1979) и др.

СОНЕТ

В соцветьях осени пунцово-золотых
Две вербы гнулись под ветрами низко лолу.
Из золота плели венки безмолвно
И тихо падали кленовые листья...
Над синим озером увядшие цветы
Печалью веяли от радости веселой,
Плели венки в туманном полневолье,
Кувшинкам чтоб в болоте не застыть.
Так думы тонут в будничном бездонье,
Взметнувшись случаем сегодня, —
И вдали плывут за томоном криниц.
И в сердце трепетном пол звонкие аккорды
Веков историю нам пишут дни,
Лелеют будущее нежно, буйно, горло.

216

Скажи, любимая, скажи,
Зачем таить досаду, слезы,
Когда так ясно светят звезды?
Не верь ты им, а мне скажи.

И почему венки души
Твоей нежданно так завяли?
Кула несет их жизнь в печали?...
Скажи, любимая, скажи!..

217

ТРИПТИХ

I

Плывет в слезах осенняя дорога,
Холодный день разлился над селом.
И потонули в золоте отроги
Под грустной осени встревоженным крылом.

Холодный день разлился над селом,
А тени нежные купаются в долине,
Под грустной осени встревоженным крылом
Слезами в сердце песня не остынет.

А тени нежные купаются в долине
И плавают в лугах обветренным челном.
Слезами в сердце песня не остынет,
Не ответит калиной под окном!

II

Дрожит и стелется над лесом позолота,
На тучах просинь нежится вдали,
И в сонной выси над седым болотом
С гортанным криком кружат журавли.

На тучах просинь нежится вдали.
В душе глубоко затаилась радость.
С гортанным криком кружат журавли,
От изморози загрузили гряды.

В душе глубоко затаилась радость
Печаль уносится от клюквенных светил...
От изморози загрузили гряды,
Там чары осени я сердцем ощутил.

III

Грустят под месяцем озябшие рябины,
Завяли, плачут астры под окном,
И потонули песни в розмаринье,
Листва златым рассыпалась ковром.

Завяли, плачут астры под окном,
И лепестки летят пунцовые на землю,
Листва златым рассыпалась ковром.
Душа поет, расцвет хмельной приемля.

И лепестки летят пунцовые на землю,
Узоры ткутся на лесной траве,
Ввысь сердце мчит, расцвет хмельной
приемля,
И по лугам гуляет солнцевей.

АДАМ РУСАК

Адам Герасимович Русак родился 24 мая 1904 г. в д. Песочное Копыльского района Минской области. Окончил Белорусский музыкальный техникум (1930), Ленинградскую консерваторию (1934). Работал солистом оркестра в Ленинграде (1932-49) и в Минске (1949-59). Награжден орденами и медалями. Заслуженный деятель культуры БССР (1964). Умер 21 марта 1987 г.

Печататься начал с 1927 г. Член СП СССР с 1939 г. Автор поэтических сборников, книг для детей. Многие стихи А.Русака стали широко известными песнями («Бывающе здорovy», «Лесная песня» и др.).

ЛЕСНАЯ ПЕСНЯ

Ой, березы да сосны —
Партизанские сестры,
Ой, лесов молодых череда,
Только сердцем почую
Вашу песню лесную, —
Вспоминаю былые года.

220

Да припомню пожары,
Поступь вражеских армий
И метели колючих снегов,
Холода непогоды
И ночные походы,
И огни партизанских костров.
Край ты мой благородный,
Ты на свете свободный,
За тебя я в сраженьях ходил,
Чтоб не клял свою долю,
Чтобы не был в неволе,
Чтобы ты расцветал и любил.
Войн закончились годы,
Отгремели походы,
Только лес продолжает грустить.
Ой, березы и сосны —
Партизанские сестры,
В жизни вас никогда не забыть.

1950

221

ТОЛЬКО С ТОБОЮ

Только с тобою мне хочется быть,
Только с тобою.
Радость, и горе, и счастье делить
Только с тобою.

Раннею зорькой к тебе я лечу,
Поздней порою,
Только к тебе прикоснуться хочу
Сердцем, душою.

Выйти бы в поле, где нивы шумят
Там, за рекою,
Первые звездочки в небе искать
Только с тобою.

Будут не стражны любые пути
Только с тобою,
В жизни бы лишь неразлучно идти
Только с тобою.

1955

ГДЕ ТЫ, ЗВЕЗДОЧКА МОЯ?

Где ты, звездочка, где ты, лучистая?
За какое же облако скрылась ты?
Где ты, радость моя золотистая?
Отзовись, не терзай сердце, смилуйся.

Я ишу тебя, в небо взвиваясь я,
В дали дальние, дали высокие,
Без тебя мне дорога не ясная,
Что уходит в просторы далекие.

Где ты, звездочка? Что за ненастные
Облака тебя держат строгие?
Ты взойди, моя звездочка ясная,
Освети счастьем путь одинокому.

1964

ВЛАДИМИР ХОДЬКА

Владимир Мартынович Ходька родился 3 января 1905 г. в д. Титва Пуховичского района Минской области в крестьянской семье. С 12 лет батрачил. В 1923 г. окончил общеобразовательные курсы в Минске. Служил в Красной Армии, работал секретарем сельсовета. В 1936 г. осужден на 10 лет заключения в сталинских лагерях. Умер 1 июля 1940 г.

Печатался с 1926 г. Автор нескольких сборников поэзии.

Люблю, мечтаю, почитаю
Прекрасный цвет весны твоей.
К чертам лица я привываю
Невероятно все сильней.

День каждый на пригорок дальний
Иду, склоняясь на траву.
Из группы разноцветных маск
Тебя, прелестную, зову.

224

Тут их веселой панораме
Поклоны низко бьет закат.
Заря играет вечерами,
Венки сплетаются девчат.

Тут что ни диво — песня Божья,
Но в мире, как ни выбирай,
Найти другую невозможно —
Такой не встретишь незначай.

Чем дальше по стране шагаю,
Живу и ярче, и вольней,
Люблю сильней (за что — не знаю)
Я в ней печаль твоих очей.

Из-за нее и без опаски
Судьбу и душу бросил я,
Чтобы любить тебя, как сказку,
Золотокудрая моя.

Чтоб жить никем не стертым следом
Твоих и рук, и глаз, и век,
В тебе единственной изведать,
Каким быть может человек.

8 — 4591

225

Сказанья пуши стародавней,
Вкус басен колоритный я
Возьму в дорогу утром ранним,
Чтоб возродить из небытия.

Вскопаю деловский запасник,
И всю стерню переберу...
И что не смог народ безгласный,
Я до конца договорю.

Чрез грани дум проникну в бездну
Далеких предков, дымных хат.
За тенью мне своей не бегать,
Стихами не дразнить девчат.

Залеты, что водил по свету,
Прогнал подальше от греха...
Придумать истину поэту
Сложней, чем образ для стиха.

Не склонный к ласкам, стыд позором
Замрет в аккордах звонких струн,
И никаким нам заговором
Не смыть поэзии колтун.

И лучше драться с неизвестным,
Благого чествовать вовек.
Я сон найду, я стану лесом,
Когда вспять двинут змеи рек.

Слечу я наземь сухолистьем —
Властитель дней, полночных чар.
Ветра на горле голосистом
Погасят вмиг крови пожар.

Тогда суму свою безгласно,
Что не добрал, не смог я сам, —
Другому мастеру бесстрастно,
Другому сердцу передам.

1932

Кому, как не тебе, послушать
Живую музыку весны?..
Ничто твои не режет уши —
Ночам земные снятся сны.

Дрожит бровей рисунок жаркий...
Их краскам в нервы рек сойти,
Их можно разобрать без чарки,
До мудрой правды дорости.

Мы знаем всё, в нас много злобы,
На гранях дней проводим век,
И в этом смысл великой пробы
Находит новый человек.

Ему во сне могучим хором
Звучит фантазия поэм,
В которых — жизнь, душа, просторы,
Восторг невысказанных тем.

Ты в этих снах еще суровой,
Еще острее твой отказ —
Когда кую, сжимая в слове,
Я профиль дивного стиха,

Когда лихою рифмой выбью
Я искры вечной красоты, —
Мой образ песни — песней рыбьей
Зовешь с великим правом ты.

Ты лирики моей не любишь
За ребус красок как назло,
Ты день мой завтрашний голубишь,
И на душе моей тепло.

А я люблю твой светлый эпос,
Твой взгляд суровый пью до дна...
Душа — не пареная репа,
Живым огнем горит она.

ПЕТРУСЬ БРОВКА

Петрусь (Петр Устинович) Бровка родился 25 июня 1905 г. в д. Путилково Ушацкого района Витебской области в крестьянской семье. Окончил литературно-лингвистическое отделение педагогического факультета Белорусского государственного университета (1931). Народный поэт БССР (1962). Академик АН БССР (1966). Заслуженный деятель науки БССР (1975). Герой Социалистического Труда (1972). Участник Великой Отечественной войны. В 1945-48 гг. редактор журнала «Полымя», в 1948-67 гг. председатель правления Союза писателей БССР, в 1967-80 гг. главный редактор Белорусской Советской Энциклопедии. Умер 24 марта 1980 г.

Дебютировал в 1922 г. Член СП СССР с 1934 г. Автор многочисленных сборников поэзии. Лауреат Сталинской премии (1951), Государственной премии БССР, Литературных премий им. Я. Купалы и Я. Коласа.

Когда сказал тебе: «Люблю»,
Косым ты взглядом смерила.
Что хочешь, я перетерплю,
Чтоб только ты поверила.

230

Цветы я рад тебе носить
И просьбы слушать странные.
Ты одного лишь не проси —
Любить тебя не перестану я...

ПАХНЕТ ЧАБРЕЦ...

Можно ль на вечер этот забыть?
Солнце за лесом жар-птицей садится,
В роше соловушка плачет певец,
Пахнет чабрец,
Пахнет чабрец...

Легкой походкой по узкой тропинке
Девушка в белом летит, как снежинка.
Губы — пылающей зорьки багрец.
Пахнет чабрец,
Пахнет чабрец...

Выйти навстречу бы, встать и признаться.
Вот оно — близкое, ясное счастье.
Нужно окликнуть, вести под венец...
Пахнет чабрец,
Пахнет чабрец...

Может, одинадцать лет иль двенадцать
Сердце болит, что не смог повстречаться.
Сердце мое йсстрадалось вконец.
Пахнет чабрец,
Пахнет чабрец...

231

Время исчезло за дальней горою,
Выйдет минуткой, блеснет предо мною.
Тщетно зову — лишь биенье сердец...
Пахнет чабрец,
Пахнет чабрец...

1957

232

АЛЕКСАНДРИНА

Мне не забыть той песни увянувшей весны:
«На Муромской дороге стояли две сосны».

Ходили мы и пели, и с песней ты цвела.
Александрина, помнишь, какою ты была?

Теперь могу признаться: тогда я стал любить
И с самой лучшей розой не мог тебя
сравнить.

Сказать, что василечек, да краска в нем одна,
Что лилии ты краше — холодная она.

Сказать, что ты звоночек... Так всех же
мало их!..
Такою ты предстала в семнадцать лет моих.

Минули годы быстро. Мне навевали сны,
Как где-то на дороге стояли три сосны.

Прошли весна, и лето, и осень, и зима...
Александрина, где ты? В глазах лишь
полутьма...

1961

233

ПЕТР ГЛЕБКА

Петр Федорович Глебка родился 6 июля 1905 г. в д. Большая Уса Узденского района Минской области в крестьянской семье. Окончил литературно-лингвистическое отделение педагогического факультета Белорусского государственного университета (1930). Работал в прессе, в издательствах. В 1952-56 гг. заведующий сектором лексикографии Института литературы, языка и искусства АН БССР, в 1957-69 гг. — директор Института искусствознания, этнографии и фольклора, в 1966-69 гг. — академик-секретарь отделения общественных наук АН БССР. Академик АН БССР (1957). Награжден орденами и медалями. Умер 18 декабря 1969 г.

Печатался с 1925 г. Член СП СССР с 1934 г. Автор многочисленных сборников поэзии, прозы. Выступал с литературно-критическими статьями. Занимался переводами на белорусский язык.

ВЕЕТ ВЕТЕР

Веет ветер — вздох русалки,
На дороге снег хрустит.
Пережитого не жалко,
Молодым бы только быть!

234

Не умели, видно, очи
Уберечь огонь живой...
Стан девичий помню ночью.
Сенюкосный луг хмельной.

Помню тихий, звездный вечер,
Обаянье красоты...
Косы падали на плечи
Водопадом золотым.

Губы рдели, как малина...
Было что — того не зная:
Нет свидетелей поныне,
Луг лишь может рассказать.

А теперь я хмурю брови —
Осень, ветер, снег и дождь...
Эх, луга и лес еловый,
Вам любовь ли невтерпёж?

На губах улыбка тает,
Как в руках девичий стан.
Где ж ты, радость молодая,
Сада вешнего дурман?

235

ОТ ВСЕГО СЕРДЦА

Ты спишь...
За окном осыпаются звезды,
Гуляют размахисто ветры,
В садах колышутся сливы,
Шумит половодье,
В запрудах весенняя кружит вода.

Покой твой
Наполнили
Темные тени,
Тепло,
Тишина
И легенды весны.

Ты спишь...
И к тебе сквозь высокие стены
Приходят спокойные,
Добрые сны.

Проснешься ты завтра
И, их забывая,
Работою спорою
День будешь жить,
И лишь на устах у тебя
Молодая
Улыбка веселая
Будет бродить.

236

И ты не узнаешь,
Что волей-неволей
Любовь моя сон твой
Всю ночь берегла.
И глаз твоих звезды,
И рук твоих холод,
И губ нецелованных
Крохи тепла.

Ты легкую шапочку
Молча наденешь,
Веселая выйдешь
С другими гулять.
Но ревности только моей
Ты не встретишь,
И зависть обидно
Не будет кричать.

Вам всем поклонюсь,
Словно друг и товарищ,
Смогу и улыбкою
Всех одарить,
С другою веселою
Стану я в паре
И от всего сердца
Я буду просить.

237

Пусть над головой вашей
Чистое небо
Раскроет крутые ладони свои;
Пусть щедро земля
Даст душистого хлеба
И вдоволь
Кристальной водой напоит.

Пусть листьями
Красочными величаво
Ветра будут
Ваши пути выстилать;
Пусть вам распевают
Леса и дубравы.
Дожди вам подарят
Свою благодать.

И пусть для тебя
Разгораются зори
И ветры привольно
Гуляют в садах,
Деревья шумят
И звенят птичьи хоры,
В запрудах весенняя
Кружит вода.

АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Андрей Иванович Александрович родился 22 января 1906 г. в Минске в семье рабочих. Окончил литературно-лингвистическое отделение Белорусского государственного университета (1930). Работал в газетах и журналах. Жил на Крайнем Севере (1938-47), в Красноярском крае (1949-55). Умер 6 января 1963 г.

Печатался с 1921 г. Издал сборники поэзии, книги для детей.

ПОБЕДА

Я в снежной тундре жил тогда.
Там, помнится, метели дули
И телеграфные тонули
В сугробах вязких провода.

Казалось, вьюги и метели
Здесь будут завывать всегда,
И в ледяной своей постели
Окончу я свои года.

Мы согревались как могли,
В промерзших латаных бушлатах
И на работу из палаток
Мы лезли, как из-под земли.

Вокруг простор морозный, льды,
Но, несмотря на испытанья,
Вели мы бой до издыханья
С дыханьем вечной мерзлоты.

Но не прошел, наверно, год,
И гордо первый рудный камень,
Добытый в недрах тундры нами,
Мы погрузили в самолет.

1956

АЛЕСЬ ЗВОНАК

Алесь (Петр Борисович) Звонак родился 14 февраля 1907 г. в Минске в семье рабочего. Воспитывался в детском доме. Окончил литературно-лингвистическое отделение педагогического факультета Белорусского государственного университета (1931), аспирантуру Государственной академии искусствознания (1934, Ленинград). Работал на белорусском радио (1927-29), в Академии наук БССР (1934-35), в газете (1935-36). Арестован в 1936 г., осужден на 10 лет. Работал на геологических объектах Севера. В 1954 г. был реабилитирован. С 1955 г. жил в Минске. Умер 2 февраля 1986 г.

Печатается с 1925 г. Член СП СССР с 1936 г. Издал сборники стихов. Выступал как драматург, критик. Перевел отдельные произведения Пушкина, Некрасова, Рыльского, Тьчины, Гамзатова и др.

ПОРТРЕТ

Два темных серпа — два зрачка, как объятья.
Утонешь в них, не ощутив глубину.

Из граций трех ты лишь под шелковым

платьем

Красы чистоту сохранила одну.

Догадка-загадка крови опалелой,
Стремленье с несмелостью — лад и не лад, —
О, юности жажда! Когда б ты умела!
О, старости мудрость, когда б ты могла!

Быть может, палищее небо Тавриды
Во взгляде твоих отразилось очей,
Быть может, безумная кровь тимуридов
Течет непокорно в тебе все быстрее?

Есть что-то от ангелов, что-то от гурий
В походке упругой, в движениях бедра...
Таких одевали в звериные шкуры,
Держали в парчовых роскошных патрах...

И крали таких в разудалом набеге,
Как только над степью опустится мгла,
Далекие предки твои — печенеги,
Закинув с наскока на луку седла.

Таких на фелюгах под парусом алым
Возили пираты на рынки рабынь,
Чтоб лева в гареме красавицей стала:
Как молния — взгляд, а уста — как рубин!

Таким по велению грозного хана
Под гром тамбуринов, под стоны зурны
Велели на ими плясать у фонтана,
Чтоб тепили глаз красотой белизны...

Во взгляде я все прочитал это жарком
Твоих греховодных прекрасных очей...
Виват, рог серебряный — звонкая чарка,
Приметы разбойничьи: южных ночей!..

Вот тут бы и точку поставить, ликуя,
Но нет — дух свободы толкает: лови
С распушенной гривой дикарку лихую,
Пока не остыли желанья в крови!..

1949-1952

СИНИЧКА

Девчонки милые! В долгу
Пред вами вечно, изумленно,
Что не сгибался я в дугу,
Красою вашей плененный,

Из той кринички пил подчас
Взахлеб, неистово, блаженно,
И я любил безумно вас
То просто так, то вдохновенно.

Быть может, в том добро и зло,
И смысл взаимоприятия,
Что ваша кровь и ваша плоть
Живет во мне со дня рожденья,

Что я подростком увидал
Сквозь щель случайно, безотчетно,
Как бог Эрот двоих терзал
Счастливым сладострастьем плоти!

Не дал Творец перед концом
Своей рабочей семидневки
Владеть мне кистью иль резцом,
Чтоб высечь образ королевский,

Чтоб смог я вылепить из вас
Нетленный образ венченокный,
Чтоб не разбил хрустальных ваз
От восхищенья или злости...

Перо гусиное — волшебный дар
Мне вместо глины, гипса, воска
Вручил небесный государь,
Сказав: «Давай сонеты шпатель
Своей Лауре из Логойска!»

И правда, что мне глина, воск —
Знаменья памяти капризной?
Мне мягкий шелк девичьих кос
И сладость уст дороже жизни!

А блеск загадочных очей,
А сумасшедший стан девичий
Душой не правят ли моей,
До сумасбродств, до неприличий?

Что нам бродить в мечтах и снах
Меж привидений в лунном склепе?
Синичка нам верней в руках,
Чем журавли в высоком небе!

К тому ж, когда в синичке той
Живого веса и немало...
О, где вы, дни весны златой —
Прекрасной юности начало?!

Земной насквозь с землей сольюсь
(Поверьте: был я под землею!)
С последним выдохом: «Люблю
Я все земное, все живое!»

1949

СЕРГЕЙ ДЕРГАЙ

Сергей Степанович Дергай родился 27 сентября 1907 г. в Минске в семье железнодорожника. Окончил 1-ю Минскую железнодорожную семилетнюю школу (1924), а затем трехлетние общеобразовательные курсы (1927). Болезнь не дала возможности учиться дальше. В середине 30-х годов работал подчитчиком и корректором в газете. В годы Великой Отечественной войны жил в Гомеле, участвовал в подпольном движении. Работал заведующим отделом поэзии литературного журнала (1951-1953), ответственным секретарем, был редактором отдела литературы сатирического журнала (1953-1967). Член СП СССР с 1950 г. Награжден медалями. Умер 25 декабря 1980 г.

Первые стихи напечатал в 1938 г. Автор сборников поэзии, переводов.

Лауреат Литературной премии им. Янки Купалы (1964).

СИНЯЯ БЕЗДНА

Гляжу я в бездну синюю ночи,
Изломанною молнией пронзенной...
Без переводчиков, пожалуй, помолчим:
Я тайной овладел непревзойденной.

Ты здесь со мной... И ты теперь моя.
Ты здесь со мной... И мудрый я, поверь мне.
Не выброшу на ветер забывтья
Заветных дум и мыслей нетерпенья.

Ты здесь со мной — я все могу, как есть...
Ты здесь со мной — я ласковый, подруга. —
Цвету. Извечно молодость и честь
Красуются, презрев метели-вьюги.

И ты одна — единственно моя,
Без размышлений и без колебаний,
И так тебя люблю безмерно я, —
Любовь — апофеоз переживаний.

Дошли с тобой мы до ее венца.
И погубить друг друга — бессердечно.
Как перстень без начала и конца,
Так мы — одно-единое навечно.

1957

ОИ, ДЕВУШКА

День прилег в бездорожье,
Изнывая в истоме,
А девчонка — о, Боже! —
Не домой, а из дома!

«Вижу я, так и ведай,
Как крадешься из хаты...»
То подсолнечник вслед ей
Смотрит подслеповато.

Сколько дум благодарных!
Сколько чувств искрометных!
А колючий татарник
Вторит тоже охотно:

«Ты не в лес ли, дивчина,
По грибы мчишься скоро?
Ой, же будет причина
Для любых наговоров!»

Ветерок шаловливо
Стройный стан обвивает,
А у тына крапиво
Ноги вмиг обжигает...

Придорожный орешник
Норовит прямо в очи:
«Ох, дивчина, конечно,
Не гуляй по полночи!»

Кто стоит там у дуба?
Кто следит, скособочась?
Может, снова нелюбый
Повстречать ее хочет?

Нет, шум разноголосый...
Чей-то слышится голос —
Это в поле колосья —
Шепчет колосу колос...

Кровь кипит и бунтует,
И огонь во всем теле.
— Что ж, наверно, сгорю я
На зеленой постели!..

Месяц смотрит щербатый,
Не зовет и не судит:
— Время, милый, до хаты...
Ох, и будет мне, будет!..
1957

СТАНИСЛАВ ШУШКЕВИЧ

Станислав Петрович Шушкевич родился 19 февраля 1908 г. в д. Бакилово Дзержинского района Минской области в крестьянской семье. Окончил Белорусский высший педагогический институт в Минске (1934). Работал в редакциях газет. В 1936 г. был арестован, осужден на 8 лет, находился в тюрьме, лагере, ссылке. В 1946-49 гг. учительствовал в Дзержинском районе. В 1949 г. был арестован повторно и выслан на спецпоселение в Красноярский край, где работал лесорубом, в геологических экспедициях в Сибири. В 1958 г. вернулась в Минск, работала в газетах и журналах. В 1975 г. была реабилитирована. Заслуженный работник культуры БССР (1983), награжден медалями. Член СП СССР с 1934 г. Умер 1 января 1991 г.

Печатается с 1924 г. Автор поэтических книг, сборников для детей. Занимался переводами.

НА ДВОРЕ МОЕМ ЛИСТОПАД

Осыпается желтый сад.
Листопад идет, листопад.
Перерезана тропка ручьем
У окна моего, как ножом.

А я кладочку сам проложу
И сырой песок просушу,
Кладку милой и пригоженькой,
Не мочила б свои ноженьки.

Мне она же:

— Голубь сизонький,
Очень уж зимушка близенько,
Я ведь боюсь еще смолоду
Первых заморозков, холода...

— До крыльца тогда от ворот
Пронесу тебя через лед,
Поцелуями заслоня,
Будет жарче, чем от огня.

Осыпается желтый сад,
На дворе моем листопад.
(1940)

Цвели ромашки на лугах
И василечки в жите,
Росли душистые стога
Под солнышком в зените.

И все живое от земли
Дождя с надеждой ждало,
И даже сонные шмели
Гудели тихо, вяло.

Лишь дуб меж елей и рябин
Раздвинул мощно плечи,
На ветках сорок сорочин
Плели друг другу нечто.

И отступал местами лес,
Туманились прогары,
И черный пенёк на горку влез,
Словно сбежал от кары.

Дрожали листики осин
И хлопали довольно.
От их насмешек исполнил
Прикрыл виски невольно.

Я посмотрел на желтый мох.
Мне показалось просто,
Что слышу тихий топот ног,
Что движется к нам осень.

Цветы смотрели на лугах,
На солнышко в зените.
Печаль попрягалась в стогах
И растрепалась в жите.
(1976)

ВАЛЕРИЙ МОРЯКОВ

Валерий Дмитриевич Моряков родился 27 марта 1909 г. в д. Аколония (теперь в границах Минска) в семье рабочего. Трудовой путь начал каменщиком. Учился в Минском белорусском педагогическом техникуме, в 1934 г. окончил литературно-лингвистическое отделение Минского педагогического института. Два года работал учителем в Бобруйске. В 1937 г. репрессирован, расстрелян 29 октября 1937 г. Реабилитирован посмертно Военной коллегией Верховного суда СССР в 1957 г. Член СП СССР с 1934 г.

Первые стихи напечатал в 1925 г. Издал сборники стихов. Занимался переводами.

Зеленый месяц над рекой
Встает в кристальных переливях,
И ночка синим васьльком
Склонила лик свой сиротливый.

Ой, ночка, ночка! Над окном
Рябина блещет позолотой.
Застрял какой-то в горле ком.
Пойти ль на речку, на болото?

Пойти и песней молодой
Вновь оживить поля, дубравы,
Что ветки низко над водой
Склонили в пламени кровавом.

Весной, где жизни била новь,
Где ветер песни пел у речки,
Она потоком нежных слов
Меня заставила перечить.

Ой, месяц, месяц над рекой
Встает, смеется, бьет поклоны,
И ночка синим васильком
Склонилась надо мной влюбленно.

1925

• ***

В роше песни чудесные пел соловей,
Кучерявая липа дремала.
На просторе дорог человеческих, полей,
Там, где песня зовет к счастью, к воле людей,
Песни девушка мне распевала.

Слушал я, и в груди беспощадным огнем
Зазвенело вдруг сердце струною.
Захотелось мне счастья, любви вновь и вновь,
Чтобы в этом просторе полей и лесов
Утонуть в тишине с головою.

Пусть мне скажет она: полюби, обнимай
Молодую дивчину приволья.
Будет песни нам петь очарованный рай,
Будет слушать их месяц и радостный край,
А мы будем любить поневоле...

И она белой-белой, как лебедь, рукой
Обнимать меня искренне будет.
Пусть тогда ясный месяц над синей рекой
Упадет на волну*золотым васильком —
Он огонь наших слов не остудит!

Пусть все ночи подряд нам поет соловей
Песнь любви до предутренней рани.
На просторе дорог человеческих, полей
Там, где песня зовет к счастью, к воле людей,
Жизнь — расцвет золотой и признанья!

1926

Помнишь ты — был тихий-тихий вечер,
Месяц плыл и плакала лоза?
Ты давно о той мечтала встрече
И хотела что-то мне сказать.

Наша лодка тихо и покорно
Уносила нас с тобою вдаль.
В бездне сладостной очей твоих озерных
Затаилась светлая печаль.

Ты молчала, на меня смотрела.
Как и ты, я думал и мечтал.
Ждал чего-то, сердце изболелось
О весне и выпитых ночах.

Так мы плыли, ничего не ждали...
Жило все надеждой впереди.
Ты мне нечто тайное сказала
И припала трепетно к груди.

Я хотел тебя любить и верить!
И уста сжигали, как огонь!
Слушал я стук сердца беспримерный,
Да сдержать не в силах был его.

Твои губы — губы так палили!
Твои груди — кровь мою сожгли:
Мы вокруг все искренне любили,
А теперь, наверно б, прокляли!

1926

БЕЛАРУСИ

Ты запела вновь вольную песню, Отчизна,
Словно кто из неволи
Свободный пришел...
И с любовью товарища,
Друга
И сына
Потянуло к тебе всей душой.

О, любимый цветок!

О, моя мать!

О, песня!

Как тебе отплатить?

Как тебя привечать?

Как судьба ты, недоли ровесник,

Научила твоим

Все приемлющим стать.

Научила бороться,

Любить и жить в мире,

Подарила мне сердце, а в сердце огонь.

И могучую силу тоскующей лиры

Я понес от чужих берегов.

Я иду по твоим бесконечным дорогам —
Брызги солнца,

Лазурь и бескрайность в глазах;
И свободу твою

Из потемок былого
Поднимаю, как флаг,
И несущ на плечах.

И с любовью товарища,
Друга и сына

Я отдался тебе всей душой:
Я поверил в способность великой
Отчизны,

Низко в ноги тебе

Поклониться пришел!

И

Дни идут, проходят, пропадают
Листопада желтой чередой.

Тонет все живое, исчезает

В поступи лет грозной и стальной.

Путь гранитный, гропки золотые,
Город пыльный на краю земли.
В непогоду шли и кровь не стыла,
Нас огни, огни вперед вели.

И когда сегодня бросить камнем,
Бросить камнем, пусть издалека,
Не померкнут светлые желанья,
Сила не утратится в руках.
Зияя пусть предатели Отчизны
С неприкрытой злобою в глазах,
С нашей целью — возрождением жизни,
Победим мы в яростных боях.

Не погаснут светлые желанья,
Кровь не станет в жилах холодной...
И в огне плающих восстаний
Край не тронут руки дикарей.

Дни пройдут, заменятся веками...
Дни пройдут мятежной чередой...
Все живое обратится камнем
В поступи лет грозной и стальной...

1928

МАКСИМ ЛУЖАНИН

Максим Лужанин (Александр Амвросьевич Каратай) родился 2 ноября 1909 г. в д. Прусы Солигорского района Минской области в крестьянской семье. Окончил Минский белорусский педагогический техникум (1928), учился на литературно-лингвистическом отделении педагогического факультета Белорусского государственного университета (1928-1930). Работал в редакции (1930-1931), на белорусском радио (1931-1933). Был репрессирован в 1933 г. и выслан в Сибирь. В начале Великой Отечественной войны призван в ряды Красной Армии, участвовал в боях под Сталинградом. С 1944 г. работал в редакциях газет и журналов, в АН БССР в Минске, на киностудии «Беларусьфильм», в 1967-1971 гг. — главный редактор студии. Член СП СССР с 1943 г. Награжден орденом Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», Дружбы народов, Отечественной войны II степени и медалями. Заслуженный деятель искусства Белорусской ССР (1969).

Начал печататься в 1925 г. Автор сборников стихов. Издал стихи для детей. Работает и в области прозы, критики, сатиры и юмора, публицистики. Автор сценариев художественных фильмов. На белорусский язык перевел ряд произведений Пушки-

кина, Грибоедова, Гоголя, Горького, Фадеева, Шолохова и др.
Лауреат Литературной премии БССР им. Якуба Коласа.

ПОСЛЕДНЯЯ ПУЛЯ

Хлопцы вядут из подвала фон Паулюса. В кучах оруж'е, как в суч'ях сады. Пленные пенчут: «Отвоевались!» — И незаметно срываюць кресты.

Тоненький лучик зари Сталинградской На запотевшем штыке заиграл. В первый раз мирно, со снятою каской Не пригнулся я, твердо шагнул.

Чуть-чуть контуженный и обмороженный, Я напевал, хоть не знал, что пою. Даже от выстрела глупо-тревожного Голову не защищал я свою.

Вспыхнула звездочка рялом огнистая, Грохнула эхо в оконный пролом: Пуля последняя все-таки свистнула — Враг — все же враг, даже взятый в полон.

Как не искать! Все вокруг обыскали мы! Словно растаял проклятый стрелок: Или схватили разведчики шалого, Или с колонной пошел на восток.

Может быть, совестью после разбуженный,
Грех этот свой отрабатывать стал
И кирпичи нес на дом он разрушенный,
Глину месил, душу всю очищал.

Пусть ему молится сухо-рассудочно
О воскрешении всех неживых.
Враг — все же враг! А бывают союзнички —
Вот постарайся отбиться от них.

Мы отлохнули и переобулись,
Но не таится зло в мире акул.
Пуля, со мной что тогда разминувшись,
Самая злая осталась из пуль.

Или в речах вдруг из-за Океании
Остренько чиркнет ее голосок,
Или, деля жестко сферы влияния,
Дипломатично уходит в песок.

Бьет водородная дрожь территории
Кружных и мелких держав до сих пор,
Но не стереть то, что стало историей,
Молот и серп чему дали простор.

1957

СЕРГЕЙ КРИВЕЦ

Сергей Михайлович Кривец родился в 1909 г. в д. Дубна Мостовского района Гродненской области в крестьянской семье. Учился в Белостокском педагогическом институте (1940-1941). В 1930-1933 гг. жил в Гродно, в 1933-44 — в Белостоке. В 1944-45 гг. служил в рядах Советской Армии. Погиб в Польше 28 апреля 1945 г. во время штурма Гдыни.

Начал печататься в 1928 г. Писал на белорусском, русском, польском и немецком языках. В 1972 г. вышла книжка стихов «Дубок».

Мы забыли, что можно любить.
Эх ты, молодость наша суровая!
Но сегодня — тому так и быть, —
Попелую тебя, чернобровая.
Не суди, что еще молодой, —
Песни сердца не нами написаны, —
Начинают деревья весной
Разгораться налитыми вишнями.
Пусть же будет все, что должно быть,
Май пока вишня свой цвет не осыпала,
Кровь пока молодая кипит.
Я люблю.

Еще могу не любить,
Видно, такая уж доля мне выпала.

1940

ВЛАДИМИР ДУДИЦКИЙ

Владимир Дудичкий (Гуцко) родился 8 января 1911 г. на Червенщинне. Учился в Минском педагогическом техникуме. В 1933 г. был арестован, отбыл 3 года в лагерях (Новосибирск, Мариинск) и год высылки в Казахстане. В 1944 г. выехал в Германию, жил некоторое время в США, потом в Венесуэле.

Стихи начал писать еще до войны. Печатался в газетах и журналах и в эмигрантских изданиях.

ЛАЗУРЬ ОЧЕЙ

Улыбкой сердце мне поранил
Огонь очей твоих девичьих.
Скажи, зачем же эти раны?..
Любовью сердцу жить привычно.

Лазурью глаз девичьих хочет,
Дрожаньем сердце наслаждаться,
И с той поры и днем, и ночью
Оно к груди твоей стремится,

И рвется, мчится, сострадает,
И ждет тепла, тая секреты,
Чтоб вечно были дружба, радость
Сердечной ласкою согреты.

И потому мне сердце ранил
Огонь лазурных глаз девичьих.
Любовь и очи — верю странно, —
Излечат сердца безразличье.

ДАЛЕЕ, ДАЛЕЕ...

Волны от берега далее, далее...
Чем их утешат туманные дали?
Слержат, расправят на спинах напильников
Дуг непокорных зеленые грибы;
Пеною желтой на мелях затоков
Ветер в краю приголубит далеком;
Бури седые глубин безязыких
Век качают на севере диком.
Лучше бы тайно на пальмовом бреге
Перлами рос распахтаться в набеге,
Каплями теплыми — дождиком чистым, —
Вольно разлиться над краем речистым,
Краем, что стонет и мается в грусти.
Горе же им и моей Беларуси...

1950

АЛЕКСЕЙ ЗАРИЦКИЙ

Алексей Александрович Зарицкий родился 22 марта 1911 г. в пос. Хотимск Могилевской области в семье служащих. Среднюю школу окончил в Бобруйске, работал электромонтером на Бобруйском деревообрабатывающем комбинате. Окончил Московский институт иностранных языков (1936). В 1938-46 гг. — в Советской Армии. В 1941-42 гг. участвовал в боях под Москвой и Орлом, затем в боевых операциях на Волховском и Ленинградском фронтах. Награжден орденами и медалями. Умер 29 октября 1987 г.

Печатается с 1927 г. Член СП СССР с 1935 г. Издал многие поэтические сборники, перевел стихи русских, украинских, литовских, немецких, польских поэтов.

МОЕ БЕССМЕРТИЕ

А. Д. З.

На войне я в бессмертных ходил,
И меня стороною минули
И раненья, и пули...
Бог, видать, пощадил.

И болезни, и немощи следом за мной
Никогда не ходили на воле,
Хоть и мерз я в воде ледяной,
Хоть и спал на земле прямо в доле.

В эти годы смерть была мне чужда
И мой адрес, видать, позабыла:
Ведь ты меня тогда любила,
Ты так меня ждала!

Где ж закалка теперь — биографии факт?
Где ж мое фронтное бессмертье?
То грозит мне инсульт, то инфаркт,
Сквозняка опасюсь, поверьте.

Ты верни снов далеких весеннюю новь,
Прислонись ко мне снова покорно,
Как когда-то давно, полюби меня вновь,
И бессмертным я стану повторно.

1969

272

СНОВА ПРО ЛЮБОВЬ

Там, где конец моим любим дорогам,
Чернеет в вечной тишине порог.
Когда я окажусь за тем порогом,
Уже назад не будет мне дорог.

Не трус я. Не стремлюсь безусо
Фатальные вопросы притупить,
Но иногда подумать все ж боюсь я,
Что должен тот порог переступить.

Но если бы узнал секрет я древний,
Что встречу там, любовь моя, с тобой,
Услышу снова голос твой напевный,
Почувствую и вздох желанный твой,

Тогда тому порогу испытаний
Меня не испугать.

В холодный мрак,
В ту невозвратность и без колебаний
Я б сделал шаг.

273

БЕСЦЕННЫЙ ДАР

Камень бездыханный целый век лежит
И живым тревогам чуждым остается.
Только тот, кто знает, что такое жизнь,
Тужит, что со смертью он не разминется.

Да тужи не очень ты, душа живая,
Наслаждайся солнцем, каждым лишним днем,
Даже смерть, наверно, плата дорогая
За бесценный дар, жизнью что зовем.

1970-1977

274

У ВЕЧЕРНЕГО КОСТРА

Горит костер на просеке.

В борку
Кукушка, звонкое лесное диво,
Кукует.

Каждое ее «ку-ку»
Разносится печально и тоскливо.

Вечернего костра прозрачный дым,
Кукушкин голос где-то там вдали
Впервые вторит языком простым,
Что годы мои лучшие прошли.

Я — старый работага, я привик
Надежду пестовать в бореньях сущих, —
Мое сегодня — это черновик
Моих грядущих дней и дел грядущих.

Исчезни, дыма призрачная тень!
Кукушка, силы набирайся вешней!
Я верю: впереди мой лучший день,
Мой лучший день с моею лучшей песней.

275

А ночь илдет,

Ей звездный чародей
Дорогу осветил волшебной лирой,
Кукушка плачет реже и нежней,
Деревья пахнут первым сном и миром.

Неслышно догорает мой костер,
И тишина любовь со мной заводит,
И в ночь, как в необъятнейший шатер,
На пальчиках нетерпеливо входит.

1974

ВАСИЛЬ ВИТКА

Василь Витка (Тимофей Васильевич Крысько) родился 16 мая 1911 г. в д. Евличи Слуцкого района Минской области в крестьянской семье. Заслуженный деятель культуры БССР (1970). Окончил Слуцкую профтехшколу (1928). Работал слесарем на Бобруйском деревообрабатывающем комбинате, затем в редакциях газет и журналов. В 1939-41 гг. секретарь Белостоцкого отделения Союза писателей БССР. В 1942-44 гг. работал в отделе пропаганды и агитации ЦК КПБ. В 1944-51 гг. — ответственный секретарь детского журнала. В 1951-57 гг. главный редактор газеты, в 1957-74 гг. главный редактор журнала. В 1974-87 гг. — член научно-редакционной коллегии киностудии «Беларусьфильм». Член СП СССР с 1943 г. Награжден орденами и медалями. Умер 5 июля 1996 г.

Печатался с 1928 г. Автор многочисленных сборников поэзии. Лауреат Государственной премии БССР (1972). Международным жюри по премиям Г.Х.Андерсена награжден Почетным дипломом (1978).

НАЧАЛО ВЕСНЫ

Ночью, спрятанная вербой и осинкой,
Прикорнула средь ветвей весна,
Только с эхом — криком журавлиным
Пробудилась на заре она.

Оттремел на речке ледоход,
Вылетела ранняя пчела,
Девушка из ковшика, как мед,
Первый сок березовый пила.

И так близко стало мне лицо,
Очи, брови, милые морщинки!
Мартовского солнца озеро
Расплескалось на ее слезинке.

И нежданно в этот самый час
Стало так на свете дивно,
Хоть я с нею виделся не раз
И в ночное выезжал подчас,
Понял, наконец, что стал счастливым.

Уходила детства тишина,
Сказка уступала место быти.
Довелось почувствовать сполна:
У птенцов повзрастали крылья.
Значит, все же и пришла она,
Что была желанной и душевной, —
Скованная холодом весна,
Сказочная милая царевна.

ЖИТО

Минута вечности глубинной.
Запомните ее и берегите.
И ты, моя осенняя калина,
И поздний василек в созревшем жите.
Как первое признание, как подарок,
Волнующее поле зазвучало.
И счастье горькое, и страх, и кара —
Сошлись в одном-единственном хорале.

Один над нами бог — могучий Бах.
Ревет орган, бушует чад польныйный,
И поцелуй горячий на губах —
Как вечность, неосознанная ныне.

Любимая, ты всей вселенной правишь
Меж небом и землей одна.
И каждый колос — переборы клавиш,
А каждая соломинка — струна.

Минута вечности глубинной...
Запомните ее и берегите,
И ты, моя осенняя калина,
И поздний василек в созревшем жите.

1971

280

ПРИРУЧЕНИЕ ОГНЯ

Брошенный хозяином на воле,
Он сначала бросился вослед.
Долго в темноте бежал, пока не понял,
Что, пожалуй, не догонит, что ослеп.

Чуть остановился, извиваясь,
Около задумчивой лозы,
В жар горячий ткнулся, отрезвляясь,
Почерневший, прикусил язык.

Он почил бы — поминай как звали! —
А какой он верный был, огонь,
Если б этой ночью не пристали
Двое вдруг влюбившихся в него.

Словно после горестной разлуки,
Попросились тихо на постой, —
И, заметив ласковые руки,
Подскокочил он, замахал хвостом.

И такую нежностью, любовью
Обняла лесочек тишина —
Что желанные, родные к изголовью
Опустились лоз. Где тут до сна?

281

Все слилось — доверие без меры,
Свет и темень и с душой душа...
Тихо спало утро в мраке сером,
И дремали угли не дыша.

Кто о счастье их, троих, расскажет?
Не моли ни дуба, ни сосну.
И огонь забылся, роясь в саже,
Утомившись, мертвым сном уснул.

1977

АНАТОЛИЙ АСТРЕЙКА

Анатолий (Аким Петрович) Астрейка родился 24 июля 1911 г. в д. Песочное Копыльского района Минской области в крестьянской семье. Учился на литературном факультете Минского высшего педагогического института (1932-34). С 1930 г. работал в редакциях газет. В годы Великой Отечественной войны был ответственным секретарем сатирической газеты. В 1946-1948 гг. — председатель Гродненского отделения СП БССР, в 1948-1953 гг. — ответственный секретарь сатирического журнала «Вожык». Член СП СССР с 1939 г. Награжден орденом Красной Звезды, «Знак Почета» и медалями. Умер 23 августа 1978 г.

Стихи начал публиковать в 1929 г. Первый сборник стихов вышел в 1940 г. Изданы избранные произведения в 2-х томах (1970, 1981), стихи и поэма для детей (1956). Переводил на белорусский язык произведения писателей народов СССР. Автор текстов многих песен.

О, сколько раз и днем, и ночью,
Не опаленные слезой,
Твои во сне я видел очи
И стан воздушно-тонкий твой.

То песней дивною, то сказкой
Росла ты, никла, словно дым,
То незабудкою прекрасной
Цвела весной, как неба синь.

Я ж, неуклюжий и несмелый,
Отваги все не наберусь
Коснуться губ, как вишня, спелых
И бронзовых от солнца рук.

А ты стоишь одна безгрешно,
Поодаль грустно я стою,
Глядишь ты на меня с усмешкой,
Я таю, мучаюсь, горю.

И не владею я собою,
Смотрю — не вижу и молчу.
Ты, может быть, играешь мною,
А я от счастья трепещу.

284

ЛАНДЫШИ

Я их тебе весной принес
Из буйной изумрудной дали.
Прозрачные крупинки рос
Еще на листьях трепетали.

Ты покраснела в первый раз
На мой поклон, мое признание.
Пусть песней станет этот час
Святой любви очарования.

Я не виновен в том, что мы
Чего уж нет, того и просим.
И не сердись, что средь зимы
Не приносил я красок весен.

Ты лишь кивнула головой, —
Себя напрасно, мол, тревожишь:
— Они мне дороги зимой,
Достать весной каждый может.

1945

285

ЮЛИЙ ТАУБИН

Юлий Абрамович Таубин родился 15 сентября 1911 г. в г. Острогожске Воронежской области в семье аптекаря. Окончил Мстиславский педагогический техникум. Учился в Белорусском государственном университете (1931-33). В 1933 г. был арестован, осужден на 2 года ссылки на Урал, жил в Тюмени. В 1936 г. был арестован вторично. Расстрелян 30 октября 1937 г. Реабилитирован посмертно.

Печатался с 1926 г. Автор сборников поэзии, переводов.

СИРАНО ДЕ БЕРЖЕРАК

Изморозь весь застилает свет,
Размытый дождями тракт...
С разбитою лютней идет поэт
Сирано де Бержерак.

Жизнь незаметно, как призрак, прошла,
Покинута где-то труна,
Нет своего родного угла,
Никто не подаст вина.

И лет кавалькады никто назад
Не может отринуть бег...
Лишь месяц смеется, как толстый аббат,
Над торбой поэтовых бед.

Изморозь весь застилает свет,
Как смерть прокаженных барак.
С разбитою лютней идет скелет
Сирано де Бержерак.

Он старые песни заводит свои,
На мой заступив порог,
И вот чем душу опять берedit
У самых моих ворот:

«...Я много увидел и много узнал,
Я жил, как живет менестрель,
Пока не порвалась — увы! — струна
И в гроб не загнала дуэль».

За мной из дворца спешили гонцы,
Их шпагой колот, как шутов.
Я женщин любил, как любят юнцы,
А больше — слова про любовь.

В могиле я спал столько сотен лет,
И мне надоел покой...
Я встал и стучу, презрев этикет,
Израненною рукой.

...Впусти же, впусти меня, брат-поэт,
Устал, занемог я, зачах,
Слишком вокруг изменился свет,
И все утонуло в веках.

Увидел я — ныне поэты уже
Не слышат гармонии слов...
Они попрыгались от дождей
За писчей бумагой столов...

Мир множество видел позорных драм,
Но были поэтами мы,
А тут поэт составляет план
Своих прозаичных былин.

...Впусти же, впусти меня, брат-поэт,
Я скоро навеки засну...
Оставлю этот печальный свет
И лягу в свою труну...

Вот утро сгоняет далекий туман...
Пусти, дорогой, меня — так
Еще не просил поэт-дуэлянт
Сирано де Бержерак...»

.....
Туман расплывается над землей,
Солнце ткёт огненный шнур,
С укором на мир засмотрелся мой
Очи старых гравюр...

288

10 — 4591

МАКСИМ ТАНК

Максим Танк (Евгений Иванович Скурко) родился 17 сентября 1912 г. в д. Пильковича Мядельского района Минской области. Окончил польскую семилетку, учился в белорусской и русской гимназиях. Участник революционно-освободительного движения в Западной Белоруси, сидел в тюрьме за революционную деятельность. Народный поэт БССР (1968). Академик АН БССР (1972). Герой Социалистического Труда (1974). В 1948-67 гг. — главный редактор журнала «Полымя», 1967-90 гг. председатель правления Союза писателей БССР. В 1961-66 гг. кандидат в члены ЦК КПБ, с 1966 г. член ЦК КПБ. Награжден орденами и медалями. Умер 7 августа 1995 г.

Печататься начал в 1932 г. Член СП СССР с 1940 г. Автор сборников поэзии. Лауреат Ленинской премии и литературных премий им. Я. Купалы и А. Фадеева, Государственной премии БССР им. Я. Купалы. Для детей издал сборники стихов. Перевел на белорусский язык произведения многих польских и русских поэтов.

289

ДОБРЫЙ ДЕНЬ

Неожиданно: «Добрый день!»
Туч дождливых растаяла тень
Глянул окрест без суеты:
И зацвели по весне сады.

Чтоб ответить, хороших слов
Я от радости не нашел,
От улыбки твоей огневой,
Красоты, как сама любовь,

От походки, от коей невмочь...
От очей, как весной сирень...
— Подарила ты добрый день,
Подари мне и добрую ночь.

290

10*

Я не могу вас песней тешить
С обмытых бурями эстрад.
Вот шла бы пенсия раз в месяц,
Спокойней жил бы я сто крат

И меньше слышал бы укоров
Богемы пьяных мастаков,
И ваших восхваленый хоры,
И свисты купленных дьячков.

А так сегодня я не первый,
Придя домой, без всяких слов
Стихи отмою, стиснув нервы,
От ваших пальцев и следов.

1937

291

Она хату белила
И волшебной рукой
Стены вдоль обводила
Васильковой каймой.

Я смотрел в удивленье
На разлив синевы,
На очей извержение
Вдохновенной волхвы.

Нужно было мне ехать,
Да никак я не мог,
И до солнца восхода
Отойти за порог.

Все пути и криницы,
Даже сны, как зарей,
Обвела чаровница
Васильковой каймой.

И теперь в нашем крае
Зацветают сады.
Я ищу, где бываю,
Этих красок следы.

Но везде у нас хаты,
И повсюду весной
Белят стены девчата
И обводят каймой.

Подойдешь и откроешь,
Что не та, ну и ты
Про дорогу расспросишь
Да попросишь воды.

1944

ЧТОБ ВЕДАЛИ

Растет на высоком кургане сосна,
Чтоб ведали;
Корнями дошла до глубокого дна,
Чтоб ведали;
Вершиною звезды достала она,
Чтоб ведали;
Звенит на ветрах, как тугая струна,
Чтоб ведали
Матери,
Где спят сыны вещей сном;
Ветры,
Играют где волшебным смычком;
Звезды,
Где рассыпаться дождем;
Стаи птиц на чужбине,
Где родимый их дом.

1945

294

Дала мне парю крыльев юность:
Одно — святой зари сиянье,
Порыв к свободе, солнцу, звездам,
Другое — лишь любви дыханье.

И потому не знал преград я,
Не повергала в страх борьба,
А ты расспрашиваешь: мог бы
Жить без любви я, без тебя?

Спроси у ласточки, могла б
Она подняться без крыла.

1952

295

AVE MARIA

Звон колокольный сзывает на Ave.
Из закутков тесных слева и справа.
В черных одеждах монашки блаженно
Тянутся, словно печальные тени.
Тут и старухи и молодые, —
Ave Maria!

Не обратил бы внимания, может,
Если бы вдруг не увидел пригожей
Юной монашки, которой немного —
Разве семнадцать лет, если нестрого;
Черные очи, брови густые, —
Ave Maria!

Даже под грубой одеждою черной
Я отталал тонкий стан непокорный,
Ножки, которыми на карнавалах
Ты поражала бы и чарокала;
Смутные руки, груди тугие, —
Ave Maria!

Набожно на крест взирает Петровый,
Я же молось на прекрасные брови.
Милая! Разве жалеть ты не будешь было,
Что крассту здесь и молодость губишь?
Как танцевали бы ножки такие, —
Ave Maria!

Ядами явно тебя опоили,
Путами руки твои окрутили.
Рвы посмелее ты их и не бойся!
В поле шумят налитые колосья...
О, как бы жали их руки такие, —
Ave Maria!

После любовь бы тебе повстречалась,
С милым до раннего утра мечталось,
Стала б затем и хозяйкой прилежной,
И целовала бы дитятко нежно.
О, как кормили бы груди такие, —
Ave Maria!

Может, моя, Боже правый, молитва
Мне помогла бы тут выиграть битву?
Но всех позвали. Тихо монашка
Вышла, вздохнув обреченно и тяжко,
Под своды мрачные и глухие, —
Ave Maria!

1957

ЛИСТВА КАШТАНОВ

За серым сгорбленным курганом
Скрипит песок сырых дорог,
Лист медный падает каштанов
На желтый высохший порог.

Идешь, его руками ловишь:
Помяв, пускаешь, пусть летит, —
Вновь не шуметь ему в дуброве,
Весенних шорохов не пить.

Еще грустить мне слишком рано,
Когда вдаль манит стежек гладь,
Когда на шум лесной в тумане
Умеешь песней отвечать,

Когда так хочется смеяться,
Что видишь ты и слышишь ты,
Как тихо сыплются сквозь пальцы
Каштанов тонкие листы.

1958

АЛЕКСЕЙ РУСЕЦКИЙ

Алексей Русецкий (Алексей Степанович Бурделев) родился 21 ноября 1912 г. в с. Студенец Климовичского района Могилевской губернии. Окончил Московский зооветеринарный институт (1935). Работал специалистом-бактериологом, объездил всю Ферганскую долину. В 1935 г. был призван в Красную Армию, служил в Москве, Минске. Во время Великой Отечественной войны служил на многих фронтах, Порт-Артуре. В 1947 г. вернулся в Минск, работал в республиканских журналах. Награжден орденами и медалями. Умер 17 июня 2000 г.

Печатается с 1930 г. Автор сборников поэзии.

ПУСТОЦВЕТ

Чернеет трава от зернистых рос,
Желтеет свиданий дуб;
Неужто коснулся теперь мороз
Насмешливых милых губ?

Я тихо смотрел на бровей разлет,
Хотел узнать: почему
И губы пветут, и сердце пветет,
Но только не мне, а ему?

299

Узнала бы ты... Не увидишь, увя,
Творится давно что со мной.
И крик журавля и шелест листвы
Тебе не расскажут весной.

Иду я по саду, и в сердце моем
Мечтаний, желаний рой.
Но падает быстро, и гаснет потом,
Как искры в траве сырой.

За речку иду по седой росе
И кажется в тот же миг —
Там краски заметно тускнеют все
От блеска очей моих.

Я внешние краски люблю, когда
Пылают и ночью, и днем,
Но все пустоцвет забил навсегда
В мае своим огнем.

1940

300

ТИШИНА

Минул цветущий шумный май,
Рожь ходит волнами открыто,
Темнеет луг, лес, словно рай,
Речушка дремлет под раkitой;
Дымится тучка в вышине,
И ветер ластится бессильно;
Роняет звуки в тишине
Кукушка, наш лесной буdильник.
Вокруг покой, как будто бы
Настал вдруг отпуск благодатный,
Хоть где-то близко час косьбы
И наступает время жатвы.
Но приsmиревшая земля
Незримо млеет вся в горенье...
Так зреют, нам благоволя, свершенья.

1954

301

В белом-белом в уголок ты мой
Зашла и тихой гостьей посидела,
Прикинувшись черемухой лесной:
Теперь полна вся комната тобой,
Словно была черемухой ты белой...
И грезятся с лесною далью сны
И ты, как гостья юности, весны.

1958

СЕРГЕЙ ГРАХОВСКИЙ

Сергей Иванович Граховский родился 24 сентября 1913 г. в д. Нобель Пинского уезда Минской губернии в крестьянской семье. В 1930 г. поступил рабочим на Бобруйский де-ревообрабатывающий комбинат. В 1935 г. окончил литературный факультет Минского педагогического института, работал редактором на белорусском радио. В 1936 г. был репрессирован, 10 лет отбывал в лагерях. После освобождения преподавал русский язык и литературу в Урецкой средней школе Слуцкого района. В 1949 был арестован повторно, в ссылке работал учителем. После реабилитации в 1955 г. работал на белорусском радио (1956-1957), заведовал отделом редакции литературного журнала «Визирка» (1957-1959). Был литературным консультантом СП БССР (1959-1960), литературным редактором журнала «Вясёлка» (1960-1973), в 1973-1974 гг. — ответственный секретарь Комитета по Государственным премиям БССР в области литературы, искусства и архитектуры. Член СП СССР с 1956 г. Заслуженный работник культуры БССР (1983). Награжден медалями. Почетный гражданин районных центров Глуск и Октябрьский (Рудобелка).

Первое стихотворение напечатал в 1926 г. Вышли сборники поэзии, сборники рассказов,

документальные повести, книги стихов для детей. На белорусский язык переводил прозу и стихи русских и советских поэтов.

Лауреат Литературной премии СП БССР им. А. Кулешова (1983) и Государственной премии Беларуси (1992).

В.М.

Я припомнил тебя
Босоногой, стремительной, тонкой.
Под ногами рассыпала
Зорька слезинки росы,
И тогда, в те былые шальные часы,
Я тебя представлял золотую сосёнкой.
И казалось, ты будешь такой, — из мечты, —
Молодою, искристою, чуточку колкой.
Да ведь разве прикажешь,
Чтоб всегда расцветали сады,
Лестки не роняли от зорьки до зорьки?
Никому не прикажешь вовек,

Чтоб года

Власти над нами с тобой никогда не имели,
Чтобы вешняя не бушевала вода,
Чтоб до старости наши виски не седали...
Поседали... А сердце не хочет стареть, —
Может, сделано мало, испытано мало.
Мы горели в огне, только нам не сгореть,
И двойная гроза все же нас не сломала.

Ты была мне женой и священной иконкой,
Ты суровой была милосердной сестрой.
Я тебя и теперь представляю сосёнкой,
Что и ныне зарделась вечерней зарей...

1956

МАМА

Когда пушок пробился над губою,
И имя девичье лишило сна меня,
Не говорил я ни о чем с тобою,
О, мама одинокая моя.
Казалось мне постыдным временами
Среди друзей — завязтых забияк —
Назвать тебя, как в детстве, тихо «мама»,
И потому не называл никак.
А вечерами, слова не сказавши,
Ходил кругами у чужих ворот
И замечал, как за окошком нашим
Бессонный свет встречал зари восход.
Ты не спала осенними ночами,
Хоть от усталости клонилась голова,
Глядела в мрак усталыми очами,
Привычная к несчастьям вдова.
Ты пряла пряжу, ты копала глину,
В страду совсем не чувствовала ног,
Да говорила ласково про сына:
«Пусть подрастет. Пускай поспит сынок».

И собиралась за дровами снова,
А в волосах густела белизна...
«Хоть бы сказал он ласковое слово,
Хоть бы, как в детстве, мамою назвал».
...Промчалась жизнь. Мы посидели сами,
И может, больно мне не одному,
Что самое святое слово «мама»
Сказать уж не могу я — никому...

1957

ПРИЗНАНИЕ

Как я жил без тебя?

И не везал, что где-то на свете

За лесами глухими. Полями,

где шепчется рожь,

Не в просторах созвездий, а здесь на планете.

В переулке зеленом ты тихо живешь.

Как я жил без тебя?

А могла беспощадная лояль

За подлата меня и тебя развести.

Как безмолвно тропинки расходятся в поле,

И друг друга нигде не позволить найти.

Может, стоило мне провалиться хоть в печь,

Потерять дорогих. Не расстаться с бедой.

(обойти полземли, словно каторжник беглый,

Чтобы встретить тебя под Полярной звездой?

Все познать и забыть навсегда об изменах.

Чтобы пучки света в глазах не погасли

ТВОИХ,

Вновь политятся и все ж отыскать непременно

Избавление и счастье одно на двоих.

Стать помягче, добрей, никогда не сердиться,
Наслаждаться твоей красотой вдвойне,
Чтобы тайны любви открывать по крупицам,
Чтоб душа закалилась на ярком огне.

Пролетают года. Их теряется след

в преисподней,

Лоб в морщинах, седины виски теребят.

Я гляжу на тебя, влияюсь, как прежде,

сегодня:

Чем я жил без тебя, как я жил без тебя?

1967

Невозможно отложить бесстрастно
Ни на самый последний день
Даже чье-то маленькое счастье,
Самому исчезнув, словно тень,

Через дверь другую безоглядно,
Спрятав чести тоненькую нить,
И спокойно в долгий ящик кряду
Лучшие надежды схоронить.

Невозможно обойти, замкнуться
От чужой тревоги и беды,
Трудно не почувствовать, как бьются
И сердца у роковой черты.

Может, взяв все чувства под опеку,
Нужно отогнать любую тень?
Человек обязан к человеку
Приходить с любовью каждый день.

1962

310

Она сама почти еще дитя —
На тонких ножках, с узкими плечами,
Хотя связным зародышем жития
Я вижу женщину с прелестными очами.

Еще душою просится в полет
С высокой кручи, лишь дрожит улыбка,
Хоть ведает, что все наоборот
Должно бы быть, чтоб не было ошибки.

И потому старается быстрее
Ходить и жить, но и всего боится,
Она еще играет меж детей,
Но сердце рвется непокорной птицей.

И тайна, ведома ей одной,
Упавшая, как в Библии, со древа,
Волнует необычной новизной,
Как непорочной остается Ева.

Она — и жизнь, и тайна бытия,
И мудрость, и любовь, и мелодрама,
Для матери — извечное дитя,
А для детей — одна на свете мама.

1977

311

НЕОЖИДАННОСТЬ

Заходит солнце в золоте и дыме
За крыши, за вишневые сады,
И тонкой паутинкою над ними
Трепещут реактивные следы.

Такая тишь! Ни ветерка, ни звука.
Последний луч с собою тянет тень,
И, кажется, он не сулит разлуку
Ни этой ночью, ни в грянувший день.

Но беспричинно, как от Божьей кары,
Все исчезает где-то в синеве.
Зигзаги молний, грома вдруг удары,
И град, и ливень пляшут по траве.

Потоки извиваются, как плети,
Сечет листву неумолимый град,
А где-то и кому-то солнце светит
И утром озарит наш дом и сад.

И будут снова синь и позолота,
И будет солнцу радоваться свет,
И тонкой паутинкой самолеты
Оставят в небе серебристый след.
Я грешен. И в неистовство природы
Жду самой замечательной погоды.

ПРОРОЧЕСКИЕ СНЫ

Приходят сны случайные нежданно:
То падаю, то на кресте вишу,
И лишь рассвет едва забрезжит ранний,
Что значит этот сон, я ворожу.

И нарастает с каждым днем тревога,
И на себя порой глухая злость,
Что не считал, бывало, Богом Бога,
А он, Всевышний, где-то есть небось.

Не Саваоф с седою бороною,
И не Илья, разгневанный пророк,
А кто-то ж правит счастьем и бедою,
Возносит и карает, словно рок.

Он отдал все, что нужно, человеку, —
И жизнь, и мушкетерство, и любовь навек,
Вел праведников и в Коринф, и в Мекку,
Пока с дорог не сбился человек,

И презирая власть, богатство и награды,
Тянул свой жребий на своем горбе,
И палачи безмерно были рады,
Казня не покорившихся судьбе.

Бесследно жертвы гибели, как в пожаре, —
Сгибали всех и вся в бараний рог,
А праведников от кровавой кары
Не забывали ни закон, ни Бог.

За мною вслед ходило наказание
И расправлялось каждый раз сильней.
Судьба мне посылая испытания,
Чтоб стал добрее, мягче и мудрей.

Я в сны пророческие верю и не верю,
Но нет спасенья мне от их ярма.
И не боюсь я ни огня, ни зверя.
Молю лишь только: «Не приснишь тюрьма!»

Не обойди чужой бедой,
Не очень-то гордись собою.
Пусть годы тают, словно дым,
Остановись перед судьбою:

Дай руку детям, старику,
Слепому укажи дорогу,
Поддай горбушку бедняку,
Утешь больного ради Бога.

Тогда и старость, и суму
Улыбкой встретишь молодою,
И не придется одному
Остаться со своей бедою.

На чем же держится Земля?
На трех китах?
На журавлиной песне?
Иль на обломках корабля,
Что вечность вымыла из бездны?

Сверкает в мраке акведук,
К светилу вечностью прибитый.
На нем Земля за кругом круг
Плывет, не уходя с орбиты.

Кровавой кажется она
В пожарах, взрывах, в жутком гуде.
И все же держится Земля
На добрых и на честных людях.

...И равнодушная природа
Красою вечною сиять.

А. Пушкин

За оттепелью закрутил мороз,
Завьюжила метель. Светло и сухо.
Шиповник за моим окном оброс
Прозрачным, легким лебединым пухом.

Все точно так, как было и прошло,
И булет снова до скончанья века.
Но издавна на свете правит зло,
И все давно в плену у человека.

Отравлены им воды, воздух, суша,
И все живое гибнет без затеи,
И страшно, что калечатся ведь души
Не дьяволом — людьми и у людей.

Быть может, Люцифер сам правит нами?
Но почему смотрел спокойно Бог,
Как над его куражатся сынами,
И заслонить их, уберечь не смог?

Коль есть у нас ты, всемогущий Боже,
Взгляни: мы нынче стали, как враги, —
Себя спасти, себе помочь не можем.
Ты смилуйся и людям помоги.

(Но Бог не слышит стон и плач народа,
И разве нам забвенья принесет?)
А мы и равнодушная природа
Безмолвно гибнем, как на бойне скот.

...Кончается двадцатое столетье
В безнравственности, войнах и крови.
Опомнись, о народ мой! В лихолетье
На мир и на любовь благослови.

Недолгий век прожить мы не умеем:
То разъедает ложь, то сатана,
От неприкрытой злости каменею,
И правит нами запросто она.

На зависти замешено все круто,
Бессмысленна бессонница ночей,
Отрава брызжет беспощадно, люто
Из уст предательских и из очей.

Мы — однодумцы все и однодумцы,
Чтоб стать и долговечней, и сильней,
Добро помножим на добро, чтоб солнце
Светило нам и дальше веселей.

Ужель злодей себе не опротивел,
И вечны злоба, ненависть и яд...
Я всем прощаю, кто меня обидел,
Простите мне, кого обидел я.

ВЕК

Гляжу на прошлое с боязнью,
Гляжу на будущность с тоской.

М.Лермонтов

Ну, вот и кончается век шарлатанства.
А что принесет двадцать первый? Долги,
Позорное панство, позорное пьянство
И долгие нищего рабства круги.

Плоды искушения падают с древа, —
Младенцы рождаются день ото дня,
Ночами примерным Адамам и Евам
Всё снятся Чернобыль, Афган и Чечня.

Нам дьявол беду за бедой напорочил:
Сгоревшие кости из танков чадят,
Наемных убийц озверевшие очи
На нас через мушки прицелов глядят.
Никто не признается в нынешней были,
Кто жаждет все новых неистовых смут.
Парней и девчат, кто недавно любили,
Сегодня сжирает прожорливый спрут.

И в муках уходят и старцы, и дети...
В кровавую неотвратимо грозу.

Выходит, что мирными только на свете
Свой век доживают лишь звери в лесу.

Боятся они, что совсем доконаем

Оставшихся зубров, седого бобра...

Когда же взойдет над заброшенным краем
Звезда Справедливости, Чести, Добра?

Так близко грядущего века сиянье.

Чем встретит его мой измученный люд?

Нет, счастья не будет нам без покаянья,

И кровь не простит нам Истории суд.

• СЕРАФИМ

И вырвал грешный мой язык,
И празднословный, и лукавый.

А. Пушкин

Вся жизнь — ошибки и развилки,
Одни просчеты и грехи,
Разбиты крылья и закрылки,
Язык устал от чепухи.

Напрасно Божье наказание
За слово лживое и сказ,
И продолжается топтанье:
Кого-то мы, а кто-то — нас.

Обман развеивает дымом,
Зловещий призрак все же сник.
Иду на встречу с серафимом,
Чтоб вырвал грешный мой язык,

Что славил жалкие химеры,
Хоть в сердце боль давно носил,
Дрожал от страха, сам не верил
И врал другим что было сил.

Вводились небылицы в уши
О счастье на лихом пути,
А кто калечил наши души,
Того давно уж не найти.

Их берегут двойные двери,
Апостолов былых основ,
Хоть не имеют сами веры,
Но лгут, как нанятые, вновь.

О, шестикрылый серафим,
Ты помоги и нам, и им.

РЕКВИЕМ РУКОПИСЯМ

Про рукописи верят: не горят!
А я однажды видел, как горели
Со стоном Голубковы акварели,
Как догорали все стихи подряд,
Согретые еще живым дыханьем
И ласкою, любовью, состраданьем.
А рукописи — пишут — не горят.

И как еще горят! А сколько их сгорело
В печах глухого тайного двора, —
Что бездна, чертова нора!
Душа поэм навеки отлетела
А так дойти до каждого хотела
Посланцем вдохновения, добра!
И сникла в пламени казенного костра...

Не станут рукописи книгами тем боле,
Не достучатся ни до чьей души.
Холодный пепел, как ни вороши,
Что дотлевал по дикой воле,
С ветрами сник в безлюдном поле,
Которое обезобразил град...

А рукописи — пишут — не горят.

О, СКОЛЬКО ПОЭТОВ!

На ярмарках книжных — поэты, поэты:
Гомер и Гусовский, и Байрон, и Блок;
Сонеты Петрарки, и лирика Фета,
И Хлебников — необъяснимый пророк.

Я слышу их голос из прошлых столетий,
За ними я шествую, как Одиссей,
И в ад меня Дантов прилюдно,
приметив,
Не раз и не два заглянул фарисей.

Читаю, читаю. О, сколько поэтов!
О, сколько любовей, и чувств, и тревог,
Терцин, триолетов, октав и сонетов
Навечно я в памяти с детства сберег.

Листаю Верхарна, Вийона, Шекспира,
Пьянею от счастья, а не от вина.
У каждого лирика — звонкая лира,
У нашего брата — глухая струна.

Ну, чем я утешу? Про что говорю я?
Зачем я за рифмою рифму гоню?
И если читателя разочарую,
Я только себя одного и виню.

А коль не простит, пусть тогда покарает.
Бумагу мараю, не быть лишь в долгу,
И только любовь к обделенному краю
Никак зачеркнуть и забыть не могу.

Ведь слово волнует извечное, отчье,
Поэтому больше тружусь, не молчу.
Когда же прескверно,

Куцалы пророчества
Я вместо священной молитвы шепчу.

РАСПЯТИЕ

Когда же увидели Его пер-
восвященники и служите-
ли, то закричали: распни,
распни Его!

Евангелие от Иоанна
(19: 6)

Пророк пророчил катастрофу
Не в давние, а в наши дни.
Его за это на Голгофу
Тащили с криками: «Распни!»

Он чуть стонал. Разбиты ноги.
Но насмехался и зверел сильней
Народ, обманутый Пророком,
Отважно спасшим всех детей.

Распяв, всем миром поминают
Его с печалью до сих пор,
И вновь Пророков распинают,
И вновь бросают на костер.

ТЕРЦИНЫ

Порой из ада слышу шум грозы
И звуки боли, муки и отрады,
И вспоминаю Дантовы часы,

В аду испепеленном водопада,
И вижу приближение к огню,
Сжигающему ложь, ее улады, —

И голоса уходят в вышину
Из мрака неразгаданного пекла
Сквозь мир людей в ночную тишину:

Они все это проходили бегло
И потому зовут из «рая» в вечный вир*,
А я не знаю до сих пор, хоть жизнь померкла,
Где адский ад, а где покой и мир.

* Здесь и далее *вир* — омут, водоворот (*Прим. ред.*)

СЛОВА

Слова царят у нас, бывает,
Мы говорим и слышим их.
Они то ссорят, то сближают
Друзей и недругов моих.

Слова различные бывают:
Одни — огня задержат шквал,
Слова иные убивают
Живых, сражая наповал.

От слова сердце холодеет,
Проходят сон и забытье.
Слова калечат, как злодеи,
От слов надежда расцветет.

От слова вырастают крылья
И сердце горячит любовь,
От слова прибывают силы.
Так не жалейте добрых слов!

Не стоит пустомельем вздорить
И пустозвонием гресить.
Не приносить чтоб людям горе,
Уж лучше просто умереть!

ДОБРЫЙ ДЕНЬ

Я все познал — и радости, и горе,
Из сотен рек испробовал воды,
Мне каждой ночью снился светлый город,
Его неповторимые черты.
Он звал меня, красавец златоголовый,
Далекий, но и близкий до тоски,
На всех путях, за каждой переулочной
Его припоминали земляки.
Во встречу с ним я верил и не верил,
И вот опять иду в тени аллей,
И неожиданно в осеннем сквере
Знакомого увидел меж ветвей.
И вспомнил встречу — первое свиданье,
Когда его волшебная рука
Вела меня, смешного пастушка,
По виражам на деловом кургане
И привела тогда в чудесный свет.
А через годы тропами Полесья
Прошел внезапно с посохом поэт
К бессмертным коммунарам на Аресе.

Вот он стоит. Над ним свисают ветви.
Шумит проспект и зеленеет сквер.
Он улыбнется, кажется, как в детстве,
И прочтает стих на свой манер.
Над ним листья покамест не опала,
На бронзу падает таинственная тень,
А он молчит. Задумался Купала.
Я шапку снял с поклоном: «Добрый день!»

СКАЗКИ ЖИЗНИ

А я и ныне верю в сказки
О нищем или короле,
То с ласкою, а то без ласки,
С добром и горем на земле.

Я в сказки верю, как и верил, —
Без сказок, словно без души.
Бывает, страшные химеры
Мне шепчут: «Ты не вороши

Воспоминаний беспричинных,
Живи без омраченных дней
Для счастья, радостей невинных.
Пусть сердце бьется лишь сильнеей!»

Порой я сам себе не верю,
Где сон, где вымысел, где явь,
А сказки про лихого зверя
Тревожат страхом, будто встарь.

То в сказках оживет лукаво,
Что представлялось всех милей,
Но явь бывает, как отравы,
Как сказка страшная. Страшней.

Проходит жизнь нетерпеливо,
То тлеет, то свистит свинцом.
Я верю в сказки со счастливым
И не придуманным концом.

1986

ПЕРЕД ЗАНАВЕСОМ

Мы все, немножечко артисты,
И роль у каждого своя.
То кое-как, а то и чисто
Сам самого играл и я.

Из всех ролей нет хуже роли...
И звезд не ловит до сих пор,
И не подкажет мимо воли
Судьба — суровый режиссер.

Кем только не был я на сцене,
Кого я только не играл!
То возносился к звездным тучам,
То воскресал, то умирал.

Ромео был, «Шильонский узник»,
Возвысить Гамлета хотел,
Да сбившись, — Господи Иисусе! —
Я в преисподнюю слетел.

И зал ответил гамом, свистом
На непредвиденный провал,
Наверно, быть всегда статистом —
Моя судьба и идеал.

Никто не увидел стараний
До пота, крови, забытья,
Когда болтался я на грани
Забвения, смерти, бытия.

Играл умело, неумело,
Любил, терялся и страдал,
Пока душа не поседела
И не приблизился финал.

Стоят фанерные колонны,
Развернут декораций фон,
Закрылся занавес салонно,
И выхожу я на поклон.

1988

Твои ладони пахнут первым снегом,
А поздними антоновками — снегом.
Над тишиною серебристым эхом
Звенит и катится девичий смех,

Что заблудился звездной ночью
За тихою застывшею рекой,
И радость беззаботную пророчит,
И первую любовь, и непокой.

Постой... Послушаем и помечтаем,
Пока огонь желаний не погас,
О красоте, о юности, о мае,
Что навсегда покинули и нас.

1992

СТУДЕНАЯ НОЧЬ

Ты посмотри на звезду при прощанье...

М. Богданович

Туманный вечер. И пупинки снега
На вербах и на алоэти рябин
Мне нагадали и любви навеки,
И счастья неизведанных годин.

О, как зарделись на морозе губы!
Твоя дрожала тонкая рука.
Мне шепот слышался «Любимый... Любый...»
На берегу немного ручейка.

Такая тишина на белом свете!
Искрится снег, сверкают огоньки,
На вербах низко опустились ветви
От инея и немощной тоски.

В глазах твоих волшебные искринки
Во мраке, словно звездочки, видны.
Минуты таяли, как в оттенель снежинки,
И без твоей, и без моей вины.

А утро нам пророчило прощанье,
Снег заметал вечерние следы,
Мы не могли поверить в расставанье,
Что счастья не найдем ни я, ни ты.

Где ты теперь? Взгляни в седые выси,
Чтоб только нашу звездочку найти.
Быть может, мне ты в полночи приснишься
В последний раз на жизненном пути?

1993

На окнах лилии белеют:
Кристаллом вырезал мороз.
От восхищения немею
И восторгаюсь я до слез.

Мне видится далекий берег
И трепет лилий на воле.
Плутаю я в туманах серых,
Но только милой нет нигде.

И как ни звал я — не дозволялся.
Мелькнула призраком она.
Гляжу туда, где обозначался,
Сквозь стекла темного окна.

1994

340

ЛАЗУРНАЯ ЗИМА

Приди незаметно дорожкой немой,
Коснись осторожно знакомых дверей.
Я жду тебя страстно лазурной зимою,
Приди и остывшее сердце согрей.

Теряю надежды. Однажды неожиданно,
Когда поглотила покой кутерьма,
Вошла, занавески залвинула странно,
Чтоб сердце двоим не студила зима.

Из мрака приди вновь мечтой голубой
И теплые руки раскинь поскорей.
Мы в сказочном мире пребудем с тобою,
Ты только остывшее сердце согрей.

Все тайны твои воздаются сторицей,
И взгляд твой становится снова добрей.
Начну о тебе на коленях молиться,
Ты только остывшее сердце согрей.

1994

341

НАБОЛЕВШЕЕ

Век трагедийный, черно-красный
Уходит в вечность без руля.
Уносит в Лету век ужасный
От слез уставшая Земля.

Смертельно травленная паром,
Где властвуют и тлещ, и прах,
Отмеченная Божьей карой,
Ты — вся в могилах, вся в костях

Сынов растерзанных, убитых,
На дно ушедших с корабля,
Униженных, но не забытых,
О ты, несчастная Земля!

Возможно, ты одна на свете
Свет лучезарный льешь окрест.
Себя ж твои калечат дети
И на Голгофу тянут крест.

Судьбой больные, как заразой,
Мы не восславили свой век,
Чтоб доброту дал Бог и разум,
Чтоб по-людски жил человек!

1994

342

ПОДКОВА СЧАСТЬЯ

И ты увидишь: мир прекрасен,
Познай, где свет — поймешь, где тьма.

А. Блок

Приходят в мир, как прежде, снова
Цари, пожары, войны, мор,
А счастья звонкая подкова
Не найдена и до сих пор.

Коварных злодеяний сети
Лишь кровью залиты чужой,
И в вечность гении и дети
Уходят стежкою кривой
Без исповеди, без свободы

На страшный в преисподней мир,
Где зорко стережет ворота
Жестокий, мрачный конвоир,
Где ядом брызжут злобно змеи,
Грязь криводушья льют и льют,
Где одуревшие пигмеи

Несправедливый правят суд,
Где вороненные оковы
Калечат душу, руки, ум,
Чтоб рок, как выстрел, бестолково
Переменял лавину дум.

343

Бед: шутя иль сверхсурово
Приходят жалность, кривда, лѣсть,
Хотя у нас многовековый
Закон добра на свете есть.
Когда же правда, честь и разум
Грядущий осчастливят век,
Безотнositельно и сразу
Судьбу оценит человек.
Чтоб счастья отыскать полкову,
Воскреснуть должен Дух Святой,
И грех, когда звенят оковы,
Жизнь превращается в ничто.

1996

344

Умолкают мои одногодки,
Их следы заметает пурга.
Ни похвал и ни речи короткой,
Даже память не всем дорога.
Все нормально, разумно, логично —
Есть начало, и взлет, и конец.
Догорает и мой нетипичный
Одинокий и слабый светец.
Время все разгадает загадки.
Звездный тоже промчится наш час.
Может, наши потомки хоть как-то
Будут все же счастливее нас.

1996

345

СОСНЫ

Не спится ночью соснам,
Их шепот не унять:
Молчанье им несносно,
И потому шумят.

Страдают с самой рани
Под солнцем целый день.
В траве, как призрак странный,
Их заплутала тень.

Тревожно, неречисто
Сук сломанный скрипит,
Что с веток быстро-быстро
Игла долой летит.

Пугает временами
Их грозный звук пилы,
Как доктора, местами
Бьют дятлы в их стволы.

А летом ли, весною
Суровый человек
Согнется под сосною —
Укоротить ей век,

Отправив в путь-дорогу
Вчерашнюю сосну,
Была чтобы порогом
Иль ставнями к окну.

И золотые струны
Замолкнут, как боры,
Из них сколотят труны
Ушедшим до поры.

И в тихий час, и в грозный
Их шепот не унять.
Пока живые, сосны
Шумят, шумят, шумят.

СЫНЫ

Мы одинаково пришли на этот свет
И в первый раз сказали: «Ма-ма», —
И лепестками нас осыпал цвет
Под яблонею Евы и Адама.

А подросли — и разошлись пути:
Одним — до счастья, а другим — до горя.
Один жесток — за все ему плати,
Другой для каждого в беде — опора.

Когда и где святое сгнило древо,
Не ведаю я — чьей искать вины,
И виноваты ли Адам и Ева,
Иль только Каина сыны.

1997

348

ВОСКРЕСЕНИЕ

Христос воскресает при нас каждый год,
И звон не стихает, распахнуты двери, —
И в храмы бесправный когда-то народ
С дарами снежит и со свечками веры,

Чтоб никакой не поддаться беде
В святом благоверном моленье,
Не быть оклеветанным в Страшном суде,
Во веки веков не стоять на коленях.

Чтоб нас закаленное трижлы огнем —
И сущность души и морали основа, —
Вело и светило и ночью, и днем
Святое певучее отчее слово.

Поверим и мы в прорицание грез
И в мудрость, и силу божественной песни,
Чтоб так, как когда-то воскресший Христос,
И мы навсегда бы воскресли.

1997

349

САКСОФОНИСТ

Играл на рыночном лоскутном фоне
Заслуженный артист на саксофоне,
И утром ему было не до сна,
Снежинки прятала густая седина.
Играл то вальсы Штрауса, то туш,
И падали рубли в истертой шляпы плюш.
На лютой стуже леденели пальцы,
И в кедах стыли ноги на асфальте,
А он играл то марши, то сюиты,
Как в давнем прошлом для чиновной свиты.
И вот теперь он получил свободу
Играть что хочется и всякому народу.
Играл с подъемом он, без суеты,
Перебирал остывшие лады,
Перебавив заслуженные звания,
И с места не сходил до окончания.
«Отметились» лишь сорок три души:
Народ к истертой шляпе не спешил.
Я неприметно, словно тень,
Являлся слушать каждый божий день.

Но вдруг замолк печальный саксофон...
Недели шли. Не возвращался он.
Стоял базарный гомон, как бывало,
А мне опять чего-то не хватало.
Рассказывали: даже обреченный
Тихонько он играл на саксофоне
И что остылась у артиста смена,
Что сын играл марш траурный Шопена,
Не замолкая до конца уже...
Гудит базар, да пусто на душе.
1997

СЛЕДЫ НА ЗЕМЛЕ

О, сколько исходил тропинок неустанно!
Теперь уж ни одной я не найду,
Хоть каждая пылала, словно рана.
Уходят годы, я же все иду.

Еще иной раз жажду оглянуться
На все, что найдено, утрачено в пути,
Хоть на минутку в молодость вернуться,
Чтоб первый и последний след найти.

Земля меня спасает, оживляя.
За землю милую держусь и я,
Несломленная, вечная, живая,
Как родина бессмертная моя.

Куда бы жизнь меня ни загоняла,
Какою бы ни мучила виной,
До боли мне земли недоставало.
Я свято верил только ей одной.

Мне не постичь премудростей Вселенной.
Подсудный только Божьему суду,
Всю жизнь своей служу земле нетленной
И лишь в нее я навсегда сойду.

1997

352

Незаконченный стих — молодое вино
Без искристости, легкости, силы,
Но когда устоится с годами оно,
От глотка взлетаешь к светилам.

Если в чанах само по себе отшумит,
В погребах, наливаясь, остынет,
Не спеши еще пить — не оценишь на вид —
Ценный хмель должен выйти змеино.

Цвет, и запах, и вкус винодел доведет,
И при случае это отметят,
Если кубок на праздник народ соберет
Иль на тризну в грядущем столетье.

Так и стих, если он, как вино, не доспел
И пришла неудача удачей,
Захлебнется не вдруг, смолкнет новый напев,
Ибо в кубке — прегорькая чача.

1998

12 — 4591

353

В сказках добро побеждает зло.
Жизнь моя — длинные сказки.
Чего в ней не было, не жгло?
Завязки были и развязки:
Тутим вязалось так узлом,
Что не развяжешь и зубами,
А я все шел, шел напролом,
Как тот верблюд с двумя горбами,
Чужую ношу нес и нес
И на погрузку, на разгрузку.
И лаялся, как грязный пес,
Но только не по-белорусски.
От страха жуткого немел
И дать не мог порою сдачи,
И голоса я не имел
И выхода с тюремной «дачи».
Слабели — случаем — узлы
На миг несказанно короткий,
Но я не оставался злым,
Хоть не был, как былинка, кротким.

Валил с ног ветер до поры
И душу сковывал блевотно.
Я повторял: «глаза протри,
Иди вперед бесповоротно».
Как только мой дотлеет каганец,
С судьбой своей расстанусь без развязки.
Жаль, приближается конец
Магической и страшной сказки.
1998

Мосты в минувшее сторели,
В дне завтрашнем их не видать,
Жизнь же раскачивать качели
Все продолжает — не слержать.
Как сквозь решетку непредвзято
Смотрю, что вытворяет случай-маг,
Хоть только в том и виноват я,
Что не шагал, как все, шаг в шаг.
А сколько звезд упало с неба
И сколько на земле взопло
На чью-то странную потребу,
На счастье, радость или зло?
А жизнь то плачет, то смеется,
Дотлели давние мосты,
А сердце? Сердце не сдастся,
Хотя сусеки в нем пусты.
Я не хитрил, не ненавидел,
Сам добывал суровый хлеб.
Чего я только не увидел?!
И как я только не ослеп?!

1998

356

Растратил я все без оглядки,
Что в вечных мытарствах нажил,
Платил Богу подати алски
И тем, кого очень любил.
Тому, кто прогорк несказанно,
Я отдал последний кафтан.
Я знал: он вернется незванным
И снова пойдет на обман.
Нажитое все без амбиций
Готов и сегодня отдать,
Но все от сквалыг не отбиться
И отдал что — не сосчитать.
Себе ж не собрал на обнову —
Обносил свои доношу.
Сберег только душу и слово,
И воздух, которым дышу.

1998

357

Жизнь догорает, как свечка,
Слезинками капает воск,
А в сердце — то сбой, то осечка
Стирают оставшийся лоск.

Мелькают года за годами,
И пламя в лампадке дрожит.
Сентябрь снова шепчет листьями,
Что стоит на свете пожить,

Не ставить пока точку броско,
Покой ощутить и красу,
И кашлю горячего воска
Смахнуть со щеки, как слезу.

Замолкли давно пересуды,
Становятся тропки длинней,
Бегут за минутой минуты,
Что с каждым мгновеньем ценней.

1999

358

ОРЕЛ

• Орел — экваториальное созвездие
с яркой звездой Альтаир.

Скачите, плачьте, голосите,
Терпите дикий рок-н-ролл,
Но с легким сердцем не просите
У звезд созвездия Орел.

Оно то ярко, то туманно
Горит звездой Альтаир,
Кому-то поздно или рано
Беду принесит или мир.

Оно пророчит мир короткий:
И как печальный звездопад,
Мои сникают одногодки,
Не возвращаются назад.

Срывается звезда на зорьке,
Порою Альтаир дрожит.
И как иной раз и ни горько,
Пока живется, нужно жить

В ладу с собою и в разладе
И рисковать в борьбе со злом,
Не уступать судьбе ни пяди,
Лететь с подрезанным крылом.

2000

359

МОЛИТВА

Милосердный Боже,
Кто же нам поможет,
Кто спасет нас, как не ты, родной,
Наш Отец святой?
Разве Ты не видишь,
Разве Ты не слышишь,
Что в крови и блуде
Праведные люди
Гибнут, как враги?
Ты их береги.
Кто же нам поможет,
Милосердный Боже,
Покарать злодеев
И убийц вернее?
Мирным мир верни,
Чтобы век на свете
И отцы, и дети
Прожили без взрывов бомб и мин.
Помоги нам, Господи.
Аминь!

2000

360

СОЖЖЕННЫЕ МОСТЫ (Поэма)

Памяти Александра Муравьевой

Вы стали по-настоящему примером
самоотверженности, мужества, твер-
дости... Пусть будут забываемы
имена Ваши!

Декабрист А.П.Белов

I
Метелица заваяла дороги,
Летит снег жесткий от версты к версте
С Сенатской площади и до острога
В деревне запорошенной Чите.

Как при смертельной собралась угрозе,
Забыла муфту, шали не взяла.
Казалось — сердце стынет на морозе,
Душа лишь не утратила тепла.

Бросает ветер на ухабах сани,
Замолк ямщик, и замер звук вдали.
Дорожные столбы, как на прощанье,
Счет дням-и километрам повели.

361

Графиня чуть коснулась ездового
И слезно молит погонять сильней.
В пурге теряется промерзшая дорога,
И искры сыплются из горестных очей.

С разлету хлещут по кибитке ветви,
Застыли сосен желтые стволы.
Ей слышатся порой, как свищут плети
И как звенят глухие кандалы.

Из императорского грозного указа:
«Лишить наследства, званий и чинов
Бунтовщиков — дабы пресечь заразу, —
Их сыновей и жен от всех родов».

— Согласно я. На все всегда готова.
Позвольте только вслед за ним в острог!
Дрожит рука. И подпись Муравьевой
Едва ли кто-то распознать бы смог.

Сибирский снег скрипит. Перед глазами
Вдлмимирка, и реки, и холмы.
Ее колодники костями и слезами
Мостили от тюрьмы и до тюрьмы.

В кибитке смерзлась под ногой солома,
Стучит лишь сердце чаще и больней.
Еще верста, все далее от дома,
От близких, от заплаканных детей.

Душа болит, как стреляная рана.
Смелись воедино боль и злость.
Ее любимый — в кандалах тирана,
И любящих судьба разводит врозь.

Ей боязно намеренно утратить
Надежду видеть петербургский свет.
Ей часто снится: Миша, Лиза, Катя
Бегут за нею босиком вослед.

Ей выпадет ль увидеть их удачи,
Когда обрушится тюремная стена?
Дрожит слеза. Но ведь бойцы не плачут.
Не сможет тоже плакать и она.

И не заплачет никогда, вестимо,
Хоть ворон жизни предсказал итог.
Лишь сердце греет непоколебимо
Пожар горячих потаенных строк:

«Оковы тяжкие падут...» На память
Сама себе читает согтый раз.
И наконец сквозь ледяную замесь
Мелькнул огонь далекий и погас.

Замерзло все. И воздух — как железо.
И от промерзшей не уйти судьбы.
Закроет веки — снова в очи лезут
Жандарм и полосатые столбы.

Скрипит шлагбаум в утреннем тумане,
Вот наконец последняя верста.
Из мрака выплывает край изгнания —
В снегах многострадальная Чита.

Чудовищем из будки полосатой
Выходит николаевский солдат,
Зиндвельный, сгорбленный, усатый,
И тихо шепчет: «Свят, свят, свят!»

Красавица! В такую непогоду?
Одна? Как мотылек среди зимы!
Дворянской, — по всему видать, — породы.
Чего ж она дрожит возле тюрьмы?

А в подземельях и в грязи, и в рвани,
Страдая от болезней и хулы,
Былые графы, знатные дворяне
Руду долбят себе на кандалы.

И вспоминают праздники, парады,
Как сам Кутузов их в поход водил.
Его величество, однако, император
Своих героев с лишком наградил».

От холода не вымолвить ни слова,
И все ж над бедной смилостивился Бог:
За месяц Александра Муравьева
Достигла цели: вот и он — острог!

Ее с дороги не вернула стужа,
Ни царский гнев и ни метели свист.
Спешила дни и ночи к мужу
Теперь с высоким званием — Декабрист.

Полумала, как и в поэме Данте,
Все одолела адские круги,
И всё ж не все. Во власти коменданта,
Тюремщика и верного слуги,

Их встречи, их судьба под этим небом
Среди тайги и неприступных скал.
И как бестактно и нелепо:
— Поставьте подпись! — скажет генерал.

— На нашей есть препятствия дороге?
Что может помешать на этот раз?
— Все встречи производятся в остроге
При офицере. На короткий час.

И генерал Лепарский хмурит брови:
— Я не люблю дискуссий и речей.
И по-французски чтобы там ни слова!
По-русски говорите, без затей.

— Не верится, что это все серьезно...
Бесчеловечно это, генерал!
Неужто для того, чтоб жить нам розно,
Снежила я в морозы за Урал?

— Не от меня зависит, извините.
Я делаю не все, что сам хочу.
Вы вашу дерзость просто придержите.
Я про нее покамест промолчу.

Советую быть скромной и в наряде.
Поверьте, говорю не зря. —
И вытянулся, словно на параде,
Перед портретом нового царя.

Застыла Александра Муравьева,
Прозрачная от стужи и дорог,
И умоляет: «Я прошу вас снова
Дать мне возможность посетить острог»

Хоть на мгновенье, чтоб увидеть мужа.
Не думаю, что вы такой педант». —
— Позволим. Он тут занедужил, —
Пробормотал суровый комендант.

II
Шумит пурга, и сразу за порогом
В сугробах пропадает след.
За колыями читинского острога
Кончается как будто белый свет.

И холодно, и сыро нестерпимо.
Ни свечки, ни печи — сплошная тьма.
Застывшим чадом, плесенью и дымом
Пронахла вся читинская тюрьма.

Александрина подобрала платье,
На оступь двинулась в какие-то углы,
Навстречу тень ей бросилась в объятья,
И глухо зазвенели кандалы.

Замешкалась непрощеная «свита» —
Содат и полупьяный офицер.
Воскликнула невольно: «Мой Никита!
Отныне неразлучны мы теперь! —

Целует в лоб. — Ты, видимо, в горячке!»
Скользит рука по сморщенной щеке.
— Не диво, Саша — день сплошной на тачке
Вожу руду на лютном сквозняке.

Она берет любимого за плечи
И тихо шепчет: «Я с тобой навеки...»
— Прощайтесь! Завершилась встреча! —
Как будто саблей, офицер отсек.

Печально необычное свиданье,
В глазах неугасающий огонь.
И неprimетно Пушкина посланье
Ложится мужу в стылую ладонь.

Прошло стихотворение полсвета,
Как жизнь, как правда, как любовь и Бог.
И с той минуты верою поэта
Стал жить взволнованный острог.

Сердца свободой полнились и славой,
Когда пришла желанная пора,
Когда престол обрушился кровавый
Последнего российского царя.

Бессонными ночами каторжане
Выстукивали вещие слова.
Бросало в дрожь от грозного посланья,
Шла о пророчестве в империи молва...

Замешкалась графиня за порогом,
Куда ни глянет — горе и беда.
И только в темном небе над острым
Горит вдали Полярная звезда.

В сугробах тонут туфли непривычно,
Тропинку трудно отыскать в ночи.
Нейдет солдату в голову обычно
Хоть как-то женщину уважить без причин.

Она к тюрьме дорогу проторила,
Что не сумела вымостить казна,
И улыбалась всем улыбкой милой,
Лишь горе выдавала седина.

Она лечила хвори Божьим словом,
Всему назло — лучиста и светла.
Для узников графиня Муравьева
Надеждою и совестью была.

III

Надеждою и совестью осталась,
Болезненной и гордой, как дитя,
Не береглась и даже не старалась
Жизнь уберечь от горя-бытия.

Жизнь заново никто не перепишет,
Не вычеркнет дни вечной суеты.
Нам не дано упрягаться в затишье,
Спасаться от нечаянной беды.

Был каждый день победой бестолковой
Любви, и верности, и щедрой доброты:
И шли в Сибирь подруги Муравьевой,
Сжигая за собою все мосты.

Веселую на людях Александру
Болезни беспощадные трясли:
Болело сердце, набухали гланды,
Не отрывались ноги от земли.

За мужем колесила по Сибири
И, кажется, не верила сама,
Что, как часы с оторванной гирей,
Последняя ей пробилась зима.

Уже не встать. Рука, как у скелета,
Поднять не может кружечку воды.
Туман застлал ее детей портреты, —
Свеча сторела, и растаял дым.

Колоколов печальный звон пролился,
Погостом стала мерзлая гора...
За жертвами своими не стыдился
Следить глаз беспощадного царя.

Но вечно будет в памяти суровой,
Как идеал любви и красоты,
Живая Александра Муравьева
И боль, и гнев, и радости нести.

Цари менялись, как в колоде карты —
Награвды, ленты, ордена, орлы,
Усы и бороды, кресты и бакенбарды, —
Но только не менялись кандалы.

На Ангарау, на Енисей, на Шилку,
В село на тихой речке Шуль
Несломленных на каторгу и в ссылку
Жандармы гнали сотни сотен душ.

За ними в дальнее и тяжкое изгнание
Повсюду от села и до села
Как вера, и надежда, и страданье
Безмерная любовь с любовью шла.

С горячим сердцем, ясными очами
Она — Мадонне праведной под стать!
И перед русской женщиной всегда мы
Готовы свято на колени встать.

ЭДИ ОГНЕЦВЕТ

Огнецвет Эди (Эди Семеновна Коган) родилась в Минске 11 октября 1913 г. Окончила Минский высший педагогический институт (1934), заочно училась на педагогическом отделении литфака пединститута (1934-36). Работала редактором белорусского радио (1936-38), консультантом в кабинете молодого автора СП БССР (1939), в журнале (1940-41). Во время Великой Отечественной войны жила в Узбекистане. В 1945-46 гг. работала в Государственном издательстве БССР. Член СП СССР с 1937 г. Награждена орденом «Знак Почета».

Печататься начала с 1929 г. Вышли сборники поэзии, избранные произведения и переводы в двух томах (1976), книги поэзии для детей. Награждена Почетным дипломом Г.Х. Андерсена Международного совета по детской и юношеской литературе (1986). С французского языка перевела П. Беранже, антологию французской поэзии для детей (1962), Г. Аполлинера (1973) и др.

САМЫМ МОЛОДЫМ

Дубравы пушкинского края,
Любовь поэзии, огня!
Я снова осень открываю,
Как будто первый раз себя.

Вновь поклонюсь тиши священной,
Прозрачным, трепетным стихам,
Другим любимым посвященным,
Богиням, а не грешным нам.

В век новый — атомный, ракетный —
Еще на свете есть любовь,
Мы ожидаем от поэтов
Нестертых первородных слов.

Судьба не сможет вас обидеть,
И пусть вам сердце освятит
Свою Оленину увидеть
И Анну Керн свою найти.

1975-1976

АРКАДЬ КУЛЕШОВ

Аркадий Александрович Кулешов родился 6 февраля 1914 г. в д. Соматевичи Костюковичского района Могилевской области в семье учителей. В 1928 г. поступил в Мстиславский педагогический техникум, а в 1931 г. перешел на первый курс литературного факультета Белорусского высшего педагогического института, где проучился до весны 1933 г. Был членом БелАПП. Работал в редакции газеты «Чырвоная змена» (1934), на белорусском радио (1934-1936), литконсультантом в кабинете молодого автора при СП БССР (1936-1937). В 1941-1943 гг. на фронте в армейской газете «Знамя Советов», в 1943-1945 гг. — в Белорусском штабе партизанского движения. В 1945-1956 гг. — редактор газеты, в 1958-1967 гг. — начальник сценарного отдела, главный редактор киностудии «Беларусьфильм». Неоднократно был избран депутатом Верховного Совета БССР (1947-1978). Член СП СССР с 1934 г. Награжден двумя орденами Ленина, орденом Красного Знамени, двумя орденами Трудового Красного Знамени и медалями. Народный поэт БССР (1968), заслуженный работник культуры Украинской ССР (1973). Умер 4 февраля 1978 г.

Начал печататься в 1926 г. Автор многих сборников поэзии. Перевел на белорусский

язык роман Г. Эриксона (1932), поэму «Цыгань» и роман в стихах «Бегений Онегин» А. Пушкина, стихи А. Парниса, М. Лермонтова, И. Котляревского, «Песня о Гайавате» Г. Лонгфелло, сборники стихов К. Кулиева, С. Есенина (совместно с Р. Бородулинским), а также стихи русских и советских поэтов. *Лауреат Сталинской премии* (1946).

ПРОЩАЙ

Прощай, разбуженная сердцем, дорогая.
Так горько. Почему? Могу лишь сожалеть.
Мне это утро жаль, что в небе догорит,
И дней моих восход, которому алеть.

Ты помнишь первое несмелое признание?...
Над нами жаворонком цел и плакал май.
А завтра — грустное, туманное свиданье,
Суровый взгляд твой и целепо: «Прощай!»

Ушла любимая под гомон желтых сосен,
Ушла ты молча под колосьев спелых шум
Туда, где билось, не таясь, разноголосье
Моих страдальческих и одиноких дум.

Ушла за тихие, далекие просторы
Звездой прощальнойю, что гаснет в синеве.
Души отверженной горячие укоры
Слезой холодною застыли на траве.

Ушла, оставив мне рассветы и туманы,
Полынный запах неисхоженных дорог,
Чтобы минутную и боль, и горечь раны
Годами в сердце заглушить своим не мог.

Ушла и больше не вернешься ты, Олеся,
Прощай, смугляночка любимая, прощай.
Стою на росстанях* былых, а в поднебесье
Печальным жаворонком не смолкает май.

Прощай, разбуженная сердцем, дорогая.
Твой светлый образ в жизни долго мне нести.
Заря на утре дней моих печально догорит,
Чтоб на закате поздно вечером взойти.

1928

* *Росстани* — перекресток, перепутье. (*Прим. ред.*)

Нарушив все законы притяжения,
Планетами среди других планет
Мы существуем здесь как исключенье,
Моя любовь, — как свет и антивесет.

Мы никогда одной не ходим стезей,
Не делим хлеб и делим только соль,
Встречаешь ты мою печаль усмешкой,
Смущаешься, когда уходит боль.

Мои признанья ты приемлешь слабо,
И неприступен облик твой, и строг,
И мнится, повернись лишь я на запад,
Ты тут же повернешься на восток.

Но, видимо, земля бы оскудела,
И целый мир окутала бы мгла,
Когда б ты вдруг случайно улетела,
Исчезнув, величава и светла.

1962

376

Селое время с неизведанных дорог
Глядит на землю как на муравейник.
И кажется, возьмет серьезно веник
И выметет, как мусор, за порог.

Скажи мне, время, разум чей и слезы
Когда секирой грянут в тишине
Твоих лесов и по кругам на пне
Отметят годы соснам и березам?

Твоих столетий темные следы
Кто отобьет на мраморе суровом?
Кто делом подтвердит и верным словом,
Что благоденствуешь на свете ты?

И не властителем безлюдной эры —
Ходить ты будешь стариком слепым,
Пока для пущ и песен, и секиры
Мы возрождение не вдохнем.

1962

377

Цветка я не сорвал ни разу на природе
И ни одной звезды с небес не ухватил,
И как ни говорили бы в народе,
Любимой ничего не подарил.

Цветы пусть тешат очи нам на склонах,
Чтоб мы с тобой гуляли среди них —
Они увянут в хрустале граненом,
Как мы без солнца среди сцен немых.

Мир звезд далек: дорогой ехать конной —
Не век, не два, а сто веков вполне, —
Чтоб их достать, на корабле фотонном
Уже лететь не доведется мне.

Не выдержит душа дороги сложной,
Задохнет сердце — верный мой мотор,
Что пыль плотал, терзая бездорожье...
Прими его без звезд, цветов и зорь.

1962

378

И совесть людскую за гроши
Купили — пристойный товар.
Теперь она бедности может
В лицо глянуть, как самовар
Надменный, сверхважный, вельможный,
И славу, почет прикупить...
Одно она только не сможет —
Лишь честью непроданной быть.

1963

379

СОСНА И БЕРЕЗА

Без всяких подпор Землю подняли вмиг,
Без всякого троса,
Живыми руками кореньев своих
Сосна и береза.

От дыма до пара в горячих котлах
Судов, паровоза
Прошли они путь, невзирая на страх,
Сосна и береза.

Легла на их плечи тяжелой войны
Окопная проза:
Служила солдатам сосна — для труны,
Крестами — береза.

С торгующих кровью слетала порой
Надменная поза,
Когда перед ними вставали с петлёй
Сосна и береза.

Еще не придумал лекарьств человек
От новой угрозы,
И могут гробами закончить свой век
Сосна и береза.

Уже на людей, на весь мир короли
Глядят снова косо,
Носители смерти, чтоб вновь не росли
Сосна и береза.

Над ними ракетный разносится звук
И гул бомбовоза...
А что, если выпустят Землю из рук
Сосна и береза?

1968

Всему границы есть, конечно,
Смирись пред роком, не кляни
То, что приходит неизбежно
Во все дела твои и дни.

Плюю я на необходимость
И прорицателям скажу:
Что, если творчество — решимость
Нарушить всякую межу?

1978

Не спрячешь дней минувших горечь.
С тобой ушедшее давно
Не за плечами, не за морем —
Всегда с тобой живет оно.

Не забывается, как горе,
Твой каждый давний глухой шаг,
Как будто сделал только, вздор,
Его — случайно или так.

И если бы по воле властной
И силой собственной руки
Ты как с доски стереть мог классной
Своих опшибок тайники:

Печали, горечь, что не могут
Тебя покинуть, хоть скули,
Что так ли, иначе, от Бога
На плечи некогда легли.

И сердцем чутким жаждешь строже
Ты первозданной чистоты,
Однако в будущее с прошлым
Своим итти обязан ты.

И поздний чести суд священный
Напрасен — не избавит он
Тебя от темного мученья
На рубеже земных времен.

1978

ПЕПЕЛ

Под тяжким глиня давится камнем,
Гниет трава, не высушенная сеном,
И зарастают раны всех времен,
Где путь пролег широкой полосой, —
Но почему для пепла нет покоя,
Зачем печаль и слезы будит он?

Ужели горя на земле не вдоволь,
Что пепел тот молчаньем просит слова
У этих зданий новых черных дел?
Не проще было бы ему забыться
В дыму, из коего не возродиться
Былому миру, что в огне сгорел?

А пепел, пепел бьется в наши груди,
Он не остыл, и нет ему, не будет
Ни забытья, ни сна в земле сырой.
На землю он ложится, как бесчестье,
Напоминальем или же предвестьем, —
Ужель не слышишь ты тревоги той?

Он совесть нашу денно-нощно гложет,
А мы, кто ран былых забыть не может,
Стрясаем грозную с ботинок наших пыль
Не потому ль, что горький путь не кончен,
Что будущих боимся червоточин,
Остановить которых нету сил?

1978

КАРУСЕЛЬ

Где же, где вы, детства мои кони,
Поскакали без меня куда вы?
За спиной не слышится погони...
Где остановили бег стремглавый?

Серой, вороной, багровой масти —
Детства дорогого побратимы, —
Где исчезли вы с мечтой о счастье,
С седлами на спинах золотыми?

Что замолкла, битая дорога,
Что былые краски не играют
И копыта стертые былого
Из камней огня не высекают?

Ох, непредсказуемый, в зените
Мой табун! Мои родные кони, —
Вы из памяти, как прежде, выходите,
Вот он, сахар на моей ладони.

Фонари ночные светят всяко;
Продают пирожное из банки, —
Выплывают тенями из мрака
И уходят в темень вновь тачанки.

Бьют в тромбоны некие солдаты,
Гул толпы, всеобщее веселье, —
Не забыть мне детские обряды,
Искры, блеск и ритмы карусели.

Кони, кони, мощное стремленье,
Сроду не подвластное оковам:
Вечное не кончится горенье,
Не разбиться солнечным подковам!

Ухватиться б мне рукой за гриву,
На седло запрыгнуть без разгону
И лететь под музыку счастливо,
И кружиться б век неутомонно.

Чтобы все поплыло пред глазами —
И иной не хочется мне жребий!
Ты летишь над полем, над лесами
И над городами — просто в небо.

Просто в небо, что еще не знает
Катаклизмов, кои гибель сеют,
Где заря — одна, другая,
Словно в поле рожь, безмолвно зреют.

Кони масти вороной, мышастой,
Не теряйтесь, мчитесь чередою.
Задержись на миг, табун гривастый,
И скорей возьми меня с собою.

Проплывает мимо малолетство,
Кони рвутся, горячатся, скачут.
Карусели кружат — только детство
В стороне стоит мое и плачет.

1978

ВАЛЕНТИН ТАВЛАЙ

Валентин Павлович Тавлай родился 8 февраля 1914 г. в г. Барановичи. Детство провел на родине родителей, в д. Рудовка Слонимского района. Учился в Слонимской учительской семинарии (1925). С 1927 г. — ученик Виленской белорусской гимназии, откуда в 1929 г. исключен как один из организаторов ученической забастовки. В 1929 г. за подпольную комсомольскую деятельность арестован, сидел в слонимской, затем в гродненской тюрьме. В 1930-32 гг. в Минске: работал в газете «Звезда», учился в Белорусском государственном университете. В январе 1932 г. был отозван на подпольную работу в Западную Беларусь. В 1934 г. арестован при попытке перехода границы в Советскую Беларусь, сидел в виленской тюрьме Ларкишки, осужден на 8 лет заключения в гродненской тюрьме.

В 1939-41 гг. работал в лидской районной газете. В Великую Отечественную войну — связной партизанского отряда, разведчик спецгруппы. В 1944-45 гг. — ответственный секретарь новогрудской районной газеты, в 1945-47 гг. научный сотрудник и заместитель директора Литературного музея Я. Купалы в Минске. Умер 27 апреля 1947 г.

Печататься начал с 1928 г. Вышли сборники поэзии. Выступал как критик, публицист, занимался переводами.

390

ТОВАРИЩУ МОЕЙ ВЕСНЫ

Нашим путям не сойтись, вероятно,
моя дорогая:
Затонули они далеко — и один, и другой...
Ты узнаешь по песне, что в звонком огне

И весеннее сердце хранит
от тюремной печали глухой.
Без меня, молодая, иди, —
пусть березы над нами не плечут

И слезинки свои не роняют на белую грудь,
Разве можно тужить, что дороги уходят иначе
В бесконечный простор,
поделив боль души как-нибудь?

Распрощался со многим, с весной,
но нельзя только с нашей.
Как, скажи, без нее мне дожить

до последних минут?
Помню: встретили как-то с тобой
мы шиповник опавший,
Но глаза расцвели, вспыхнув красками,
как изумруд.

391

Хоть шиповник отцвел — и давно, —
но осталась непрошено радость:
Лепестки сохраняют полуценный
цвет хрусталя,
Пронесу через жизнь,
неподвластно ни бурям, ни граду,
Чтобы сердце теплее, приветливо
зрели поля.

А как стежка моя за высокой стеной
оборвется,
На решетках крылом опадет
окровавленный флаг,
Ты взгляни, дорогая, тепло, если вдруг
доведется,
С приграничной дороги весны —
на метелистый шлах...

Будет песня, как жаворонок,
звенеть над полями,
Прилетит и к тебе — сироту ты прими
веселей...

Теплой пахарской щедрой ладонью
мы жизнь разбросали,
Чтобы вёсны цвели для людей
и на этой несчастной земле.

1936

392

АНТОН БЕЛЕВИЧ

Антон Петрович Белевич родился 27 мая 1914 г. в д. Дубровка Узденского района Минской области в крестьянской семье. Учился в Могилевском институте политпросвещения (1933-35). Работал в газетах. В годы Великой Отечественной войны участвовал в партизанском движении. С 1945 г. работал снова в газетах. Член СП СССР с 1943 г. Награжден орденами и медалями. Умер 11 апреля 1978 г.

Печатался с 1937 г. Автор сборников поэзии, книги стихов и поэм для детей. На белорусский язык перевел отдельные произведения А. Мицкевича и др.

МОТЫЛИ

Вдруг на веранде застекленной
Как будто стены расцвели:
То желтый цвет,
То цвет зеленый, —
То мотыли все,
Мотыли.
И всё летели,
Всё летели.

393

Вот так бы мы с тобой хотели
Лететь в поля родной земли,
Как мотыли,
Как мотыли.

Ловлю и глажу я рукою
И грею руку на крыле...
А это вышитый тобою
С иссиня-красною каймою
Мотыль крылатый на столе.

1943

ИЗНАЧАЛЬНОЕ

Как волк умирает? Задача...
Где место себе выбирает?
Я слышал, волчица как плачет,
Когда ее друг умирает.

Печально завоет волчица,
И жалость ответит дубровой:
— Мне б костью самой подавиться,
Иль конской железной подковой?

А был же ты самый пригожий:
Клыкастый, поджарый, глазастый.
Поднимешься все-таки, может,
Кормилец потомства лобастых.

А кто же теперь им поможет?
У них только кости да шкура...

Известно, я не был встревожен,
Не знаю, что было в натуре.
Да только почувствовал все же
Любви и природы великие бури!

1968

Масей Ларионович Седнев родился 1 сентября 1915 г. в д. Мокрое на Могилевщине в крестьянской семье. Учился в Мстиславльском педагогическом техникуме (1930-32), Минском пединституте, в 1936 г. был арестован. В августе 1940 г. с Кольмы был привезен в Минск на пересмотр дела, из тюрьмы, однако, был освобожден из-за военной неразберихи в июне 1941 г. Некоторое время жил в родной деревне, в 1943 г. выехал в Белосток, а затем в Берлин, учительствовал в белорусской гимназии в Михельсдорфе. В 1950 г. эмигрировал в США, где преподавал русский язык в одном из университетов штата Индиана. В 1969-83 гг. работал на радиостанции «Свобода» (Мюнхен, ФРГ). Живет в США.

Печатается с 1933 г. За границей издал сборники стихов. Автор двух романов, пишет литературно-критические статьи, воспоминания. На белорусский язык перевел отдельные произведения Гете, плач Ярославны из «Слова о полку Игореве».

ЕДИНСТВО КРАСОТЫ

Мир наш богат не только словом.
В нем много красок и примет.
И в ярком блеске солнца огневого
Единством красоты чарует свет.

Растут зеленым морем травы,
А после бурь такая тишина!
И солнца огненная лава
Несет в руках алмазы дня.

Как мудрость вечная столетий,
Путь освещает на ветрах.
Глаза зажуришь над планетой —
И свет звенит тогда в ушах.

Земля летит. И ноет тело.
С землей плывешь, как в забытии.
Моя душа и не имела
Такого счастья в житии.

Как бы родился вновь ты. Ясность
И глубина небес, и пышный цвет.
Все в мире радостно, прекрасно —
Единством красоты так манит свет.

КРАСАВИЦА

Всегда стоишь ты предо мною,
Всегда перед тобою я.
Заполнена душа тобою,
Мой бог, красавица моя.

Сказать тебе о том не смею,
Пугаюсь правды простоты.
И почему стою, немею
Перед тобой — не знаешь ты.

И только сопереживанья
Дают тебе об этом знать.
И пусть, и пусть, я рад — признание
Души не может рассказать.

Как ветви вешней вербы скромной
Сказать не могут, отчего
Стремятся к солнцу неуемно,
Любя луч ласковый его.

Я рад, что ты всегда со мною,
Что пред тобою вечно я,
Что ощущаю я душою
Тебя, красавица моя.

1936

398

Тебя я вспомнил, и душою
Воспрянул в радости немой:
Своею дивной красотой
Воскресла ты передо мной.

Тебя я сердцем ощущаю,
И ты в нем — вечною весной.
Тобой томлюсь, тебя желаю,
Тебе покою я лишь одной.

В любовных вырос я страданиях,
Познал и жизнь, и счастье — всё.
Мои глухие воздыханья,
Как сон, ушли в небытие.

Я рад, что в счастье изнываю,
Что сердце мне волнуется жар.
И как могу, благословляю
Любви ниспосланный мне дар.

1936

399

КАК МОЛИТВА

Прошла и не заметила, как жрица.
Ты проходи, не злюсь я — Бог с тобой.
Когда бы мог, я мог бы заступиться
Пред Небом за тебя с великою мольбой.

С мольбою тихой, откровенной, детской,
что шепчут искренне уста в ночи.
Они, дрожащие эстетски,
Не могут победить, как ни кричи.

Не знаешь ты, какая это сладость —
Мне думать о тебе, вынашивать мечты.
Шепчу молитвы я, но жаль изрядно:
Их слышит Бог, но все ж не слышишь ты.

А что, когда б Он мог свершить их честно...
И ночь всю сквозь и сон, и тишь
Во глубине души печальной песней,
Как звон стихающий, ты все звенишь.

ВИДЕНИЕ РОДИНЫ

Как только песнею своей зайдусь я,
И Родина вдруг в сердце хлынет мне,
Легко становится от странной грусти —
Не наяву я словно, а во сне.

Издалека мелькает мне жар-птицей,
Как сыну в чуждальной стороне.
Иду как сквозь туман, хочу пробиться,
Но сам не знаю, я ли это, нет.

Я останавливаюсь, жду, но нет привста.
Спешу, бегу, хоть ноги колют сорняки...
Ведь нет милей изгнаннику-поэту,
Чем образ твой, далекий до тоски.

1959

В просторах появятся синих
И молится всем святым,
И голос ее несильный
Доносится эхом пустым.

Река начинает всхлипывать
И волнами бить через край.
Боюсь я, что брошется в Припять
Моя Лорелей.

1983

распятый христос

Тревога охватила вдруг сегодня:
Как может человек веками
Глядеть на разможенные ладони,
Пробитые насквозь гвоздями,

И мимо проходить, как дети?
А Он с закрытыми глазами,
Распятый на кресте, через столетия
Кровавится все перед нами.

На муки посмотрите в изумлении
И на лицо в терпенье неземном:
К кресту жестоко пригвожденный
О чем Он думает, о ком?

Как истинно виновный из виновных,
Не может мук Он позабыть позорных,
Он, кто лечил слепых и прокаженных,
Он, кто воскрес из мертвых.

...Почтительно пришел сегодня
Не ран Твоих коснуться я руками,
А тихо целовать ладони,
Пробитые насквозь гвоздями.

1983

Хотел бы взять теперь я посох,
Пойти долинами, лесами.
Хотел бы, все забыв, по росам
Бродяжничать до смерти самой.

Я б не был там, где ветер свищет, —
Зашел бы в пущи Беловежья,
И на костре готовил пищу,
И жил привольно, безмятежно.

Пройдя звериною тропюю,
Преодолел бы все невзгоды.
Я б восхищался дивною игрою
Неумирающей природы.

Нашел бы я успокоенье,
От хаоса отринутый земного.
Другое б я познал ученье —
И больше ничего, ей-богу.

406

НОЧЬЮ НА БАЛКОНЕ

Кружится в небе звездный хоровод,
Дрожит, переливается в смятеньи.
Смотрю я молча на всемирный ход,
Грущу о чем-то в вечном удивленьи.

Сижу один. Пустыни темной гладь
Глядит слепыми на меня очами.
Ее любовью силой не сдержать,
Просить о помощи бессмысленно веками.

В испуге некоем глухом
Себя я спрашиваю: где я?
В каком я мире — добром или плохом,
И есть ли тут надежда на спасенье?

День промелькнул, другой уйдет, звеня.
Я — только гость на этом белом свете.
Ничто тут не доходит до меня —
Сижу один. Один на всей планете.

1983

407

Ни совершить, ни взять, ни разгадать:
Что быть должно — давно промчалось.
Мне ничего другого не осталось, —
Как только боль стихам своим вверять,

Живу печально день-деньской,
Тоской о том, что не сбывалось.
Мне ничего другого не осталось, —
Как только быть разочарованным собой.

Отмеченный судьбой эпохи, я
С эпохою не сросся ни на малость.
Мне ничего другого не осталось, —
Как только жить своим ничтожным «я».

Без радости и без любви прожить
Печальнее, чем увяданья жалость.
Мне ничего другого не осталось, —
Как только век свой завершить.

1984

408

ОКЕАН И НЕБО

Великой кармой, непослушно-странный,
В момент какой-то он, велеречивый,
Когда-то небом был наказан бранно
На землю брошен в бешеном разливе.

Гоняет волны океан свои и пенит —
Мы вздохи слушаем его глухие.
И в непокорности своей, в бореньи
Он стал совсем особою стихией.

Живет своей особою судьбою
И мир воспринимает слепо...
Взбешенный жуткою враждою,
Он мстью отвечает небу.

Как ни вздымается он грозно
Как ни стремится взбунтоваться,
Волною до небес нервной
Не может все-таки подняться.

И небо изначально, от веков
Со всей непобедимостью своею,
Раскинувшись над ним без берегов,
Склоняется к нему, голубизну лелея.

1984

409

ПОЗНАНИЕ БОГА

Когда за мною закрылись двери
Тюрьмы, душой я занемог
И всей сердечной силой верить
Я стал, что есть на свете Бог.

Огонь живой, огонь священный
Мне веру влил, познать помог,
Что всем земным и всем надземным
Владеет вечно только Бог.

Пусть мне Господь великодушно
Простит, что верить я не мог.
Так было!.. Но теперь, послушный,
Тебе я кланяюсь, мой Бог.

Карай меня за все химеры
Лишь дай взглянуть на Твой порог.
Хоть жизнь возьми, я свято верю
Тебе, могущественный Бог.

1989

410

МИХАСЬ КАЛАЧИНСКИЙ

Михась (Михаил Иванович) Калачинский родился 12 января 1917 г. в пос. Крутки Минской обл. в крестьянской семье. Окончил курсы при Коммунистическом институте журналистики (1936). Участник советско-финляндской войны 1939-40 гг., в Великую Отечественную войну — армейский журналист. В 1954 — 1958 гг. — ответственный секретарь, в 1958-60 гг. — заместитель председателя Союза писателей БССР, в 1960-78 гг. главный редактор журнала «Беларусь». Награжден орденами и медалями. Заслуженный работник культуры БССР (1974). Умер 10 августа 1990 г.

Печатался с 1932 г. Автор поэтических сборников, книг для детей. Переводил стихи русских и советских поэтов. Вышли избранные произведения (1971, 1982).

ВЕРНОСТЬ

Расставанье.
Дальняя дорога
В горизонт бескрайний пошла.
Ты в поход дала совсем немного:
С иголкой иголку принесла.

411

Я беру их.

Прячу обиходно.

Будут у меня они лежать.

И тебя, как песню, в час походный

Буду непременно вспоминать.

Отдала.

Зарделась вся до челки

И без слез сказала на ходу:

— За тобой, как нитка за иголкой,

Я по свету до конца пройду!

1938

ХОРОНИЛИ УБИТЫХ

К ночи хоронили убитых,
Чуть бой рукопашный затих.
У свежей могилы на плитах
Собрались товарищи их.

Живые сошлись побратимы
И все боевые друзья:
Озера, леса в паутине
И небо — большая семья.

Взглянул я в печали и гнев
На горный замшелый самшит,
Пробитое лето на древе
Висело, рыдало навзрыд.

— Скажите, что это такое?

— Леса провожают героев.

И взгляд свой тогда перевел я
На пики гранитные Псоу.

Обильно окропленный кровью,
Дымился обугленный дол.

— Скажите, что это такое?
— Друзья провожают героев.
На наших из третьей я роты
Невидимо взгляд перенес.
Они почернели от пота,
Но, в общем-то, не было слез.

Ночь близилась грустно и трудно,
И в сумерки солнце зашло.
Бойцы ожидали салюта —
Патронов у нас не нашлось.
1942

НИМЕН ПАНЧЕНКО

Пимен Емельянович Панченко родился 23 августа 1917 г. в Таллине, куда родители на бедные белорусские крестьяне, выехали на заработки. В 1920 г. вернулся в Беларусь. Окончил педагогические курсы в Бобруйске (1934), Минский учительский институт (1939). С 1939—1946 гг. — в рядах Советской Армии как специальный корреспондент. С 1946 г. работал в ряде газет и журналов. Главный редактор журналов «Советская Отчизна» (1954–58), «Маладосць» (1958–66). В 1966–71 гг. — секретарь правления Союза писателей БССР.

Начал печататься с 1934 г. Член СП СССР с 1938 г. Автор сборников поэзии. Народный поэт БССР (1973). Награжден орденами и медалями. Умер 10 августа 1990 г.

Лауреат Литературной премии им. Я. Купалы (1959), Государственной премии БССР им. Я. Купалы (1968), Государственной премии СССР (1981). Выступал как критик, публицист, переводчик.

Леса нырнули в тучи серые,
Закрыв листвою птенцов, бельчат,
А ты смеялась и не верила,
Что будет дождь, что будет град.

Все глубже шла ты в лес обманчивый
И за собой меня вела,
Улыбку прятала заманчиво,
И дивно искренней была.

А гром гремел уже раскованно
Над каждой елью и сосной.
Ты прошептала мне взволнованно:
«Что делать нам, хорощий мой?»

И ель, размашистая, темная
К себе хитро манила нас.
Я очи темные бездонные
Так близко встретил в первый раз.

Завесили нас ливни белые,
Пропало все, нависла тьма.
Ко мне обычно ты несмелая
Прижалась тесно вдруг сама.

Деревья гнулись многорукие,
Гром сотрясал небес простор,
Сердца им бились в лад упругие,
От молний заходился бор...

Стихи, друзья — все отдал в жертву я,
Но сберегу, как вещей сон,
Горячих уст желанье первое
И ели запах, ливня звон.

ПУТЕШЕСТВИЕ В НЕНАВИСТЬ

(Отрывок из поэмы)

4 Земля белорусская, кем ты назначена
Ареную быть беспощадных боев?
Державы могучие вечно корячились
На наших просторах полей и лесов.
Огнем и костями, кровью алой, железом,
Все земли удобрены войнами их.
Со всех сторон света солдаты к нам лезли,
Мечтая полечь на песках золотых.
А сколько землицы снарядами вздыблено,
Засыпано прахом безвестных имен!
Скажи мне, Отчизна, ужели ты избрана
Погостом остаться для вражьих племен?
Кроваво набухли дубравы и травы,
На небе пылают кровавые зори.
Земля дорогая! Имеешь ты право
На большее счастье, на меньшее горе.
Я знаю прекрасно, чего же ты хочешь.
От первой мелодии над колыбелью,
От первого лучика, что глянул в очи,
Я ведаю все до конца, безраздельно.

Нам щедро б кидать удобрения в почву,
От края до края чтоб был урожай,
Дворцы возводить до небес правомочно,
Поэмы творить и детей бы рожать...
Да вновь топчут нас сапоги чужеродные.
Орда навалилась. Начало войны
Отважно встречали и в первых же ротах мы
Твои, Беларусь, молодые сыны.
Мы честно и твердо захватчиков встретили.
Покуда отходят полки на восток, —
Мы держимся час, и второй, да и третий, —
лишь

Сдержать бы врага, хоть еще на чуток...
Дымится луга. Грохот не умолкает,
И режет глаза пересоленный пот,
И ненависть Родины жестко встречает
Тебя, мой ровесник и мой антипод.
Не стонут, не плачут, не кличут сестер тут
Бойцы, умирая от боли и ран.
Залитую кровью своей гимнастерку
Снимает израненный наш капитан.
И бьется он снова с отвагой удвоенной,
Мой друг и начальник — комбат боевой.
Да мало патронов, и падают воины.
На десять убитых — один лишь живой.
А немцы заходят и в тыл, и на фланги...
Тесней становись, дорогие братки!
Последние капли из вышитой фляги
Дошьем и примкнем мы к винтовкам шттики.

Враги понимают: их силы слабеют.
Со знаменем

В рост

И в атаку на нас.
Затихли совсем за рекой батареи.
Пришел, видно, смертный, товарищи, час.
Спокойно комбат наш в рубашке кровавой
На бруствер залез, крикнул зычно: «За мной!»
Веди, капитан, нас на смерть и на славу
В последний, святой и решительный бой!

1943-1944

СХЕМА ЖИЗНИ

Тяжко работаем. Грустно мечтаем.
Век догоняем. Героями ходим.
Тучей чернеем. Солнцем сияем.
Что-то теряем. Что-то находим.

Любим безумно. От счастья заходимся.
Рады, как черти. Как люди, рискуем.
Ссоримся. Миримся. Глупо расходимся.
Дней не хватает. Месяцы губим.

Любим детей. Потакаем им. Тешимся.
Радуют дети, пугают и трогают.
Бухнет беда — от отчаянья хоть вешайся.
Ну и наследники! Ахаем, охаем.

Верим с пеленок, что лучшее сбудется.
Опыт отцов, как всегда, забываем.
Плачем. Смеемся. Клянемся и судимся.
Где-то нагадим. Не убираем.

Шутим с иронией. Злобно любуем.
Губим способности. Хитрости точим.
Жен забываем. Жен и ревнуем.
Хвалим кого-то. Кого-то мы топчем.

Грозно орем. С ерундой соглашаемся.
И голосуем. И протестуем.
То обнимаемся с другом, то лаемся.
Гроши считаем и тару пустую.

Не замечаем. Чутко заботимся.
И вспоминаем. И забываем.
Быстро возносимся. Катимся. Молимся.
Что-то умеем. Что-то сбываем.

Строим мы планы. И машем рукою.
Редко бушуем. Тихо сгораем.
Жаждем покоя. Не видим покоя.
Молча бодем. И умираем.

ПОСЛЕДНЯЯ ВЕЧЕРНЯ

Трудись всю жизнь.

Трудись скотиной,

Пока не стукнет шестьдесят.

Все делай круто, как мужчина,

Что приготовился в десант.

Не кулаком решать старайся,

Умей свой норов показать,

И соловьем не разливайся,

Коль людям нечего сказать.

Детей люби — они, как солнце.

Жену напрасно не грызи,

Не будь коллегам крестоносцем

И мстью людям не грози.

Ищи всегда свою дорогу,

Ищи себя, ищи без слов

И честь, и славу, даже Бога,

А не расхваленных божков.

Когда ж минует шесть десятков,
И все не сделано в свой час,
Уже не будет славы сладкой,
Не будет ничего у вас.

Я не зануда-проповедник
И для души рай не прошу.
Я сам себе служу обедню,
Сам и вечерню отслужу.

МИКОЛА СУРНАЧЕВ

Микола (Николай Николаевич) Сурначев родился в 1917 г. в д. Слобода Рогачевского района Гомельской области. Учился в Гомельском (1937-1939) и Минском (1939-1941) педагогических институтах. Работал в газетах. С 1941 г. — в Красной Армии, участвовал в обороне Кавказа, в освобождении Беларуси и Польши. Погиб 20 апреля 1945 г. под Берлином.

Печататься начал в 1933 г. Вышли сборники поэзии (1946, 1959, 1986).

День ото дня вели шляхи
Из края в край желанный.
От старой дедовской стрехи
До мазанок, яранги.

От сел и заливных лугов
До сжатых нив дождливых,
Везде был принят как родной
Веселый и счастливый.

На Волге я из-под весла
Смех слыхивал девичий,
То мне Кахетия несла
Вино и мед отличный.

Где виноград на землю свис
И шепчет непривычно,
Несла, больному мне, кумыс
Чернявая қалмычка.

То на уральский малахит
Не мог я надивиться,
То рядом плакала навзрыд
Полтавская криница.

Казачка теплым молоком
И хлебом угощала
И смело зазывала в дом,
Как сына, обнимала.

Но только, где б ни воевал,
Где б ни лежал в траншее,
Таких лугов я не видал,
Как на родимых землях.

Таких рассветов и криниц,
Крутых ви́ров и плесов,
Таких закатов и зарниц,
Таких берез и сосен

Я не нашел, как ни бродил
По свету одиноко,
И долго мой напев грустил
О Родине далекой.

1944

АЛЕСЬ БАЧИЛА

Алесь (Александр Николаевич) Бачила родился 2 апреля 1918 г. в д. Лешиница Пузтовского района Минской области в крестьянской семье. В 1934 г. окончил Белорусский педагогический техникум, преподавал белорусский язык и литературу в сельских школах на Минщине. Заочно окончил Минский преподавательский институт (1939). 1939-1945 гг. — в Красной Армии. После войны работал в газетах, редактором Государственного издательства БССР. В 1957-1972 гг. — ответственный секретарь журнала «Полымя», в 1972-1978 гг. — старший редактор Государственного издательства. Член СП СССР с 1946 г. Награжден орденом Отечественной войны II степени, Красной Звезды, «Знак Почета», Дружбы народов и медалями. Заслуженный деятель культуры Белорусской ССР (1967). Умер 3 апреля 1983 г.

Первое стихотворение напечатал в 1934 г. Вышли сборники поэзии, книжка стихов для детей (1981). В 1978 г. вышли «Избранные произведения» в 2-х томах, в 1986-1987 гг. — «Сборник произведений» в 3-х томах. Автор либретто опер. Перевел на белорусский язык «Тараса Бульбу» Н. Гоголя (совместно с Н. Последовичем), «Брестскую крепость» С. Смирнова, «Золотой ключик, или Приклю-

чения Буратино» А. Толстого, а также отдельные произведения русских, украинских и латышских писателей.

ПЕРЕДНИЙ КРАЙ

Траншей, окопов — их немало
Мы закопали по ночам...

Когда-то девушки тут рвали
Цветы, гуляя по лугам.

Настух берестяной свирелью
Поля поутру оживлял,
А поздно вечером в шинели
Туманной пряталась земля.

И новый день свой рано-рано
Встречали роши, словно май.
Теперь тут минами изранен,
В колючей проволоке рваной
Грохочущий передний край.

Друзья тут наши умирали
От вражьих пуль и взрывов мин,
Когда атаки отбивали
По десять раз за день один.

Хоть достает однообразность
Обстрелов грозных, ну так что ж?
Ты здесь со всеми несуразно
Войной суровою живешь.

Тут блиндажи — твои хоромы,
А сон ночной в землянке — рай.
И стал давно родимым домом
Тобой освоенный, знакомый,
Изрытый весь передний край.

1944

Отчизна моя дорогая,
Ты в счастье желанном живи:
Я сердцем тебе присягаю
В безмерной сыновней любви.

На реках, на стройках и нивах,
И ночью, и днем, и в восход, —
Работает всюду красиво
Великий советский народ.

Гляжу я — земля расцветает,
И песни творят волшебство:
Мне лучше родимого края
Нет в мире во всем ничего.

Чужого не надо нам хлеба.
Желанья у всех нас одни:
Хотим, чтобы мирное небо
Не знало пожаров войны.

Мы дружбы великой желаем
И верной сыновней любви.
Отчизна моя дорогая!
Красуйся и в счастье живи!

1950

ДАРИТЕ ТЮЛЬПАНЫ

Вослед смотрю влюбленным неспрестанно...
Счастливые! Вы дарите тюльпаны!

Я не дарил — и не моя вина...
Мои тюльпаны раздала война...

И не на радость, не на счастье милым,
А братским неоплаканным могилам.

Слеза дрожит на веках — не забыть —
Таких букетов век бы не дарить.

И хоть не раз напомнят болью раны, —
Прошу: дарите алые тюльпаны.

Дарите милым — пусть ни явь, ни сны
Им никогда не принесут войны.

1964

КАСТУСЬ КИРИЕНКО

Кастусь (Константин Тихонович) Кириенко родился 12 декабря 1918 г. в д. Гайшин Славгородского района Могилевской области в крестьянской семье. Окончил литературный факультет Гомельского педагогического института (1940). Участник Великой Отечественной войны. В послевоенное время — на журналистской работе: главный редактор журнала «Полынь» (1972-88 гг.). Заслуженный деятель культуры Белорусской ССР (1970). Умер 15 сентября 1988 г.

Начал печататься в 1939 г. Член СП СССР с 1943 г. Автор сборников лирики, поэтических книг для детей. В 1969 и 1978 гг. вышли избранные произведения в 2-х томах. Автор ряда сборников прозы и публицистики, занимался переводами.

Лауреат Литературной премии им. Я. Купалы и Государственной премии БССР им. Я. Купалы.

От углей пожары прикуривали,
Чай кипятили в касках.
И пели с глазами хмурыми
О нивах своих и хатках.

431

Завидовали даже раненым,
Желали им радости всякой.
Поутру росами ранними
Отважно ходили в атаку.

Водою и хлебом завтракали,
Заряды таскали с любовью.
Стреляли в заката зарево,
Тревожась, когда нет боя.

Над братской могилой печальной
Глотали слезы сурово,
И тяжко — как птицы в свой дальний
Путь — поспешали снова.

На пашнях, где буря пела нам,
Искали такие дороги,
Чтоб только остались целыми
И сердце, и руки, и ноги.

Но видели после баталей,
Что жив еще враг, не в могиле.
И тут же привычно, устало
Старательно порох сушили.

И вновь от костров прикуривали,
По отчим тужили хатам,
И двигались в мир манкуртовый
Великой земли солдаты.

Из Орши, Москвы и Кирова,
Черниговские и донские,
Помянут которых, дублируя,
И Вильнюс, и Минск, и Киев.

И, видно, люблю силою
Их не сдержать неожиданной,
Пока за Отчизну милую
Сердца болеть не устанут.

И так эта боль бесконечна,
Что век им не знать покоя,
Под солнцем шагать им вечно
По грозному кличу: «К бою!»

1944

БЕЛАЯ ЧАЙКА

Принепилась вдруг белая чайка и жлет:
Не успею заснуть, — а она надо мною,
Кружит, кружит — то острым крылом
черканет,
То кипящей волны област белизною.

И кричит так печально, кричит каждый раз!
И глядит, и глядит. Только взгляд —
диловатый.
Словно таинственный известен ей сказ.
Словно я перед ней в чем-то стал виноватым.

Просыпаюсь, подолгу лежу в тишине.
Чайка кружит и кружит, ожидая ответа.
Или птица мятежная чужится мне?
Или совесть моя просто мучится где-то?

Мне тревожно. Ни ночью, ни днем
Нет покоя душе. Что ж не спится?
Никого не обидел, не жег я огнем,
Никогда не убил ни единой я птицы...

Так откуда ж ты, чайка? Откуда и чья?
Ты чего ожидаешь? — скажи, если можно...
...А быть может, ты только тревога моя,
Та, с которой расстался я неосторожно?

Может быть, ты заметила в песнях моих
Слишком много печали и много покоя?
И, простив мне, пришла, чтобы сызнова в них
Зазвенела струна — боль за счастье людское?

Чайка не отвечает.... А я не могу
Жить так дальше, как жил, —
чтобы чинно и сонно...
Словно кто-то, собрав грусть, стибает в дугу
И несет в мое сердце — днем и ночью
бездонной.

Зов тревожный в ушах поселился и жлет,
И признаюсь я вам без утайки:
Только очи сомкну — вновь крылом

черканет,
Вновь кричит над душой совесть —
белая чайка.

1961

АВЕРЬЯН ДЕРУЖИНСКИЙ

Аверьян Сафонович Деружинский родился 10 июля 1919 г. в д. Хлевно Кормянского района Гомельской области в крестьянской семье. Окончил Могилевский газетный техникум (1937), затем Коммунистический институт журналистики в Минске (1941). Во время Великой Отечественной войны работал корреспондентом. После войны занимался журналистской и издательской работой. Член СП СССР с 1964 г. Награжден медалью.

Печатается с 1939 г. Вышли сборники лирики, несколько книжек стихов для детей. Многие стихи поэта положены на музыку.

ЧТОБ СЕРДЦЕ ВСКОЛЫХНУТЬ

Хотелось мне поговорить с тобою,
И на тебя, прелестная, взглянуть,
Да, видно, ты не хочешь быть со мною, —
Не мог твое я сердце всколыхнуть.

Смотрю давно, как вечер догорает,
На танцы в клуб влюбленные идут.
Одной тебя не видно, дорогая,
Не мог твое я сердце всколыхнуть.

Готов, что есть в мечтах,
свершить безвестно —
Умчаться к звездам, мир перевернуть,
Чтоб ты была всегда со мной, как песня,
Чтобы твое мне сердце всколыхнуть.

1953

ЧАРОВНИЦА

Вплетены дивчине в косы
Ленточки лиловые,
Ее брови — смоль, а очи —
Васильки беловые.

На меня взглянула только —
И застыл без слова я:
Сердце враз заворожил
Васильки беловые.

С той поры — где ни бываю, —
За рекой, дубровою, —
Не дают нигде покоя
Васильки беловые.

Явно видно, чаровница,
Что попал в оковы я —
Мое сердце полонили
Васильки беловые.

1954

МИКОЛА АВРАМЧИК

Микола (Николай Яковлевич) Аврамчик родился 14 января 1920 г. в д. Плесь Бобруйского района Могилевской области в крестьянской семье. В 1938 г. поступил на филологический факультет Минского педагогического института им. М. Горького, одновременно работал в редакции газеты. Во время Великой Отечественной войны участвовал в боях на Северо-Западном и Волховском фронтах. В июне 1942 г. при окружении на Волховском фронте попал в плен. Был освобожден из фашистского концлагеря в апреле 1945 г. В 1949 г. окончил филологический факультет Белорусского государственного университета. Член СП СССР с 1947 г. Заслуженный работник культуры БССР. В 1953-80 гг. — редактор отдела поэзии в журнале «Малодосць». Лауреат Литературной премии им. Янки Купалы. Награжден орденами и медалями. Заслуженный работник культуры БССР (1980).

Печатается с 1937 г. Автор сборников поэзии, занимался переводами. Вышли избранные произведения в 2-х томах (1980).

Вот они, привольные просторы,
Край родимый испокон веков!...
Бесконечное ржаное море
Чуть не хлынет на большак с боков.

И над обелисками-столбами
Дуб огромный с гордой головой,
Молниями битый и громами,
Смотрится, как строгий часовой.

А как утро петушиным пеньем
Огласится с солнышком всегда,
Озирать бескрайние владенья
Аист вылетает из гнезда.

Девушка омоет босы ноги
Луговой блестящею росой,
Ледяной воды журавль проглотит
И курлычет звонко над рекой.

Если видел ты, как полыхает
Синим пламенем сирень у хат,
Отчего вдруг сполохи мелькают
В стеклах окон и в глазах девчат;

440

Как кипит перед началом лета
Цветень перегретая садов,
Розовою пеной с белоцветом
Окропляет разомлевший дол;

Если знал, как соловьи тут хором,
Восторгаясь от такой красоты,
Полоскают после пеня горло
Каплями серебряной росы;

Если вечером, когда закат растает,
Чувствовал ты сердцем молодых,
Как любовь тут в душах созревает,
А в садах — душистые плоды;

Если ощущал, как вечно ново,
Озаряя до вершин леса,
Негасимым пламенем лиловым
Вереск отражает небеса;

И когда не днями, а годами
Впитывал, всему благоволя,
Как тут хлебом, медом и грибами
Пахнет наша щедрая земля, —

То тогда поймешь ты, человеке,
Почему не жить мне без нее,
Без родимой Беларуси вечной,
О которой вся душа поет!

1958

441

РЯБИНОВАЯ НОЧЬ

Гроза неумолимо зреет
Среди иссохшей черноты...
Зарницы буйствуют, светлеют,
Мрак вытесняя с высоты.

А в белом тень в большой тревоге
Во мгле окна дрожит ночной —
Любимый где-то все в дороге,
Прошла бы буря стороной.

Заволновалась тень желанно:
За дождевою дробью вслед
Возник при свете молний странных
Его знакомый силуэт.

Липо дыханье осушает.
От теплоты взаимной их,
И на одежде исчезают
Остатки капель дождевых.

Под громы молний и сверканье
В ту ночь рябиновую им
Весь мир очищенным предстанет,
Омытый ливнем огненным.

1975

ПЕТРО ПРИХОДЬКО

Петро (Петр Федорович) Приходько родился 25 февраля 1920 г. в д. Альшов Хотимского района Могилевской области в крестьянской семье. Окончил Могилевскую государственную партийную школу (1938), Высшие литературные курсы при СП СССР в Москве (1956). Участник Великой Отечественной войны. Работал в редакциях газет и журналов, с 1967 г. в издательстве «Беларусь», в 1972-80 гг. в издательстве «Мастацкая літаратура». Член СП СССР с 1947 г.

Печатается с 1936 г. Автор сборников стихов и поэм. Переводит поэзию народов разных стран. Лауреат Литературной премии им. А. Кулешиова (1985).

Я хочу написать твой портрет,
Прославлять тебя песнями так,
Как не смог ни один бы поэт,
Ни художник-мастак.

И пойдут от портрета лучи,
Разольется очей твоих синь,
Затоскует тогда, загрустит
По тебе не один.

443

Если спросят, кто этот портрет
Написал, кто воспел тебя так,
Ты скажи, что писал не поэт,
Не художник-мастак.

Ты им искренне правду скажи,
Что обычным солдатом я был,
Что одною тобою я жил,
Просто сильно любил.

1948-1950

444

Присядь со мной, дружище, покури.
Еще часок есть отдохнуть до боя,
Я буду охранять твой сон, и до зари
Заснуть я не смогу такой порою.

С любимой своею такою порой
Я попрощался. С часа расставанья
Волшебный ношу я образ с собой,
Ношу печаль любви и ожидания.

Письмо ты мне прислать не позабыла.
Поведала надежды, думы, сны.
В конце спросила: «Голубь сизокрылый,
Скажи, когда вернешься ты с войны?»

Но что сказать, ответить дорогой,
Откуда знать мне, где конец всем лихам?
Я знаю точно: скоро будет бой,
А перед боем тут пока что тихо.

445

Ночь опускается на рубежи,
Звезда упала, низко полетела...
А вот моя любимая бежит
С косою черной, в сарафане белом...

Что это там гудит, гремит над головой?
Что ей мешает добежать ко мне?
— Эй, эй, боец!
Проснись! Начался бой!

Земля в огне...

1943-1945

446

Ты прекрасной мне кажешься просто,
Самой искренней из людей.
Нас теперь разделяют версты,
Но ты ближе мне всех и родней.

Ты в трудах ежедневно со мною,
Ты и в сердце моем, как цветы.
Если песню пою — всей душою
Я хочу, чтоб услышала ты.

Не скажу, что люблю и страдаю,
И легко ли в разлуке мне жить,
Но я знаю — с тобой, с нашим краем
Даль не может меня разлучить.

1953-1955

447

Не ходил я с тобой по дорожке одной,
Когда вьюга мела.
От дороги моей — полосы фронтовой
Далеко ты была.

Много было в походах отважных бойцов,
Многих я уважал.
О тебе же до самых последних часов
Ничего я не знал.

Надо мной прошумело немало ветров,
Но я понял, любя,
Что меж лучших друзей и моих земляков
Не хватает тебя.

1957-1960

448

МАМАЕВ КУРГАН

Я от бора-партизана,
Где и Буг, и Друть бегут,
Вновь принес поклон кургану,
Что Мамаевым зовут.

Под морозным лютым ветром
Ты восходишь на курган.
Лег на сотни километров
Степи снежный океан.

Вспомним снова, как стояли
Здесь солдатские фронты,
Ни на шаг не отступали
С легендарной высоты.

Как вставало на востоке
В мраке зарево зари.
Сталинград вошел глубоко
В наши пуши и боры.

Каждый дом пробит снарядом,
Гром, пожары, черный дым...
Тут в строю стояли рядом
Лес и хаты вместе с ним.

15 — 4591

449

Понимали мы душою,
Что в простой солдатский строй
Встанет городом-героем
Крепость Брестская — герой.

Год за годом, поздно ль, рано,
Мир идет поклон отдать.
И на всех, на всех с кургана
Смотрит мужественно Мать.

Блеск снежинок в белой стыни,
И как будто слышен стон.
А из нашенской Хатыни
Долетает перезвон...

АЛЕКСЕЙ ПЫСИН

Алексей Васильевич Пысин родился 22 марта 1920 г. в д. Высокий Борок Краснопольского района Могилевской области в крестьянской семье. Учился в Коммунистическом институте журналистики в Минске (1937-39), окончил Высшие литературные курсы в Москве (1958). Участник Великой Отечественной войны. Член СП СССР с 1950 г. Работал в редакциях районных газет (1939-41, 1946-56), с 1958 г. в редакции газеты «Магилёвская правда», с 1974 г. — секретарь Могилевского областного отделения СП БССР.

Заслуженный работник культуры БССР (1980). Лауреат Государственной премии БССР им. Янки Купалы (1968). Награжден медалями. Умер 27 августа 1981 г.

Печататься начал в 1938 г. Автор сборников поэзии, поэтических книг для детей. Вышли избранные произведения в 2-х томах (1980).

На склоне дня светлю, раскрепощенно,
На землю тень кладет дубов семья.
О, как нужны теперь твои ладони,
Любовь моя.

Когда устану — выпадет не в меру, —
Ищу поддержку в обличье твоём;
И я в прилив могучих сил поверю, —
Ведь мы вдвоем.

Заметишь, что вскипаю бессердечно
И слово резкое сказать хочу, —
Ты опусти ладони мне на плечи,
И я смолчу.

Дубы листву теряют, как спросонья, —
У каждого листа короткий век.
В мой листопад нешумный ты дотронься
До сонных век.

И я почувствую, увижу, Всемогущий,
Узрю ладонями своими я
В полете ласточку, рябину в пуще,
Любовь моя.

1964

452

Прощай, приморский светлый городок,
Огни в воде... Так радовали нас вы!
Еще зайдем мы в старый уголок,
Запомним улицы и скажем: «Здравствуй!»
Запомним? Нет, придумаем свои,
Такие, чтоб о многом говорили.
Пусть оживают каждый раз они
И все, чем нас со щедростью дарили.
Сердца тут бились с каждым днем сильней,
Гул ощущая, радость и сомненья.
Я в чем-то чище стал, богаче и мудрей,
И молодец в единое мгновенье.
Здесь множество дорог. Они везде —
Во все края уходят дружелюбно...
Переливаются огни в воде,
Передо мной они, и — недоступны.

1964

453

Светилось чуть зеленое окно,
И трепетали тени от ветвей.
Я слушаю знакомое давно,
Что оживает в музыке твоей.

Мажорно звуки плыли над землей,
Как лава синева вслед за дождем.
В мелодии сливались и покой,
И высь, и даль, и жизни бурелом.

Себя безусым вспомнил я юнцом,
Уверенным, что очень щедрый свет,
Рябина рдеет каждый год огнем,
И — путь прямой до сердца и планет,

И есть любимая с моим окном,
И с ней пойдешь на самый край земли,
И этот край — не тесный мой окоп
(Тогда окопов видеть не могли).

Засыпались глубокие впадины
Над пройденным. И знаю я одно —
Что мир богат. Есть музыка и ты,
И есть твое зеленое окно.

1964

454

• ***

Куда спешат седых дождей колонны,
Не зная ни дорог, ни переправ?
Гром отремел давно — трубач бессонный,
Что всем живым и мертвым сбор играл.

Тогда с корнями вырывались ели,
Со склонов гор катились валуны,
Речушки обмелевшие кипели
И сеном-медом пахло от копы.

Ты появилась с молниями, ливнем,
С глазами — бездной голубой точь-в-точь.
И, может, для того, чтоб был счастливым,
Слепила всех рябиновая ночь.

Волы миллиарды лили с неба воды,
Светили и гремели впереди...
Пригнувшись, пробегает небосводом
Осенние бесшумные дожди.

И я примкну к печальному их колоннам,
Короткому себя доверив дню;
И вновь вступаю на берег тот соленый,
Твой следы на дюнах догоню.

1965

455

АЛЕСЬ СОЛОВЕЙ

Вскакивали в стремя печенег,
И хватали звезды на скаку...
Сгинули кочевники навеки.
Замостили пыльную тропу.
Истине не нужно, чтоб сказал ты
Что не весь еще в ладонях свет.
По-земному гибнут космонавты,
На земле давно живет Завет.
Ошибаться — но не в самом главном.
На смертельном вираже на миг
Вспыхнет щит немногословно, явно:
— Веру в достижимость сбереги.
Палили с разлету печенег,
Не схватив звезду на всем скаку...
Не достигнешь в бешеном набеге
Истины, доступной дураку...
Истине не нужно, чтоб сказал ты,
Что не весь еще в ладонях свет.
По-земному гибнут космонавты,
На земле мы веруем в Завет.
Ошибаться — но не в самом главном!
На смертельном вираже на миг
Щит с немногословным вспыхнет явно:
— Веру в достижимость сбереги!

1967

Алесь Соловей (Альфред Радек-Кодняк) родился 1 мая 1922 г. в д. Крысово Дзержинского района Минской области. Учился в педтехникуме, до войны работал в логотипской районной газете, учительствовал на Вилейщине. В октябре 1942 г. в Риге сотрудничал в журнале «Новы шлях». С наступлением Советской Армии в 1944 г. уехал на Запад, жил в Берлине, Праге, Вене. С 1949 г. жил в Австралии. Умер 22 января 1978 г. Печататься начал в 1937 г. Первый сборник поэзии издал в 1944 г. в Риге. В Вене издана историческая поэма «Звінціць знами святої Сафи» и сборник «Сила гневу», в Австралии — сборник стихов. Посмертный сборник стихов вышел в Нью-Йорке и Мельбурне в 1982 г.

Стелют головы, как снопы, молотят
цепами стальными, на току жизнь
кладут, веют душу от тела.

«Слово о полку Игореве»

Там, на смертельном току, там, где головы
стелют цепами,
Веют души от тел, поля устилают костями,
Крепко держат свой стяг непокорные внуки
Всеслава,
Падает долу один — новый сменяет его.

457

Думаешь, вражина, смыть нашу славу
Высям безмерным под стать кровью чужою
Сколько ты жизнь ни топчи —
не поднимешься к ясным созвездьям,
Сколько ни прыгай, ни рвись, высей тебе
не достичь.

1939

• ТЫ

И леса, и луга, и лазурные нивы,
Неба — вечная синь, дол — как зелени шелк.
Это — Ты. Почему я с Тобой несчастливый?
Почему без Тебя жизни я не нашел?

За любовь лишь к Тебе я готов на мученья,
А в разлуке с Тобой не прожить — прозябать,
И за слово свое буду без отречения,
Как за слово Твое, головой отвечать.

И в глубинах души поднимается сила,
Гнев — название ей, и пророчит она:
За любовь лишь к Тебе — непокорному —
крылья,
За разлуку — виновному — только труна.

Непокорному — Ты и лазурные кони,
Из могилы виновным — голов не поднять.
На широких путях стародавней Погони
Устремлений Твоих ни разбить, ни сдержать.

1942

Леса. Пригорки. Вкус травы.
Лазурь небес. Поля. Озера.
Как далеко остались вы,
Отчизны близкие просторы!

А дни среди полей чужих
Лелеют нивы золотые.
Пойди, прислушайся. Но в них
Шумят колосья неродные.

Шумят. В простор полей взгляни:
Чуть дальше — Родины картины.
Плывут над ней кроваво дни
И пролетают над другими.

Погибель там, где чуждый след.
Своим, чужим... Куда же деться?
Окрест тебя — огромный свет,
А человеку нету места.

1944

460

• ...В очи девицы, очи, как звезды,
Мне теперь, как глядел, не глядеть.

М. Седнёв

Жить судьба мне лихая пророчит,
А спасенья не вижу нигде.

Мне на вас, бесподобные очи,
Как глядел раньше я, не глядеть.

Доведется мне долгу свалиться,
Как бывает порою всерьез,
Будут очи печально молиться
И не выплечут, видимо, слез.

Пусть они и не скажут об этом, —
Представляю такими я их.

Если не был бы в сердце поэтом,
Может, пел бы теперь о других.

Очи милые... Их я, бывало,
И печальными мог представлять.
Душу мне они всю взволновали,
Как никто не сумел взволновать.

И теперь я печаль им пророчу,
Не могу их надеждой согреть, —
Мне на вас, бесподобные очи,
Как глядел раньше я, не глядеть.

1945

461

Земля моя — сокровища, атласы,
Как ночью золото, как жемчуг в день,
Средь них так много чудных красок,
Что лучше в мире не найти нигде.

Когда б собрал их щедрою рукою
И вставил в строчки звучного стиха,
Он засверкал бы яркою лугою
Сквозь тьму и тлен, забвеньи и века.

1945

АНАТОЛИЙ ВЕЛЮЖИН

Анатолий Степанович Велюжин родился 27 декабря 1923 г. в д. Мошканы Сенненского района Витебской области в семье фельдшера. В 1939-1940 гг., будучи студентом литературного факультета Минского педагогического института им. М. Горького, работал в редакции газеты «Звезда». С сентября 1941 г. учился в Свердловском педагогическом институте. В 1942 г. был призван в Красную Армию, учился в Луганской авиашколе, участвовал в боях на Сталинградском фронте. В 1943 г. был ранен, долгое время находился на лечении в госпитале. В 1945-1946 гг. работал в газете. В 1948 г. окончил Минский педагогический институт им. М. Горького. В 1946-1984 гг. с небольшими перерывами работал редактором отдела поэзии журнала «Полымя». Член СП СССР с 1946 г. Награжден орденами и медалями. Заслуженный деятель культуры Белорусской ССР (1969).

Печататься начал в 1934 г. Автор сборников поэзии, сборников стихов для детей. Вышли избранные произведения в 2-х томах (1973, 1984). Выступал и как переводчик. Лауреат Литературной премии им. Янки Купалы, Государственной премии БССР.

СМОЛЕНСК

Сосновый малахит,
Брусничная заря.
Славян кровавый щит
У берега Днепра.

Он принял ратный звон.
От русского штыка
Бежал Наполеон
Сквозь синие снега.

Вознесся над рекой
Вратами на стене,
За нею быстриной
Шуметь Березине.

1943

464

Моей судьбы и смерти переправы,
И Сталинград поныне снятся мне...
Свалился я, подкопленный железом,
Родную землю обнял как сумел.
Она пропахла дымом и польною,
Слезами наших матерей, детей.
Когда ее в ладони сжал до боли —
Сквозь пальцы брызнула густая кровь!..
Не помню я, когда на самолете
Меня везли далёко на Урал,
Где на болотах серых клюквы гроздья
Цветут и спеют поздно, как у нас.
Лишь увидал стол операционной
И в окнах — чернолапую тайгу.
Покой вокруг... Белым-бело на свете.
Колышет, будто облако, меня...
Окаменевшие мои разжали пальцы —
И на паркет посыпалась земля.
Песчинки молча взглядом провожали.
Потом собрал их тихо санитар.
Седой, на моего похожий деда,
Неслышно он остался у дверей.
А раненные бредили о Волге...
За окнами огни и черный снег.

1943

465

ЗРЕЛЫЙ БОР

Из всех соборов есть собор,
Где хочется молиться:
В зеленой выси зрелый бор,
Звонят твои звонницы.
В роскошной зелени полян,
Где молодость ходила,
Багульник, липа, дурнопьян
Раздули все кадила.
Стоят полки боровиков,
Дрожит басок пчелиный.
Глубокий мох, на листьях кровь
Нетронутой малины.
Следы разрезов на стволах,
Что крест судьбы тернистой.
Спешит всюю барсук-монах
В свой закуток тенистый.
Янтарных смол здоровый дух.
На кроне в выси ясной
На облаках белесый пух —
То ангела бьет ястреб.
Куда ни глянешь — новизна,
Чабрец плетет узоры,
И песню каждая сосна
Поет густому бору.

1959

466

РЫБАЦКОЕ КЛАДБИЩЕ

Миколу Нагибеду

Былины моря на граните
Читайте, дань отдав красе
Янтарного прибора в Ниде
На Куршской солнечной косе,
Где ночь и день дымятся дюны
По скалам зыбким и крутым,
И хвойник там, извечно юный,
По склонам стелется, как лым.
И хочет он, разлапый, низкий,
Сдержать тяжелый шаг песков.
Седые волны, как колыска*,
Кольшет долю рыбаков.
Былины моря — на граните
Замшелых, выщербленных плит, —
На старом кладбище у Ниды
Расскажет все тебе гранит.

* *Колыска* — колыбель (*Ирим. ред.*).

467

Читаешь надписи былого:
 Ну, хоть бы памятник один,
 Где имена пробиты строго
 Твоих ровесников-мужчин!

Лишь только женщины и дети...
 Ужель не плавали сюда
 За всю историю на свете
 Отцов и прадедов суда?

Ужель они не умирали
 Под отчим небом — рыбаки?
 Мгновенный взгляд в морские дали
 Из-под обветренной руки:

— Да... Там они... — бурлит ревнивый
 Тяжелый, в белой шапке, вал.
 Печален шум рыбацкой нивы
 И, замерев,
 молчит
 причал.

1959

ВИКТОР ШВЕД

Виктор Никитович Швед родился 23 марта 1925 г. в д. Мора Белостоцкого воеводства в Польше. Окончил Белорусский лицей в Бельске (1946), отделение журналистики (1955) и белорусской филологии (1969) Варшавского университета. В 1948-57 гг. работал редактором в Институте общественных наук в Варшаве, в 1957 г. был публицистом в газете «Нива» (бел.) в Белостоке. В 1959-60 гг. — секретарем Главного управления Белорусского общественно-культурного товарищества в Белостоке. В 1960-88 гг. работал в варшавском издательстве «Книга и знание». С 1988 г. живет в Белостоке. Член Союза польских писателей с 1977 г. Награжден орденами и медалями. Давно завоевал значительную популярность на Белостоке как белорусский поэт и просветитель-пропагандист белорусской литературы и культуры. Заслуженный деятель культуры Польши.

Начал печататься в 1957 г. Автор поэтических сборников.

ЦЫГАНСКИЙ ТАБОР

В заплатах облезлых шатры
На возах разномастных
В степи полуночной поры
Мне вспоминаются часто.

И песни, что под барабан,
Печальные звуки гитары,
Певал бородастый цыган
Пронзительно, искренне, с жаром.

И те, кто с детьми на руках,
Одетые чудно цыганки,
С монистом, платком на плечах,
Гадали на счастье крестьянкам.

Отъехало все их добро,
И горе, и детские слезы,
И то же пустое ведро,
Что звякало звонко под возом.

1991

470

• * * *

Людская жизнь, словно костер в ночное:
Сначала теплится чуть искорками вволю,
Огнем тихонько ползает порою
И вспыхивает пламенем веселым.

Потом она горит себе спокойно
И угасает на глазах бесплодно,
Недолго тлеет важно и достойно,
И пеплом забывается холодным.

1991

471

СВЕРКАЕТ ЛЕС МОЙ ЗОЛОТОЙ

Сверкает лес мой золотой,
Над головою неба просинь.
Шуршит опавшею листвою
Вся в позолоте дивной осень.

Она идет на мой порог
И остается домоседом.
Я в жизни все ищу дорог —
Идет за мною осень следом.

Как видно, с ней придется жить,
Не разделить нас силой злою.
И если с нею мне дружить —
Пусть будет осень золотогою.

ДМИТРИЙ ШАТЬЛОВИЧ

Дмитрий Шатьлович родился на Белосточине в д. Черемуха 8 ноября 1926 г. Во время Великой Отечественной войны был подростком вывезен со многими юношами и девушками в Германию, освобожден наступающими войсками союзников. Призван в армию, получил ранение на фронте. После войны получил высшее инженерное образование, работал на инженерных должностях в Варшаве.

Опубликовал поэтические сборники (1992, 1993).

ПОМНЮ

Я все помню тот мост над обрывом реки,
Паутину нависшую ночи,
И пожатие нежное milой руки,
И росю омытые очи.

Помню шепот, дрожащий на тонких губах,
О разлуке, любви, безрасудстве,
Как ты нежно сжимала в холодных руках
Мой подарок — букетик настурций.

Как меня целовала ты, будто во сне,
Как шептала «прощай» непорочно.
И как плавной походкою, словно в челне,
Поплыла в бездну черную ночи.

И я помню, как долго стоял и глядел
В черноту заколдованной дали.
Попелуй на губах, затухая, горел,
Щеки пламенем ярко пылали.

1957

О, ЕСЛИ Б...

О, если б вчера ты пришла на свиданье,
Букет пышных роз я б тебе подарил.
С единственным нес их тебе я желаньем,
Чтоб взгляд на них твой на мгновенье застыл.

Они для тебя зацвели так любовно,
Цвета их сияли, как звезд огоньки.
Они еще долго цвели, безусловно,
Когда б их согрела ладонью руки.

О, если б вчера ты пришла на свиданье,
Я сердце свое бы тебе передал.
Его в муках горьких и долгих страданий
Я лишь для тебя много лет продержал.

Но ты не пришла. Розы грустно завяли,
Покрыла их жуткая пыль забвения,
А сердце от боли, стыда и печали
Затихло в груди в мраке небытия.

1961

ЖЕНЩИНЫ ИЗ ЛУВРА

Дворец королевский дрожит от людей.
Полки пилигримов, и все как один
Пришли посмотреть на жите королей,
Застывшее в бронзе и красках картин.

Крылатая Ника впускает без виз.

Как улей, гудят толпы всех языков.

Потоком могучим то вверх, а то вниз

Несутся, как Сена меж арок, мостов.

Не помнятся все имена мастеров,

Полотна которых взирают со стен,

От малоизвестных из Средних веков

До славных, как Го́йя, Ван Гог и Гоген.

Во всех коридорах и залах со спен

Взор тешат фигуры и лица богинь,

Веселых, как солнце, печальных, как тень,

Дам пышно одетых и пагих святых.

Вот «Кревская Анна» — Гольбейна портрет —

На зрителей смотрит сквозь толщу стекла,

И будто сейчас, по прошествии лет,

Идет во дворец на прием короля.

В парче, словно в ризе; заманчивый лиф,

Под ней шемизетка ажурная вся,

И шею алмазы змеей оплели.

А крест и кораллы блестят, как роса.

В лице — утонченность, не видно морщин,
Под верхними веками два уголька,
Две узкие брови спадают с вершин,
И губы, как трепетные мотыльки.

А Халса «Цыганка» смеется всегда,
Красива она и свободна,
И грудь сладострастно обнажена,
И взгляд ее манит сегодня.

Вновь грустные очи — «Мадам Рекамье»:
Фривольно в накидке присела в шезлонг
В запущенной келье, будто в тюрьме,
И ждет с нетерпением, когда явится он.

А вот «Одалиска» — картина Ингрэ* —
Таинственно светится плеч белизна,
Но кажется, только попала в гарем
И очень боится султана она.

Вторая картина «Родник» — из глубин
Ступает красавица, брови вразлет,
На левом плече наклонился кувшин,
Откуда вода ручейками течет.

Исполнено грации тело ее
И груди, как яблоки райских садов.
Своей красотой пробудила живьем
В художникс, видно, любовь.

В покое направо от темных дверей
Стоит удивительный шкаф у стены.
Вокруг него толпы галдящих людей,
Никак наглядеться не могут они.

* Речь идет о французском художнике Ж.-О. Энгре.
(Прим. ред.).

Из шкафа, как в клетке, сквозь стекла окна
Джоконда чарует улыбкой живой,
В глазах ее светится отблеском дня
И радость, и счастье, и теплый покой.

За ней сотни женских блестящих очей
Меня через весь провожают дворцов.
О каждой тут можно во власти страстей
«Поэму экстаза» писать, наконец.

А бронза и мрамор волшебных богинь —
И римских, и греческих — давних веков,
Мадонн и цариц, королев и княгинь,
Рожденных умелой рукой мастеров.

«Венера Милосская» — в мраморе грация,
С вечной нетленной своей красотой.
Тонкие губы едва улыбаются
Страстью волнуя и... чистотой.

Хоть взгляд устремлен ее в сторону, в парк,
Хотя и без рук, но как будто живая.
И хочется мне, чтобы сделала шаг
Навстречу любви богиня земная.

Проходят часы. Выхожу я во двор.
Как день этот был бесконечен.
В ушах все звучит героинь этих хор,
В глазах — вдохновенье и вечность.
Я чувствовать буду любовью божий день
И лица, и взгляды прекрасных богинь.
Веселых, как солнце, печальных, как тень,
Дам пышно одетых и naïгх святых.

1975

ЕВДОКИЯ ЛОСЬ

Евдокия Яковлевна Лось родилась 1 марта 1929 года в д. Старина Витебской области. В 1948 г. окончила Глубокское педучилище, в 1955 — филологический факультет Минского педагогического института им. М. Горького. Работала редактором Учебно-педагогического издательства БССР. В 1960 г. окончила Высшие литературные курсы в Москве. Была литработником газеты «Звезда», ответственным секретарем журнала, главным редактором. Награждена орденом «Знак Почета». Член СП СССР с 1957 г. Умерла 3 июля 1977 г.

Впервые выступила в печати в 1948 г. Автор сборников поэзии и нескольких книжек для детей. Помимо стихов, писала прозу, занималась переводами. В 1979 г. вышли избранные произведения в 2-х томах.

СОНЕТ

Зачем ты мне, ведь я же не люблю
Тебя душою, мыслями, внушеньем,
И никогда меж звуков, их оттенков
Твой голос сердцем чутким не ловлю?

Зачем ты мне, ведь я же не желаю,
Чтоб в жизни ты не ведал горя тени,
Чтоб доверялся совети, влеченью,
С какими ты шути, смеясь играешь?

А ты хоть раз подумал, пресловутый,
Что времени прекрасные минуты
Бездумно и напрасно трагитишь ты?

Очнись, и, может, осенит вдруг свыше,
Что ты цветешь чернобылем пустым,
А сердца, что живет с тобой, не слышишь...

1957

НЕЛЮБИМЫМ

Я не скажу, вы плохи или нет,
И вам несчастий я не пожелаю.
Служите и выслуживайтесь; мне
Те дороги, кого я уважаю.

Хоть для меня не пожалели слез,
Вы издевались надо мной сурово...
Мой разум ололел и перенес
Боль чести, униженья словом.

Я вновь живу, хвала моим летам,
Дружу с лесами, с нивою несжатой...
С дорог своих песчинки я не дам:
Берите то, что дали мне когда-то!..

1962

В мгновении каждом поэзия есть,
В действиях вся красота ее, честь.
Во всем живущем — она всегда,
В нищем последнем — ее беда.
И, значит, мгновенье — оно мое,
И вдохновенье — тоже мое!
Во всем живущем себя найду,
В нищем последнем — свою беду...

1965

Тот, кто вырыл колодезь,
Не умирает...

А кто вырастил колос?
А кто выковал полоз?
Проложил тропу без ошибки,
Подарил
Дорогу
Улыбку?

Я смогрю
В колодезь холодный.
Я с тобой,
Мой народ благородный...

1965

АЛЕКСЬ СТАВЕР

Алесь (Александр Сергеевич) Ставер родился 10 августа 1929 года в д. Марговица Докшицкого района Витебской области. Весной 1944 г. был угнан фашистами в Германию, вернулся на родину в 1945 г. В 1949 г. окончил Борисовское педагогическое училище, в 1954 — филологический факультет Минского педагогического института им. М. Горького. Работал старшим пионервожатым и преподавателем белорусского языка и литературы в Бегомльской средней школе, инспектором школ Логойского района, литсотрудником газеты, редактором Государственного издательства БССР, заведующим литературной части Белгосбилаэромии, научным сотрудником Института искусствознания, этнографии и фольклора АН БССР. В 1975-84 гг. — корреспондент-организатор Бюро пропаганды художественной литературы СП БССР. Член СП СССР с 1962 г. Умер 23 июля 1995 г.

Начал печататься в 1949 г. Автор поэтических сборников, писал также прозу.

ЖУРАВЛИ НА ПОЛЕСЬЕ ЛЕЯТ

Чтоб любить Беларусь нашу милую,
Нужно в разных краях побывать.
Понимаю, зачем журавлиную
На Полесье весной тянет рать.

Что им знойные дни бестолковые,
Что им пышный платановый рай,
Если дали их кличут сосновые
И озерный, рябиновый край.

Сенокосы, жнивьё, пуши, пажити
Не заменишь ничем и нигде,
И Отчизну, где тропочка каждая
В дом приветливый манит людей.

Чтоб любить Беларусь нашу милую,
Нужно в разных краях побывать.
Ты поймешь, почему журавлиную
На Полесье весной тянет рать.

1967

ВЛАДИМИР КОРОТКЕВИЧ

Владимир Семенович Короткевич родился 26 ноября 1930 г. в г. Орша Витебской области в семье служащего. В годы Великой Отечественной войны находился в эвакуации в Пермской области, затем в Оренбурге. В 1944 г. вернулся в Оршу, получил среднее образование. В 1954 г. окончил филологический факультет Киевского университета им. Т.Г. Шевченко. Учительствовал в деревне Лесовичи Таращанского района Киевской области (1954-1956), в Орше (1956-1958). Окончил Высшие литературные (1960) и Высшие сценарные курсы (1962) в Москве. С 1962 г. жил в Минске. Член СП СССР с 1957 г. Награжден орденом Дружбы народов. Умер 25 июля 1984 г.

Первые стихи опубликовал в 1951 г. Автор сборников поэзии, рассказов и повестей. Выступал как публицист и критик. Вышли избранные произведения в 2-х (1980) и в 8-ми томах (1987-1991). Работал как переводчик. Лауреат Литературной премии СП БССР им. И. Мележа (1983), Государственной премии БССР (1984).

На древней родине раскидистые клены
Неслышно начинают облетать
На рыжую траву, на мох зеленый,
Калитки и запруды, и на гать.
Земля глядит озерными-глазами
На ясный мир, что замер в красоте.
Так чисто, словно свет просторы залил,
Так тихо, словно нет людей нигде.
Извечная моя! В студеных росах,
Как год назад, миллионы лет, — увя! —
Бросает осень золотые косы,
И зиму кличет желтый плач листвы.
Морозит губы горький вкус рябины,
Целую их, холодные как лед.
О, вы, кто под руку пойдете с любимой
Под теми ж кленами чрез сотню лет, чрез год,
Поймете ли, что так же мы любили
И что ушли, как и уйдете вы,
Что вечны Родина и даль Отчизны милой
И желтый лист на зелени травы?

И что тысячелетиями клены
На землю будут тихо облетать
На рыжую траву, на мох зеленый,
Калитки и запруды, и на гать.
И что они недаром щедро всюду,
Когда вдыхаешь древний дух земли,
Роняют золотого под ноги людям,
Чтоб мы ее любили, берегли.

1958

ЗИМНЯЯ ЭЛЕГИЯ

Сегодня что-то тишина такая,
Что хочется присесть и погрузиться.
Звезда печально над землей мерцает,
И липа чуть от холода дрожит.
А я все почему-то забываю,
Что день прошел, угаснувший в тиши,
Что время мчится и что ты — другая,
И я исчез уж из твоей души.
Журнал передо мной с твоим портретом —
Глядишь с улыбкой светлой в тишине,
И я припоминаю Днепр и лето,
И тень капитана на сухой стене.
Но странно, я совсем не вспоминаю
Тот день, когда тебя увидел я
Впервые. Может, осень золотая,
А может, вешний день был в тех краях.
Но очень четко помню я: девчачий
Покой, Чайковский хмурый на стене,
Рояль о чем-то сиротливо плачет
И призраки капитанов на окне.
Ты помнишь: поздней осенью туманной,
Когда с деревьев все летит долой,
Лист желтый остается на капитанах,
Где конусы фонариком сплело?

Фонарь — и желтый шарик на каштане,
 Всех братьев рядом вымела метла.
 Вот так и я к любимой льнул, желанной,
 И жил лишь только у ее тепла.
 Меня влекли невиданные очи,
 Похожие на просинь у небес,
 И скромности девичьей многоголосье,
 И святость, как судьбы пресветлой крест.
 Есть мелочи великого значенья:
 Любовь, которая растопит лед,
 И даже половицы в темных сенях
 Век памятливы, как сказок хоровод.
 И может, для того она приходит,
 Чтоб мы запомнили с тобою на века,
 Как пахнут рыбою ночные воды,
 Каков полет ночного светлячка;
 Чтоббы века не забывало сердце
 Спокойный дым над зеркалами рек,
 Чтоб каждый был до старости, до смерти —
 Достойный, настоящий человек.
 Я помню все: тугая ряска
 Стянула пруд. Минул наш первый май.
 Какой казался нам волшебной сказкой
 Наш пригородный лес — как некий рай!
 Пусть каждый хоть на миг поймет единый,
 Как бесконечно сложен белый свет,
 Как просто разминуться с той, любимой,
 Которую ты ждешь десятки лет!

Уходят дни и годы. Понимаю,
 что счастье не бывает без Творца.
 А боль живет, и сердцем ощущаю,
 что жить извечно будет, до конца.
 И все ж на склоне дня и утром ранним,
 И в ясный день, в полночной кабале
 я жизнь благодарю за тень признанья,
 За то лишь, что живешь ты на земле.
 Сажу в гостиную рядом с печкой дымной.
 Шинит пластинка. В сердце много дум.
 Кручу «Над домом флюгер у любимой»,
 И Шуберт слушает со мною ветра шум.
 О «Зимний путь»! Забытые строенья,
 Забытый вкус твоих любимых губ.
 Шарманки звуки стыннут, как виденья,
 Промерз у деревенской хаты дуб.
 Благодарю тебя. И пусть чужая,
 Пусть для другого источаешь свет, —
 Ты есть, ты где-то есть, и ты живая,
 Ты ходишь ранним утром по траве!
 Твой в загаре руки куст ломают.
 Живи и вечной славой пламеней!
 Рукой закрыв глаза, я улыбаюсь...
 Ты есть на свете. И довольно мне.

1958

КОРЧМЫ

Корчмы... Дороги... Лиры за спиною...
В годах Христовых — бедным школяром...
Идут ли дни и ночи чередою,
Повсюду мне любовь, и стол, и дом.
А в торбе за спиной слова — не ново, —
Для песен клетка, соль, фонарь-ночник,
Табак и нож, и вышитый суровый
За годы не протершийся рушник.
И горьких шуток воз везу без лени —
Любой сались, отдам и не совру,
Утру лицо я полотенцем в сѣнях,
А не дадут, обсохнут на ветру.
Под каждым деревом домашним светит

светом,

И я пройдем мед сплавляю свой,
Поля, леса с неровным силуэтом
И стаи воронья над головой.
Нерун смеется, плачет и тоскует,
С кустов рвет ветер одинокий лист,
И на щеках застыли поцелуи,
В устах зажатых — соловьиный свист.
В глазах, мир отражая, как в оконце,
Земля моя встает передо мной,
Высокая и чистая, как солнце,
Чистейшая, без пятен день-ленинской,

Раскованная, добрая, святая,
Изведенная, как отцов поля,
И каждый день все более родная,
Что боги дажи, даже не друзья.
По ней иду я с ранних зорь устало,
Дерева гляжу, как на алтаре,
Чтоб каждый вечер на закате алом
Журавль колодца видеть во дворе
И сестр под стрехою, что пахнет дымом,
К которой прикипел могучий дуб,
И песней отвечать хозяикам милым
За горький хмель и трепет томных губ,
Желанных, словно жнивеньское лето,
И преданных, как отчие поля.
Глядят левчата, сердцем взгляд согретый
И близкий, как родимая земля,
Как нежность женских рук надежных,
Что глядят ласково лихие кудри мне...
Корчмы дорог, раскиданные стежки
По всей моей озерной стороне.
И что мне те, кто за высокой брамой, —
Нелюбых окон жаждущая муть, —
Что в ночь глядят и шамкают губами
И думают, что могут жизнь свернуть?
Что мне они, когда, как дар единый,
За песню сердца, что несу в корчму,
Мне ало гробзя светятся рябины,
Не ведаю, за что и почему.

Когда за простенький припев, тоскуя,
Во всех ломах, в моих родных краях
Меня всё, кажется, здесь нежит и целует
Земля моя, родимая моя.
Когда она, Любовь, руками божьими
Везде лихие гладит кудри мне.
Корчмы, дороги, стежки осторожные
По всей моей озерной стороне.

1969

494

...И прощай. Не нужно сожалений.
Что мне в них, когда на боль иным
Светит мне любовь благословенно,
Словно месяц, светом не своим.
Твои руки — солнечная сказка,
Только что заменит доброту?
Что мне солнце без тепла и ласки?
Что мне губы, где огонь потух?

1969

495

Строка бесспорна, безупречна —
Один для слабых верный щит.
Не умирать Поэтам вечно,
В бессмертных Песнях вечно жить.

Когда пойду с юдоли горя,
Не завершив последний сказ,
То божий мир меня повторит,
Как повторял уже не раз.

Как море, звезды и озера,
Какие в вечность заберу.
Мир щедрый.
Мир меня повторит...

Ну а не мир, так Беларусь.
Мне — хватит...
1979

МИКОЛА АРОЧКА

Микола (Николай Николаевич) Арошка родился 10 декабря 1930 г. в д. Ветевичи Слонимского района Гродненской области в крестьянской семье. В 1951 г. окончил Озерницкую среднюю школу Слонимского района и поступил на филологический факультет Белорусского государственного университета. В 1956-1960 гг. работал в журнале. В 1966 г. окончил аспирантуру при Институте литературы им. Янки Купалы АН БССР. С 1966 г. — научный сотрудник этого института. Доктор филологических наук. Член СП СССР с 1958 г.

В печати со стихами начал выступать с 1949 г. Автор сборников поэзии, драматических поэм (1982, 1990), книжек стихов для детей (1964). Издал сборники критико-литературоведческих статей. Один из авторов «Истории белорусской советской литературы» (1977). Переводит на белорусский с русского, латышского, польского, английского языков.

Где-то там, в зеленой пойме Нила
Собрались в дорогу журавли.
Может, птицам корма не хватило?
Может, не хватает им земли?

Нет, наверное. В краях далеких
Одного недостает — семьи:
Тех дубов наднеманских высоких,
Где им нужно гнезда вить свои.

1954

498

СЛОВО К ЯНКЕ КУПАЛЕ

Вступление к поэме «Крэва» («Кривъ»)

Начнем разгадывать мы сами
Загадки наших горьких бед.

Янка Купала «Могіла льва»

В свою зову поэму не Уранию,
Не опекуنشу давних эпопей,
А нестибаемый твой дух, что помощней,
Нам наказал копать свои курганы.

Как тяжко спрессовались там в пластах
И пепел хат, и горький хлеб, и битвы,
Извечный страх, и вера, и молитвы —
Неужто это ныне — только прах?!

Теряем, что имеем... А бывшее
Как будто к нам летит на всех парах.
Развеивает время жестоко прах —
И восстает из мертвого живое!

Живым — нам нужно познавать себя,
Идти все глубже к непростым разгадкам:
Кто были мы? Кто предки? Что в порядке?
Какая оживает нас борьба?

499

Мы на своей земле... Мы дома снова!
И разрушимо так. Очаг наш не потух.
Давно нас учит твой, Купала, дух
Идти к самосознанию через слово!

Из-под былых разломов и руин
Беру стекла обломов, словно кредо,
И обжигает губы слово «Крэва»
Горячим ступком праведной крови.

1981

СОДЕРЖАНИЕ

Николай Перелесов	
Рифмованная арифметика времени	5
От переволдика	20
КИРИЛ ТУРОВСКИЙ	
Похвала Евфросинии Полоцкой	27
ФРАНЦИСК СКОРИНА	
Веруй в Бога Единого	29
Бога в Троицу почитай ко славе	30
Попеже от рождения звери, хощащие в пустыне	31
Не копай под другом своим яму	31
СИМЕОН ПОЛОЦКИЙ	
Метры на пришествие во град отчий Полоцк пресветлого, благочестивого и христолюбивого царя и великого князя Алексея Михайловича	33
Перемены всеу дел человеческих	35
Душа	36
Радость печально вершится	37
ЯН БАРЩЕВСКИЙ	
Сонет	38
Девушка	40
ЯН ЧАЧОТ	
О ты, край мой несчастливый!	41
Из цикла «Собственные крестьянские песни»	
«Ах же ты, цветочек мой...»	43
«Поле, поле широкое...»	44
АДАМ МИЦКЕВИЧ	
Неману	45

АНТОЛОГИЯ
БЕЛОРУССКОЙ ПОЭЗИИ
Перевод Геннадия Римского

1 том

Редактор *Ю. Баклакова*
Художник *Ю. Космынин*
Оригинал-макет *О. Зотова*
Ответственный за выпуск *С. Добрин*

Изд. лиц. № 00853 от 21. 01. 2000 г. Сдано в набор 24.11.00. Подпи-
сано в печать 20.07.01. Формат 70х100/32. Гарнитура «Грамон».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 16. Тираж 1000 экз. Заказ № 4591

ОАО «Русский Двор»
129224 Москва, Осташковская, 30

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ППП «География «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер. 6